

Земляничные дожди

14+

Евгения Сафонова

Елена Лев

Главный редактор

Белка Елена

Литературные редакторы

кот ворчун

Михалевская Анна

Дизайн-верстка

Ула Сенкович

Обложка

Художник Лев Елена

Помощники

Ульяна Гринь

Зима Ольга

Криштул

Вербова Ольга

Harry Book

Анакина Анна

ОскарOVA Надежда

Пышкин Евгений

братья Seniza

анс

Магура Цукерман

Blackcurrant

Зауэр Ирина

Сир Андре

bbg Борис

RhiSh

Змий

Mike The

Сергей Решетняк

Leto

Ирина Фингерова

Григорий Неделько

Евгений Руденко

Армант, Илинар

Наталья Фейгина

Художники

Колесова Ульяна
Лев Елена
Argentum Agata
Лякичева Ксения
Самсонова Катерина
Оскарлова Надежда
Бобровская Ира
Ула Сенкович
SEN
HerbstRegen
Каллиопа

Редактура

Холодная Наталья
Михалевская Анна
Зауэр Ирина
Змий (Воробьев Анатолий)

Корреспонденты

Меллори Елена
Воробьев Анатолий
Ула Сенкович
Граменицкая Елена
Фингерова Ирина

Художник Ула Сенкович

СЛОВО редактора

Дорогие друзья!

Мы вдоволь набегались под земляничным дождем и собрали для вас лукошко историй. В них герои ходят по зыбкой грани между реальностью и вымыслом. Спорят с обстоятельствами, не замечая, что создали их сами. Живут мечтами, чтобы примириться с обыденностью. Сумасшедшие, скажете вы. И, наверное, будете правы. Но вместе с тем герои по-своему счастливы. Не это ли главное?

Редакция нашего журнала желает всем авторам, художникам и читателям побольше сочной летней земляники и поменьше промозглого осеннего дождя! Приятного прочтения и до новых встреч!

Редакция журнала

© 2016 Writercenter.ru.

Все авторские права защищены законом. «Мастерская писателей» является товарным знаком, принадлежащим его создателю. Все работы, использованные в журнале, любезно предоставлены авторами и защищены авторскими правами.

20

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Мистика

- 36 Пышкин Евгений. Это ты, Алиса?
- 40 Михалевский Георгий. Духи слышат
- 54 Зима Ольга. Кулик и Оленушка
- 62 Быстров Олег. Поверье
- 76 Богданов Борис. Щенок

Фантастика

- 84 Оskarова Надежда. Мастер на все руки
- 94 Книга Игорь. Нарисуй мне радугу
- 100 Авестас. Рицзу и лабиринт
- 116 Leto. Звезды, которые нам светят

Фэнтези

- 128 Михалевская Анна. Песня золотого дракона

Сказка

- 134 Фингерова Ирина. Любовь и/или смерть
- 136 Решетняк Сергей. На бордаж!
- 142 Марк Шейдон. Рисующий на воде
- 144 Зауэр Ирина. Семь лет и семь дней

Реализм

- 158 Разов Олег. Блиц
- 164 Гринь Ульяна. Лялька
- 174 Mike The. Солнечный зайчик, брысь!

100

62

Поэзия.

32 Фейгина Наталья

34 Чепурной Сергей

35 анс

81 Считалка

82 Зима Ольга

83 Фомальгаут Мария

Пышкин Евгений

130 Зауэр Ирина

132 Абрамова Елена

133 Зауэр Ирина

156 Армант, Илинар

182 Магура Цукерман

ИМХО

7 Фингерова Ирина. Побочные эффекты земляничных полей

19 Воробьев Анатолий. Путешествие в небо

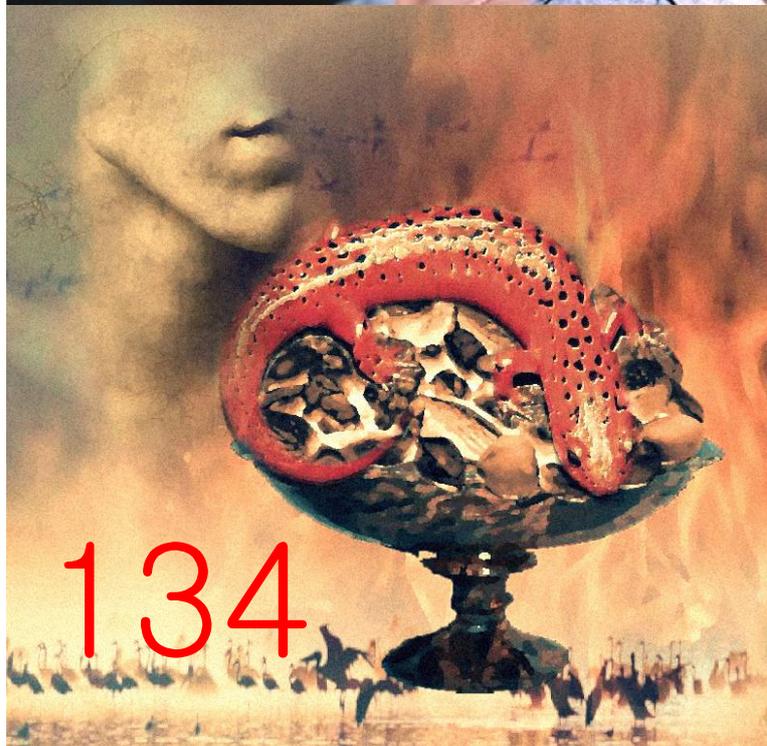
Представляем

10 Граменицкая Елена. Интервью с Сафоновой Евгенией

20 Ула Сенкович. Интервью с Лев Еленой

На десерт

184 Меллори Елега. Что такое чудо?

ИМХО

Побочные эффекты

Побочные эффекты земляничных полян

Хитрая развилка лукаво улыбается:
— Направо пойдешь — бумажное царство найдешь! Ждут тебя бумажные лабиринты, бумажные погреба, бумажные мясорубки, бумажные перспективы стать важной персоной бумажной.

— Налево пойдешь — хозяйство найдешь! Ждут тебя сковородки да кастрюли, памперсы да пеленки, сборник «100 лучших рецептов за полчаса», газеты, новости и много носков! Ах да, еще сильные чувства... Особенно — чувство долга.

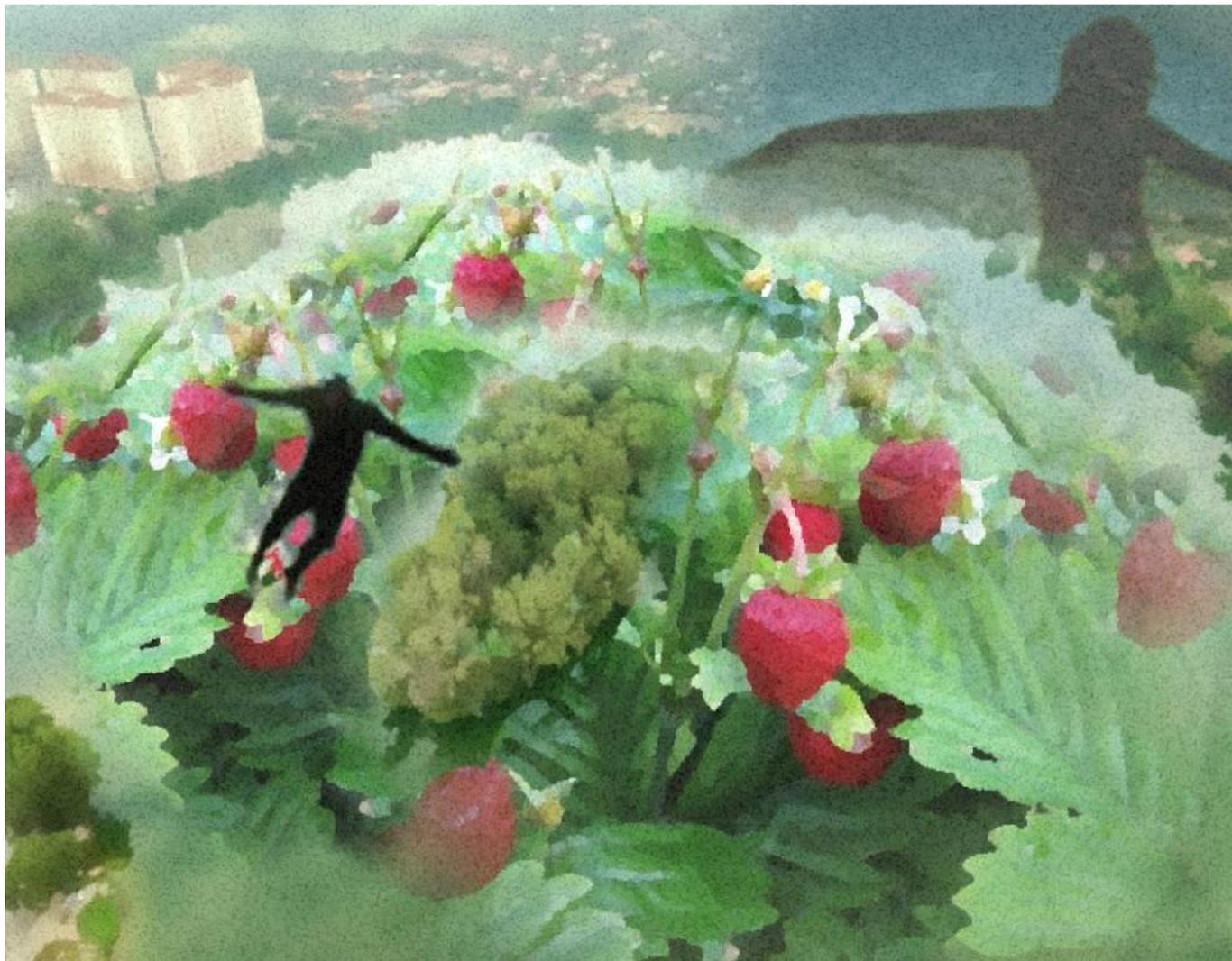
Стоит человек на распутье и думает, куда бы ему податься. Смотрит вниз — внизу пропасть. Бескрайнее небо и бесконечные земляничные поляны приветливо машут человеку, приглашают в гости. Человек, не раздумывая, прыгает.

Добро пожаловать. Погружение началось. Подсознание — плюх — и нырнуло в самое нутро метафизических вод. Та развилка осталась в прошлом, где-то позади, слишком далеко, чтоб о ней думать, но тем не менее, порой напомнит о себе, устроит шторм! Всколыхнется субмарина от далекой волны, расстроится как старый рояль и сыграет свою жалобную мелодичную песнь. Да такую щемящую, что все местные сирены пойдут топиться.

Что это за земляничные поляны, что это за бескрайняя бездна? Это все владения эскапизма!

Эскапизм — стремление скрыться от реальности. Понятие эскапизма произошло от того самого слова *escape* (англ. побег), которым обозначается левая верхняя клавиша на клавиатуре. Кнопка, пригодная для эвакуации, если что-то пошло не так. Вот что можно сотворить с действительностью, когда она расходится с ожиданиями.

Роберт Б.Хайлман утверждает, что широкое употребление термина «бегство» (*escape*) в литературе начинается в начале 1930-х гг., хотя само понятие «литературы бегства» (*escape literature*), как и соответствующая литература, возникают намного раньше. Понятие «эскапизма» приходит чуть позже, хотя само слово также рождается в 1930-е гг. До этого сам термин «*escape*» в наиболее популярном современном значении «бегства от реальности» встречается лишь в единичных случаях, в частности у Ч.Диккенса в 1853 г. Из ранних использований термина можно также вспомнить работу английского поэта и эссеиста А.К.Бенсона, который в своем сборнике 1915 г. «*Escape, and Other Essays*» в эссе так и названном «*Escape*» пишет именно об этом, новом для его эпохи понимании термина «бегство». Он утверждает, что все великие истории в литературе — это истории бегства или спасения. Он упоминает Иосифа, Одиссея, библейского блудного сына, Гадкого Утенка; даже истории любви, утверждает он, это истории «бегства» от состояния отсутствия любви к ее наличию. В великих трагедиях, когда отчаявшийся герой совершает самоубийство это действие тоже представляет для героя бегство и спасение — он не уходит в тишину и безмолвие, он спасается от невзгод этого мира или же уходит туда, где его ждут близкие. Однако все, что предлагает человеческое воображение за пределами жизни, все, что предлагают религии — однообразно и на самом деле не так уж привлекательно. Все они рисуют картину стабильности, спокойствия, тогда как главное, чего мы на самом деле ищем в жизни, и что заставляет нас все время «бежать» — это тяга к

Художник Argentum Agata

разнообразию. После 1964 г. термин «эскапизм» встречается во множестве словарей. Webster's New Collegiate (1973) дает определение: «обыденное отвлечение разума в сторону воображаемой или развлекательной деятельности в качестве бегства от реальности или рутины». Так, начиная с 1960-х гг., в большинстве англоязычных словарей в качестве одного из официальных значений слова «бегство» (escape) закрепляется «бегство от реальности» или схожие определения. В русскоязычной среде этого не происходит. Наиболее близким по смыслу понятием можно считать слово «отдушина».

Следует понимать, что эскапизм не является болезнью и не занесён ни в какие медицинские справочники, хотя, будучи доведён до крайности сторонними причинами, может стать навязчивой манией (например, крайний эскапизм короля Людвига II Баварского, сбегавшего в мир Вагнеровских опер, был признан следствием психического расстройства, а у основателя группы Pink Floyd Сиды Баррета — вызван злоупотреблением ЛСД).

Условно можно разделить эскапизм на два типа: физический и психологический.

С «физическим» мы так или иначе знакомы: тяжелый труд, изматывающие тренировки, алкоголизм, наркомания. С точки зрения человека, недовольного собой — достаточно эффективный способ ухода от проблем.

«Психологический» эскапизм является куда более изощренным. Страусы могут спрятать голову в песок, когда не хотят столкнуться с действительностью; люди поступают хитрее. Тысячи лет эволюции подарили нам кучу способов сбегать от реальности, и все мы в той или иной степени ими пользуемся. Хотя «escape» и переводится как «побег», эскапизм совершенно не предполагает бегства от общества. Конечно, можно помечтать о своей крошечной уютной планетке, вдохновившись маленьким принцем, или на худой конец обойтись необитаемым островом, но это вовсе не обязательное условие. В действительности эскапизм отличается именно тем, что позволяет построить крепкую стену между собой и внешними раздражителями,

прилагая минимум усилий. Механизм очень прост: достаточно эскаписту найти такое занятие, которое будет поглощать его полностью — проблемы потеряют свою силу, перестанут быть значимыми.

Более того, учитывая то, насколько субъективна реальность, нельзя с уверенностью утверждать, что мир, в котором человек готовит суп и моет грязную посуду более реален, чем мир, в котором он летает вместе с Питером Пенном, пытаюсь отыскать его тень. Мы рождаемся участниками игры, правил которой мы не знаем, соглашаясь с этим, потому что не у кого спросить и всю нашу жизнь бродим по слабо освещенному коридору, пытаюсь отыскать правильную дверь. Мы не знаем, кто, почему и зачем нас создал, каково наше предназначение, но знаем, в каком магазине макароны стоят дешевле. Когда что-то непонятное, необычное, необъяснимое врывается в наше сознание — мы испытываем страх, нерешительность, неудовлетворенность и всячески пытаемся защитить себя от вторжения нового в нашу размеренную, относительно изученную жизнь. Может быть, зацикленность на «реальном мире», на повседневности — это тоже своего рода эскапизм. Побег в удобное, привычное, простое.

Довольно часто «эскапизм» воспринимается негативно. То и дело находился ворчун, в лексиконе которого фраза « вот в мое время» встречается чаще, чем «доброе утро». Этот ворчун наверняка считает, что компьютерные игры, фэнтезийные вселенные, аниме, и вообще, вся вот эта современная молодежь медленно, но верно приближается к раскаленным жаровням. Нет чтобы «Капитал» на досуге почитать! Но вопрос в том, деструктивен ли этот побег. Это может быть что угодно: черный ром, белый mdma, безумная любовь, работа, религия, ролевые игры толкинистов с 20-летним стажем. И разумеется, творчество в любом из его проявлений. Творчество — это такая личная комнатка посреди толкотни вокзала. Пространство для мыслей, чувств и вечности.

Кстати, вышеупомянутый Джон Р.Р Толкин рассматривал бегство от реальности во «вторичные миры», порождённые воображением и литературой, как явление сугубо положительное, дающее утешение и удовлетворение. Он считал, что «побегу» в литературе служат невозможные «счастливые финалы» и внезапные спасения героев. Друг Толкина Клайв Льюис, соглашаясь с ним, добавлял, что «сбегают» обычно из тюрьмы, каковой для людей творческих является обыденность.

Если рассматривать эскапизм в контексте творческой деятельности, возникает вопрос: это причина или следствие? У человека появляется потребность в реализации себя, которая приводит к отчуждению от повседневности? А может наоборот, несоответствие реальности и ожиданий приводит к невыносимому внутреннему конфликту и выливается в творческий процесс.

В любом случае, двигательной силой является недовольство происходящим. Желание изменить мир хотя бы в собственной голове, перенос этого на бумагу, холст или нотный стан, попытка создать мост между измерениями, разбавить невыносимую серость.

Можно назвать эскапистов совершенными мечтателями, инфантильными сладкоежками, которые отказываются от грубой пищи материального мира в пользу железных фантазий. Но... великие дела совершаются великими мечтателями. Так всегда было и будет.

© Фингерова Ирина

Фингерова Ирина

writercenter.ru/profile/NikkoNozomi/whois

Художник Argentum Agata

writercenter.ru/profile/argentum/whois/

Евгения Сафонова

Евгения Сафонова — пианистка и писательница, автор мрачных сказок и романов в жанре фэнтези. Её роман "Дифференцировать тьму" в 2015 году был тепло встречен читателями на различных литературных ресурсах, а в 2016 вышел на бумаге в серии "Колдовские миры" издательства "Эксмо".

— **Евгения, мы знаем тебя как прекрасного музыканта, а как давно ты начала писать книги? Когда ты поняла, что пора и были ли «первые звоночки»?**

— На последний вопрос, к сожалению, не отвечу. Я просто всегда, сколько себя помню, сочиняла истории. Первые сказки записала, когда мне было шесть, на них меня вдохновили музыкальные пьесы, которые я тогда играла. С тех пор потихонечку писала, пока в тринадцать у меня не вышел первый приличный рассказ, «Сердце поэта». С него и веду официальный отсчет себя как писателя.

Хотя, откровенно говоря, в двенадцать я умудрилась закончить первый роман. Даже жаль, что он в те же двенадцать почил в бозе на моём ноутбуке, когда у того накрылся жёсткий диск. Сейчас было бы крайне интересно и забавно его перечитать, но будем считать, что писать я начала с тринадцати.

— **Пригодился ли тебе музыкальный опыт?**

— Музыкальный опыт, думаю, в первую очередь позволяет мне чувствовать мелодику текста. Наверное, ещё композицию. В конце концов, строение иных книг не сильно отличается от композиции фуги или сонатной формы.

Если расценивать одну сюжетную линию как тему, а другую — как противосложение... или выдерживать принцип «экспозиция-разработка-реприза-кода»... в общем, продумывая композицию своих романов, я в какой-то степени руководствуюсь не только литературной, но и музыкальной теорией.

— **Где ты реализуешь себя полностью — в музыке или литературе? Что является для тебя основным творчеством, а что — любимое хобби?**

— Сейчас я реализую себя в литературе. Ещё пару-тройку лет назад всё было наоборот, но теперь я в первую очередь писатель, а музыка стала для меня хобби. Просто в какой-то момент я поняла, что писать мне нравится больше, чем сидеть за фортепиано, и я рада, что смогла это понять.

Я встречала много студентов и выпускников консерватории, которые не решались изменить свою жизнь и податься в другую профессию, хотя в какой-то момент понимали, что их музыкальная дорога ведёт в никуда. Не решались из страха. Или просто жалея о годах учёбы, которые в таком случае окажутся потраченными впустую. Я же не считаю эти годы «потраченными». Моё музыкальное детство было чудесным, моё музыкальное образование многое мне дало. Это мой багаж, жизненный опыт, который необходим каждому писателю. Теперь я просто иду дальше, используя этот багаж.

— Изучала ли ты азы литературного творчества?

— Я несколько лет ходила на семинары в Литературный институт им. Горького, к тому же сама читала и читаю разные книги по литературной теории. Так что да, изучала и изучаю, однако не могу сказать, что я научилась писать в Лите.

В основном я училась, читая художественную литературу и анализируя, как написаны мои любимые книги, какие приёмы используют мои любимые авторы (и не понравившиеся тоже, ибо «как не надо» — хороший урок). Учебники и учителя чаще всего лишь озвучивали и подтверждали то, что я вывела и усвоила сама.

Кстати, фильмы и сериалы тоже были моими учебными пособиями. Многие приёмы я почерпнула даже не из литературы, а из кинематографа.

— Можно ли вообще научиться писать? Или ты считаешь, человек уже рождается с талантом, а теория необходима для его огранки?

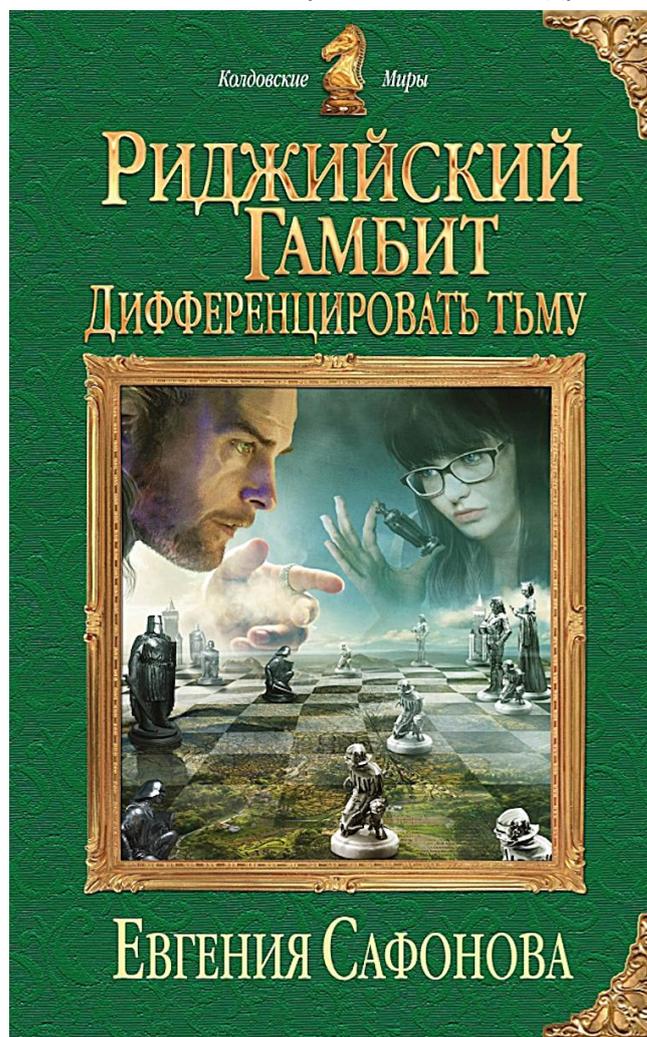
— Да, я придерживаюсь именно этой точки зрения. Теория — лишь огранка. Если таланта нет, никто тебя писать не научит. Если талант есть — теория полезна, но совершенно необязательна. Однако, конечно, это моя

личная точка зрения, которую я никому не навязываю. Пусть даже история, как мне кажется, её подтверждает.

— Было ли твоё детство обычным или скорее необычным? Расскажи немного о себе.

— Хм... наверное, моё детство можно считать необычным. Пока большинство детей после школы гуляли и отдыхали, я сидела за фортепиано. Уроки делала по дороге из одной школы в другую, в свободное от занятий музыкой время ещё и писала. У меня рано начались гастролы и концерты с оркестром, и это, наверное, заставило меня повзрослеть немного быстрее сверстников. Было тяжело, зато имелись поводы для гордости. В тринадцать лет я забрала документы из гимназии и перешла на обучение экстерном, и там стало немного легче. Учиться мне нравилось. В итоге в пятнадцать закончила одновременно Гнесинку и одиннадцать классов общеобразовательной школы. Обе — с отличием.

Художник Анатолий Дубовик

Представляем

Сейчас живу с любимым мужем и четырьмя котами. Пишу, читаю, играю на пианинке, немножко геймерю на пару с мужем.

Любимые игры — Дота 2, Left 4 Dead, Герои меча и магии 3. Помогаю бездомным котикам. Обожаю чай, сладости и вообще вкусную еду. Люблю готовить, могу часами простаивать за плитой. Поклонница киберспорта и фигурного катания. Люблю аниме, изредка балуюсь косплеем. Неплохо знаю английский, смотрю англоязычные фильмы и сериалы в оригинале, любимые книги западных авторов заказываю и читаю тоже на английском. Из музыки предпочитаю альтернативу и брит-поп, классику «для души» почти не слушаю. Это, к слову, подтверждает, что первоначально я немножко ошиблась с выбором профессии.

— Мы знаем, что ты пишешь в жанре фэнтези. Откуда берутся твои герои, сюжеты? Ты создаешь их портреты из своих друзей или придумываешь от «хвоста до кончиков ушей»?

— Часть сюжетов берётся из снов, часть просто приходит... откуда-то. Часть возникает из разговоров с друзьями и обсуждения чужих произведений. По-разному. И с героями тоже по-разному.

В романе «Лёд, флейта, меч» из моего цикла «Игра Лиара» большинство персонажей списаны с моих друзей и знакомых, а в других романах этого же цикла они не имеют прототипов (за единственным исключением). На образы героев в романе «Дифференцировать тьму» меня вдохновляли любимые киберспортсмены. Не друзья, конечно, но тоже вполне себе реальные личности.

Правда, большинство моих героев в конце концов выходят не слишком похожими на свои прототипы, и я считаю, что это хорошо. Учитывая, что я с героями особо не церемонюсь... слишком страшно сделать из персонажа «куклу вуду», чья книжная судьба в итоге отразится на прототипе. Уже были случаи, причём как хорошие, так и плохие. И их было достаточно, чтобы заставить меня поверить в мистику.

— Можно ли встретить саму Евгению Сафонову на страницах твоих книг?

— Имеете в виду, есть ли там герои, списанные с меня? Ну... на самом деле в каждом моём герое есть что-то от меня. И в злодеях тоже. Все они мои детки, в конце концов. Кому-то я «прививаю» свои привычки, кому-то — черты внешности, кому-то — взгляды, мысли, мировоззрения... Но если говорить о героине, которая больше всего похожа на меня, это Рианнон из цикла «Игра Лиара». Она родилась на ролевой игре, и... да, можно сказать, что это я. Она единственная, кого я списывала с себя. Внешность, характер, привычки — всё. Хотя, конечно, я не полуальв и не крутой воин, в отличие от неё, что немного жаль. С другой стороны, я и не продавала душу демону, и это определённо радует.

— Расскажи немного о своем изданном романе «Дифференцировать Тьму». Чем именно он хорош? Будет ли у истории продолжение?

— ДТ (я его так называю) мне нравится тем, что это вышел, так сказать, роман-калейдоскоп. Мне в нём, наверное, важнее всего рассуждения о войне и мире, мести и прощении, которые я вложила в уста и мысли персонажей. Кто-то в восторге от главной героини, нестандартной попаданки Снежки, и стёба над классическими попаданками. Кому-то понравилась любовная линия. Но в общем и целом я писала скорее «масштабную шутку» на тему попаданок и немножко — Доты, и на мой взгляд она удалась.

В идеале в этот цикл напишутся 5 книг, но лишь одна будет прямым продолжением уже написанных. Как раз насчет неё я больше всего сомневаюсь. У меня есть задумка, но воплощу я её лишь в том случае, если пойму, что это выйдет действительно круто. Лучше первых двух частей. А остальные две книги, которые я точно хочу написать, будут «вбоквелами». Один роман вообще про соседнее королевство, другой — про дочку главных героев. В первом хочу позабавиться на тему Избранных и Тёмных Властелинов, а во втором буду высмеивать расплодившиеся магические академии.

— Если бы у тебя была возможность собрать самую большую библиотеку,

которую только ты могла бы себе позволить, какие три книги поставила бы на ее полки в первую очередь? И почему?

— Ух... сложный выбор. Слишком много писателей, которых я хотела бы туда побыстрее поставить. Но, пожалуй, первой была бы «Мастер и Маргарита» Булгакова. Впервые я прочла её, по-моему, лет в одиннадцать. Признаться, тогда не поняла и половины — просто не доросла, — но и того, что поняла, хватило, чтобы я полюбила этот роман нежной и трепетной любовью. С тех пор перечитываю эту книгу снова и снова, каждый раз открывая для себя что-то новое.

Потом, наверное, «Игра Эндера» Карда. Тоже одна из самых любимых книг. Мне очень созвучен и стиль Карда, и мысли, которые он излагает в романе устами героев.

И, наверное, первые три книги «Песни Льда и Пламени», если бы встретила их издание в одном томе. Мартин в своё время сильно повлиял и на мой писательский стиль, и в какой-то степени — на моё мировоззрение. Во время еды или просто отдыха я часто беру любую из его книг, открываю на любом месте и читаю с него. Забавно перечитывать первые книги, зная, что случится с героями дальше, и видеть, как они изменились. А ещё восхищаться тем, как заботливо автор развесил по стенам ружья, которые выстрелят две-три-четыре книги спустя.

А следом я начала бы заставлять свои полки книгами Линдгрена, Ле Гуина и Пратчетта. Больше Пратчетта, хорошего и разного!

— Книги какого жанра ты обычно выбираешь для себя?

— В основном фэнтези, конечно. Ещё детективы и триллеры. Но и о классике стараюсь не забывать: сейчас у меня в ближайших планах на чтение Голсуорси, к примеру.

— Как считаешь, может ли писатель изменить мир своими книгами? Или литература — это только развлечение?

— Насчёт мира не знаю, но вот повлиять на мировоззрение многих людей — может, ещё как. Я сама точно могу назвать книги, которые изменили мои жизненные взгляды, и не читаю «жвачку для мозгов». Всегда ищу в книгах пищу для размышлений, а не развлечение, хочу испытывать катарсис от того, что читаю.

— Есть мнение, что писатель через творчество решает свои внутренние проблемы... Ты с этим согласна? Внутри тебя что-то изменилось после того как начала писать?

— Когда моя мама заболела лейкозом, у меня во многих произведениях всплыла похожая тема. Когда я закончила вторую книгу про Снежку, я поняла, что, наконец, справились с депрессией после маминной смерти, и отчасти потому, что проработала эту тему даже не в одном романе, так что она, наконец, меня отпустила. Также у меня в книгах постоянно всплывает тема принятия своей тёмной стороны, своих демонов, и тоже неспроста.

Откровенно говоря, я считаю себя далеко не самым прекрасным, милым и добрым человеком, пусть даже друзья меня убеждают в обратном. Так что... наверное, да, мои герои в каком-то смысле помогают мне разобраться в себе.

— Планируешь ли ты изменить жанру и начать писать в другом? Например, в реалистичном ключе или в жанре хоррор, триллер? Расскажи немного о своих творческих планах.

— У меня задумано много романов в жанре фэнтези. Пока этот жанр наиболее мне близок, и не думаю, что когда-нибудь я совсем от него отойду. Но у меня запланирована серия триллеров-детективов в жанре технофэнтези, и есть идеи в совсем других жанрах.

Например, научно-фантастическая-антиутопия. А ещё хочу написать исторический роман с капелькой мистики. Про Жюль де Монморанси-Лаваль, он же Жиль де Рэ. Но пока понимаю, что не доросла до достойного воплощения этой задумки. Вот как расправлюсь с большинством своих фэнтезийных эпосов, перелопачу кучу исторической литературы и попутешествую по Франции, тогда и приступлю.

— Каким был путь твоего романа к читателям? Как складывались отношения с издательством? Получала ли ты отказы или твою рукопись сразу приняли в печать? Была ли ты сразу согласна с присланным договором или вносила в него коррективы?

— «Дифференцировать Тьму» я начала писать скорее для себя, чем для кого-либо ещё. Откровенно говоря, когда я иногда думала о печатных перспективах этого дела, я считала, что этих перспектив нет. Насмешка над форматом, героини, пародирующие персонажей популярных книг ведущих авторов ромфанта... наверное, поэтому я в своё время и забросила ДТ почти на 9 месяцев. Но поскольку не люблю оставлять незаконченные вещи, впоследствии всё-таки вернулась к нему.

Для начала решила выставить то, что уже написано, на конкурс «Руны любви», который проходил тогда на Фанбуке. К моему удивлению — тогда я этому ещё удивлялась, теперь уже нет, — «Дифференцировать Тьму» стали

читать куда охотнее, чем другой мой роман, выставленный на этот же конкурс, к которому я относилась куда серьёзнее. В «Рунах» ДТ не победил, но его популярность натолкнула меня на мысль всё-таки попробовать это дело издать. Я пошла на форум «Новая фантастика» и выложила текст там, в разделе проекта «Путёвка в жизни». На следующий же день его отправили редакторам издательства Эксмо, а через три дня я получила положительный ответ. Потом долго бегала по потолку и не могла поверить, что это правда.

В присланный договор я привнесла только одну поправку: попросила неэксклюзивные права на электронную версию. Мне пошли навстречу. В остальном договор меня полностью устроил.

Отношения с издательством складывались прекрасно, мне очень понравилось работать с Эксмо. Мне шли навстречу во всём: от просьбы дать мне конкретного художника до отказа работать с конкретным редактором. Аванс выплатили вовремя, работу на всех этапах согласовывали со мной. В общем, я очень рада, что заключила договор именно с Эксмо. Хотя, конечно, не отказалась бы поработать и с другими издательствами.

— Что бы ты посоветовала начинающим писателям? Каких ошибок им следует остерегаться?

— Внимательно читать договор. А ещё не сидеть на попе, ожидая, пока увидишь свою книжку на полках, а проявлять инициативу. Не бояться писать редактору, просить и спрашивать, причём просить вовремя, а не когда уже слишком поздно. Конечно, издательство издательству рознь, но я не боялась спрашивать, и в итоге выигрывала. Тот же договор на неэксклюзивную электронку. Или работа с редактором. Меня не устроил мой редактор, я попросила его заменить, и мою просьбу удовлетворили.

Или обложка. Многие авторы жалуются, что на обложке им в итоге нарисовали чёрт знает что, или просят заменить художника, но слишком поздно. Иногда ты действительно никак не можешь повлиять ни на выбор художника, ни на то, что тебе нарисуют, однако... когда я заключила договор, я пошла и изучила все книги серии «Колдовские миры»,

в которой издали «Дифференцировать Тьму». Я поняла, какой художник, рисующий к этой серии, нравится мне больше всего. А потом пошла и спросила редактора серии, могут ли мне дать того художника, которого я хочу. Мне сказали, что это не проблема. И это было задолго до того, как началась непосредственная работа над моей книгой.

Когда настало время рисовать обложку, я написала подробнейшее техзадание (6 вордовских страниц 12 таймсом с кучей картинок), и художник — замечательный Анатолий Дубовик — учёл все мои пожелания, при этом предложив мне собственный оригинальный концепт, от которого я осталась в восторге. Дальше я поинтересовалась у редактора серии, могут ли учесть мои пожелания по выбору цвета и фактуры обложки, рамочки вокруг рисунка и символа (у меня — шахматный конь). Мне ответили, что художественный редактор будет только рад, если ему оставят меньше работы.

Но, конечно, во всём надо знать меру. Хамить, требовать и злоупотреблять чем-либо не стоит. Нужно просто помнить, что у тебя тоже есть права. Не надо относиться к публикации как к большому одолжению со стороны издательства. Если ты ответственно подойдёшь к делу и адекватно, аргументированно изложишь свою просьбу, ... конечно, тебе могут и отказать, но попытка ведь не пытка, верно?

— Как ты относишься к критике? Находишь ли ты ее полезной или, наоборот, способной уничтожить надежду писателя на становление?

— Когда-то я придерживалась мнения, что в любой критике можно найти рациональное зерно. Теперь я придерживаюсь мнения, что нужно прислушиваться к тем людям, которые с тобой «на одной волне», а критику иных индивидуумов читать категорически нельзя. А если уж прочёл, лучше забыть. Просто иногда дело не в авторе, а в читателе, в том, что у первого и второго взгляды на литературу и мировоззрения в принципе не совпадают. Но мы очень любим жить по принципу: «есть два мнения — моё и неправильное». И забываем: то, что не нравится нам, совсем не обязательно плохо.

Не знаю, как другим, но мне слишком жёсткая критика ломает крылья, отбивает желание работать над произведением. Я положительно отношусь к замечаниям, но высказанным доброжелательным тоном. Я хорошо отношусь к критикам, которые искренне желают помочь автору, а не упражняются в остроумии на примере твоего текста, самоутверждаясь за твой счёт. Если хочешь помочь автору — укажи на положительные стороны текста, далее выложи список претензий, а закончи чем-то вроде: «автор, ты молодец, работай дальше, и будет тебе счастье». Тогда автору действительно захочется работать, а не убиться об стену или убить критика об неё же.

Хотя я могу осознать свои ошибки только сама. Какие-то замечания я понимаю и принимаю или соглашаюсь с тем, что и мне казалось сомнительным. Но бывает так, что меня тыкают носом в какие-то вещи, а я просто не понимаю претензий, и эти замечания вызывают у меня одно лишь недоумение. Проходит какое-то время, я взрослею, возвращаюсь к тексту... и сама вижу то, что мне когда-то безуспешно пытались объяснить, и сама это исправляю. Но не раньше.

— Как родные относятся к твоему творчеству?

— Сугубо положительно. Мне очень повезло с домашними. С мужем у нас вообще совпадение во вкусах и взглядах на 99 процентов, наверное. Он любит мои книги, поддерживает меня во всём и верит в меня, даже когда я сама в себя не верю.

Когда я бегала по потолку, получив ответ из Эксмо, он искренне недоумевал, чему я удивляюсь, ибо «всегда знал, что тебя опубликуют». Мы с ним вместе обсуждаем любимых героев из моих романов, новые замыслы, сомнительные места в том, что пишется. Он консультирует меня по физике, математике, программированию и многим другим вещам.

Мама всегда была моим первым читателем. Папа жутко мной гордится, теперь всем хвастает моей книжкой. Правда, не читает то, что я пишу, но он в принципе не читает. Увы, предпочитает книгам телевизор...

— Всем известно, что, создавая героев, положительных или отрицательных, стараясь добавить им реальности, автор делится с ними своей энергией, буквально вдыхает жизнь. И многие авторы заигрывают с плохими героями, стараясь их облагородить, оправдать, найти причину их озлобления. Не считаешь ли ты это очень опасной практикой, способной изменить жизнь автора? Или все зависит от профессионализма, и талантливый автор способен создавать реальность, не изменяя свою.

— Интересный вопрос. Думаю, профессионализм тут ни при чём, это в первую очередь зависит от человека, его натуры, его подхода. Тут как с актёрами... некоторые создают убедительных и правдоподобных персонажей, тем не менее не вживаясь в них глубоко, чётко отделяя себя от своей роли. Другие, наоборот, на долгие месяцы перевоплощаются в героев, которых играют, не расставаясь с образом даже вне съёмочной площадки, и порой это приводит к печальным последствиям. Но я уверена, что оба подхода имеют право на жизнь.

Я сама часто заигрываю с тьмой и с плохими героями, ибо мне очень близко то, о чём писала Ле Гуин: «В молчании — слово, а свет — лишь во тьме». Идея дуализации света и тьмы, того, что одно не может существовать без другого. Я считаю, что нет абсолютного добра и абсолютного зла, и не люблю картонных злобных злодеев, которые злые просто «потому что».

Мои злодеи всегда — люди (эльфы/дроу/антропоморфические сущности, нужно подчеркнуть) со своими хорошими и плохими сторонами, со своими положительными и отрицательными качествами. Я их не оправдываю, но всегда проникаю в глубину их сути, пытаюсь понять, что толкнуло их на тёмную дорожку, что заставило их лгать, манипулировать, убивать. И я помню, что вглядываться в бездну опасно, но на мою реальность это никак не влияет.

Я скорее кукловод, чем актёр. Я не на сцене, а над ней; я понимаю каждого своего героя, но не становлюсь ни одним из них, а дёргаю их за ниточки. Позволяю куклам свое-

вольничать и даже кардинально менять сюжет, однако они всё равно остаются моими куклами.

Наверное, именно поэтому вглядывания в бездну, которые я вообще очень люблю, для меня остаются без последствий. Однако что будет со сторонниками другого подхода, с теми, кто привык глубоко влезать в шкуру каждого своего героя — сказать не могу.

— Существует ли особое место на Земле, куда тебе всегда хочется вернуться?

— Хм... пусть будет Греция, остров Санторини. Когда я попала туда впервые, казалось, я очутилась в сказке. Когда вновь поехала туда три года спустя — на музыкальный конкурс, как и до этого, — боялась, что второе впечатление будет не таким сказочным, но мои страхи не оправдались. Ужасно хочу снова туда вернуться. Как только выдастся возможность, обязательно отправимся туда вместе с мужем!

— Последний вопрос — расскажи о своих ближайших творческих планах.

— Сейчас я редактирую роман "Балджи", вторую часть цикла "Игра Лиара". Это моё любимое детище, сказочное приключенческое фэнтези о юной принцессе-оборотне, которую против воли вовлекают в жестокие "игры престолов". Как только закончу с редакцией этой книги, приступлю к написанию новой, уже в другой цикл.

Это будет романтическая повесть в стиле Бронте, где действие разворачивается в альтернативной Великобритании времён королевы Виктории. Там феи живут рядом с людьми, а магия мирно уживается с техническим прогрессом. Харизматичный байронический герой, лёгкий налёт готики, а также классические, абсолютно не гламурные оборотни и вампиры прилагаются!

Беседовала Елена Граменицкая

Евгения Сафонова (Бука Нист)
writercenter.ru/profile/rhiannon/whois/

Елена Граменицкая (Чайка)
writercenter.ru/profile/Seagul/whois/
moewe88.wix.com/vogel

Путешествие

в лето

Лето. У всех оно разное. Одни проводят его на море, другие — в горах. Кто-то уезжает на дачу. А кто-то лежит дома, на уютном и уже ставшем другом диване, нежась в его тёплых объятиях. Хотя лето у всех проходит по-разному, люди ждут от него необыкновенного чуда.

Школьники самозабвенно мечтают о лете, потому что именно летом можно забыть об учёбе и учителях. Такая радость проснуться утром и вдруг осознать, что тебе никуда не надо идти и что у тебя есть ещё множество часов, которые ты можешь провести так, как захочешь. Кажется, что наступают вечный праздник. Праздник прогулок с друзьями, катаний на велосипеде, купаний в море и ещё множества прекрасных занятий. Где-то в глубине души ты понимаешь, что время идёт слишком быстро и начало нового учебного года неумолимо приближается, однако тут же говоришь себе: «Это потом, у меня еще есть время, а сейчас нужно отдохнуть и веселиться».

Взрослые тоже мечтают о лете. Они мечтают о том, как возьмут отпуск и временно запрут слово «работа» в каком-нибудь тёмном чулане. С одной стороны, взрослые чем-то напоминают школьников, ведь так же забывают на время о будничных заботах и обязанностях. Какое счастье не слышать звонков сотрудников, которые не знают, что им делать, или упрёков начальства! Кажется, перед тобой встают безграничные возможности. Стоит только сделать шаг вперёд — и они твои. Пускай ненадолго, пускай потом снова начнутся серые будни, но это время твое и ты можешь провести его так, как тебе угодно.

Лето — время безумных поступков. Стоит лишь представить, как ты прыгаешь с тарзанки, и сразу захватывает дыхание. Под тобой всё ещё множество метров. Ветер дует в лицо. И ты кричишь то

ли от страха, то ли от восторга. И в этот самый момент ощущаешь полную свободу. Словно птица в небе. Хотя это и длится всего лишь мгновение, но зато какое!.. И это мгновение настоящего чуда.

После прыжка ты и не думаешь, что на свете может быть что-то настолько же захватывающее. Пока не поднимешься в горы и не подготовишься перейти через верёвочный мостик. Тут-то и понимаешь, что ошибался. Внизу — пропасть, а долгожданная твёрдая земля под ногами кажется такой далёкой. Потихоньку, шаг за шагом, ты преодолеваешь сомнения и страхи. А мост под ногами, как будто смеясь, раскачивается всё сильнее. И вот, когда нервы уже на пределе, ты достигаешь твердой почвы, оставляя злосчастную пропасть за спиной, и говоришь: «Слава Богу!» Смотришь назад и не понимаешь, как у тебя это получилось. И не знаешь, что большее чудо — перейти пропасть или преодолеть себя.

А как же другое безумие? Дети, гоняющиеся за крабом. «Вот он, вот он!» — кричат они. Но краб вновь ускользает. И так раз за разом. Тогда один из ребятшек подходит к отцу и просит его: «Ну папа, ну папа, помоги нам поймать краба!» И ему ничего не остаётся, как помочь сыну. Когда к погоне подключается папа, у краба пропадают все шансы. И вот — чудо свершается, краба ловят. Безумные крики. Радость. И безграничное счастье детей.

Лето согревает и освещает твою душу солнечными лучами, принося с собою радостное настроение. Такое желанное! Всё вокруг цветёт и играет красками. Летом как будто приоткрываются врата в другой мир, в котором человек забывает обо всех проблемах. И ты проходишь через них навстречу теплу и позитиву.

И хотя однажды все заканчивается, какая-то часть твоей души всеми силами пытается сохранить бесценные эмоции, полученные летом. Тебе же остаётся только ждать следующего «путешествия» и надеяться, что тепла и добра хватит надолго.

Воробьев Анатолий (Змий)

writercenter.ru/profile/Diablo131/whois/

Художник Ульяна Колесова

www.shannonassociates.com/artist/julianakolesova

© Воробьев Анатолий

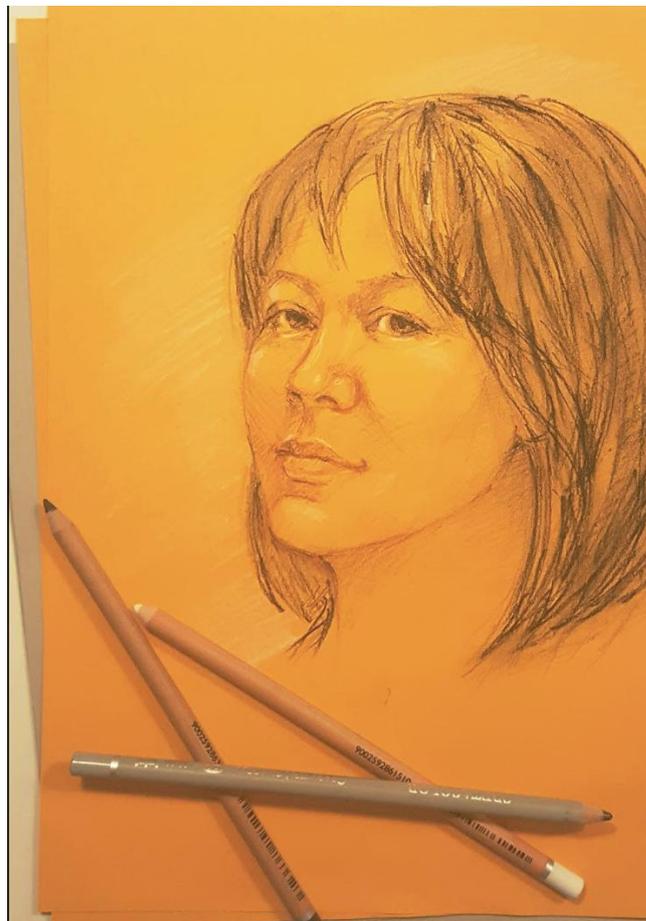
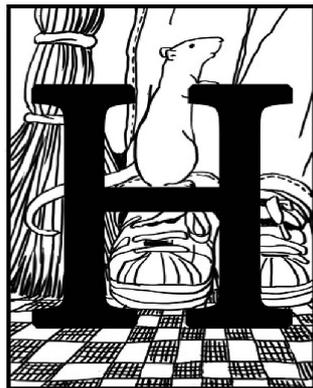
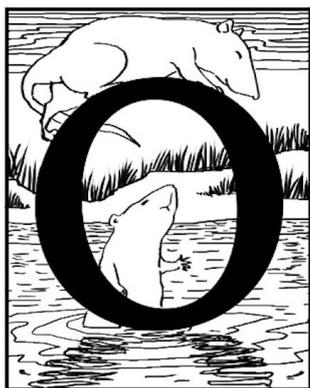
Лев Елена

Лев Елена известна не только как талантливый художник-иллюстратор, но и как автор рассказов и повестей, а в январе 2016 года в издательстве «АСТ» в серии «Хроники темного универа» вышла ее первая книга «Нелли. Тайна серых теней».

— Елена, расскажи, с чего начинался твой писательский опыт? Что сподвигло тебя на такой отчаянный шаг, как взять тетрадь, ручку... и начать писать?

— Желание начать писать истории появилось, когда заболел мой отец. За ним необходим был круглосуточный уход в течение долгого времени. Ночи, дежурства у постели, отслеживание капельницы... Текст пошел легко, сцена цеплялась за сцену, нужные слова находились без труда. Книга, написанная в те ночи, ещё лежит «в столе». Я надеюсь, когда-нибудь она увидит своих читателей.

Конечно, это была тетрадка, исписанная мелким почерком, потом вторая тетрадка, а уж потом появился компьютер.

Художник Ула Сенкович

— Давно это было? И что произошло с этими рукописями?

— 2009-2010. Это завершённая история и её только надо отредактировать и перенести из тетрадок на компьютер. О, тот сюжет мне очень нравится. Но книга о любви, о женском. Пока я не в силах выпустить эти записки на волю.

— А более ранний опыт записывать истории у тебя был?

— Нет. Не было. Осмелела тогда, когда первый рассказ отправила на сетевой конкурс. А особенно почувствовала расцвет только в Мастерской писателей. Обнаглела и опубликовала «Крысу Нелли».

— Что за рассказ и что за конкурс? Какие отзывы ты получила?

— Архивы кубикуса. <http://www.kubikus.ru/> Рассказ «Тёмный гость». 3-е место. 2010г.

Часто читаю у нас в Мастерской: «так злобно прошлись критики»! Нет, такого у меня не было. Даже на «Рваной Грелке», самом суровом испытании литературного мастерства — комментарии участников в отношении моего текста были по существу — правомерны, справедливы.

«Тёмный гость» получил положительные отзывы. Но были и замечания. Подшлифовала и отпра-

вила в журнал «Тайны и загадки». Опубликовано. Я рада. Вообще, критика — огромная помощь начинающему писателю. Если, конечно, к ней прислушиваться и воспринимать адекватно. Как бы ни оставались некоторые замечания «заношой в сердце», в них есть и рациональное зерно. Но и надо верить в свой талант, я считаю. Если ты чувствуешь, что предлагаются такие изменения в тексте, которые лишают тебя индивидуальности, непосредственности, оригинальности — следует выслушать, но сделать по-своему.

— То есть у тебя и в мыслях не было никогда, что ты будешь писать? А как же сочинения в школе, дневники или еще какие девчачьи увлечения?

— Я была «пацанкой». Мне интереснее было строить замки, домики на деревьях. Отец хотел, чтобы я занималась охотой. Я всегда хорошо стреляла. Участвовала в охотничьих соревнованиях по стрельбе — «по тарелочкам». Отказалась в школе шить юбки и готовить торты. Для мальчиков открыли автодело — это была моя мечта. Добилась своего. Машину вожу с шестнадцати лет. Еще в школе сдала «Движение по проселочным дорогам» на «суперотлично». При этом я всё равно была девчонкой. За косички меня таскали. Да. Но в ответ могли и схлопотать.

— Твоя героиня Нелли — это ты в детстве? Откуда родился такой необычный сюжет — девочка и крысы?

— Я думала о том, как будут воспринимать мою героиню. Насколько будут совмещать со мной, автором. Трудно сказать, что Нелли — это я. Элементы характера есть. Нелли рисует, угнала автобус. Но всё же, думаю, это собирательный образ. Даже не собирательный, а нужный для этой истории.

Но могу рассказать весёлый случай из своей жизни.

Представьте молодую маму. В одной руке младший ребенок, в другой — кастрюлька с молоком. В кухонном проеме появляется четырехлетка с загадочным выражением на физиономии — старшая дочь.

— Мама! Что я нашла! Какие хорошенькие! Они спят.

И выкладывает на стул четыре крысиных трупики. (В подъезде травили мышей и крыс).

Мама рассказывала мне, что только горячее молоко в руке не позволило ей потерять сознание. И она медленно сказала мне:

— Дочка... Вынеси их на улицу. Мама-крыса будет их искать.

Верьте-не верьте, я этого не помню.

— Что легче написать — короткий рассказ или большое произведение?

— Мне всё равно — рассказ или роман. Просто на роман нужно больше времени. А рассказ требует умения отсекавать как можно больше того, что не работает на основную идею. Всё, что отрезано, с успехом может войти в более крупное произведение.

Наверное, я четко вижу идею, для которой, ради которой будет написан какой-то конкретный рассказ. А то, что наша жизнь — это череда небольших рассказов, составляющих роман, думаю, для многих понятно.

— Где берешь сюжеты для своих текстов?

— По-всякому. Мне очень помогают близкие. Я уже настолько «достала» их требованиями всё рассказывать, что мне могут позвонить и сказать: «Слушай, думаю, тебе пригодится! Такая история произошла...»

Кроме того, я полагаюсь на собственный (богатый) опыт. Часто драма, разыгрывающаяся в офисе, кафе, на улице просто «просится» на бумагу.

Идеи кругом. Они только и ждут, когда на них обратят внимание.

Самое мое любимое время обдумывания и размышления, время неожиданного появления целых кусков текста или блистательного сюжетного поворота — это прогулка в лесу. Или ожидание машины из техосмотра. А ещё очередь к врачу. Да везде...

Подробности делятся на важные, неважные, юморные, грустные, печальные, специфические, профессионально-ориентированные... Их много. Выбирай! Но только те, которые нужны для конкретной истории. Всё остальное надо спрятать. В копилочку.

— Как родилась история о Нелли?

— Я люблю детей. Я много с ними работала. Преподавала рисование и историю искусств. Кстати, преподавала и взрослым. Взрослые — те же дети. В этом мое самое крепкое убеждение.

Меня очень любили родители учеников. Всё чаще я замечала, что мы говорим не о том, насколько хорошо рисует малыш, а о психологических особенностях ребенка, о том, какая помощь нужна, чтобы раскрыть его талант, как помочь ребенку адаптироваться в той или иной среде, как помочь родителям понять своё собственное чадо. Я видела, вместе со мной родители начинали смотреть на своих детей другими глазами. Я знаю, во мне умер педагог высокого класса. Но появился, надеюсь, неплохой писатель. Мне кажется, я могу помочь и детям и родителям своей книгой. Ну, чуть-чуть.

— Но все-таки, откуда такой сюжет? Почему именно крыса? Не дракон или собака, или что-нибудь менее отвергнутое общественным мнением?

— Потому что именно крысы — отвергнутые людьми животные, их боятся. Хорошая же идея! Крыса сначала пугает, вызывает отвращение — потом становится другом. Но для этого, надо влезть в её шкуру. Не знаю. Может, я призываю всех к толерантности? К пониманию иных, чужих, отвергнутых.

— Что подвигло тебя (или кто) отправить рукопись в издательство?

— Да, это один из самых тяжелых периодов в жизни писателя. Я отправляла рукопись в «ЭКС-МО». Мне не ответили. Расстроилась и отложила все действия в этом направлении. Поставила на себе крест.

Но в Мастерской писателей есть такая замечательная девушка — Микаэла. Вредная, дотошная, прямолинейная. Микаэла предложила мне использовать текст «Крысы Нелли» в своей работе — работе ридера. Не знаю как, но уверена, что только благодаря Микаэле, со мной связались редакторы из издательства «АСТ». И дело, буксуя, ревя всеми моторами, сдвинулось с места и поехало.

В моем случае сработала убежденность Микаэлы, как литературного агента, в том, что «Крысы Нелли» должна быть напечатана. Мистика, тайна, но получилось.

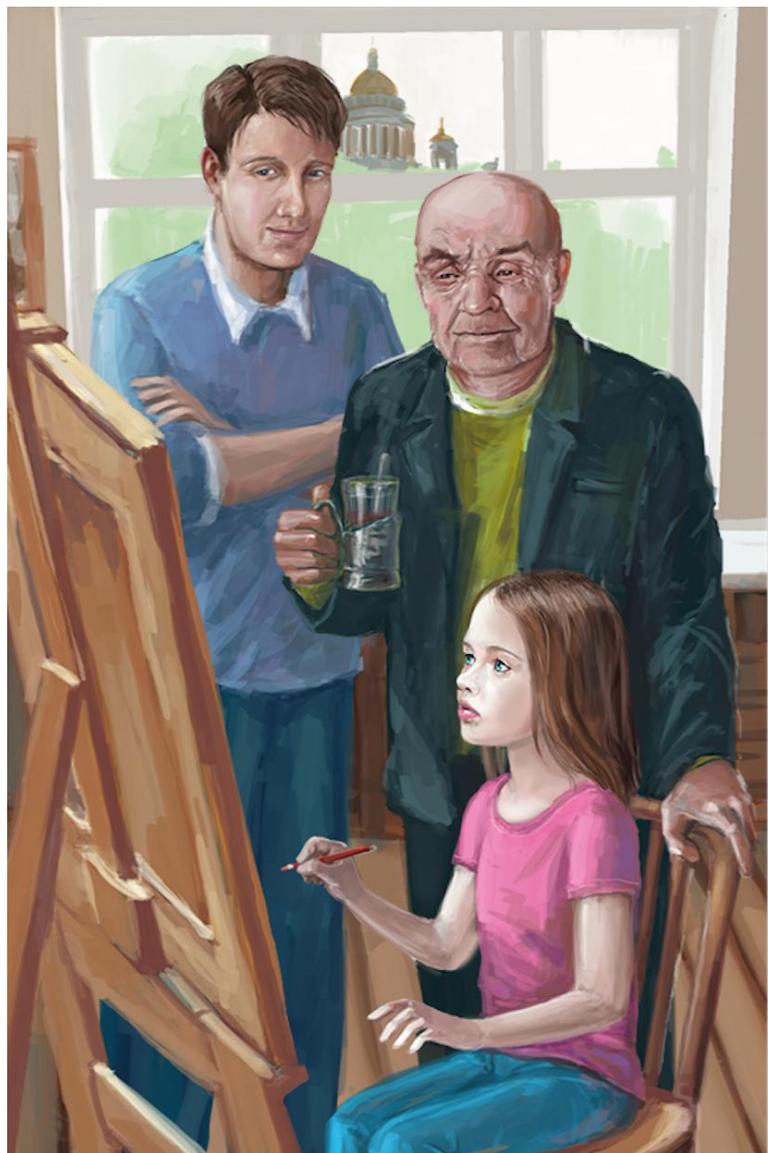
Встречаются люди, которые напрочь меняют твою судьбу. У меня это — Микаэла.

— Сколько времени заняла работа над рукописью? И какую правку делал редактор в издательстве?

— Год, с перерывами. Плюс время, которое затратили мои первые читатели на «МП». Им я благодарна особенно. Их замечания помогли мне увидеть недочеты и недостатки текста. И успеть выправить его.

Мне и дальше повезло. У меня были и прекрасный редактор, и чудный корректор. Поймали только одну нестыковку по сюжету. В одном месте я «уперлась рогом» — не согласилась изменять сюжет и речь героя. Остальные замечания были по существу. Редактор даже выставила «Нелли» на «Рукопись года». Это, когда рассматривается рукопись. Без всяких правок.

Первая книга мне очень дорога и вот еще почему. Я участвовала в ее оформлении. На обложке мой рисунок, а каждая глава начинается с рисованной буквицы. Не знаю, как так сложились звезды, но мне прислали макет обложки от издательства. На утверждение. Рисунок был красивый, но не отражал атмосферу книги. Она, я так подумала, потерялась бы в череде похожих обложек. На тот момент моя самоуверенность уже выросла. Я проявила наглость молодого талантливого автора и отвергла обложку. Началась неделя выяснений, что не так, почему, как переделать. За это время (вот я хитрая) быстро нарисовала обложку, как мне бы понравилось. Предложила редактору. И приняли! И всё же я

Обложка к книге Ирины Вагановой "Золотко"

очень благодарна Саше Готти, которая была дизайнером на этом проекте. Она не только согласилась с тем, чтобы ее макет отменили, но и классно создала из букв имя «Нелли». Саша, кстати, не только графический дизайнер, но и прекрасный писатель. Очень популярный.

— Как думаешь, детей нужно оберегать от «мрачной действительности» или лучше знакомить их с реалиями жизни, как бы тяжелы они ни были?

— Дети легче переносят реалии жизни. Они могут играть на чердаках и в подвалах, не обращать внимания на ветхость одежды, засыпать на лавке вокзала. Главное для них — наличие рядом человека, который символизирует безопасность — родителя, друга...

Надо обсуждать и обсуждать с детьми все мрачности этого мира. Не позволять рождаться в их душах бесконтрольным фобиям. Я так думаю. Ограждать — бессмысленно.

Иллюстрация к ещё несуществующей истории. Гейша.

— Старые сказки часто имеют довольно суровый сюжет — и родители отводят детей в лес и оставляют их там умирать, и детей в печь живьем заталкивают, и злостные ма-чехи со света сжигают, и героев в животных превращают... Но добро в сказке всегда побеждает зло. Дети впитывают эти истории, а потом сталкиваются с реальностью, с современной литературой и кино — где рассказываются и показываются совсем другие истории. В которых уже и не отличить добро от зла.

Где для тебя проходит граница света и тьмы? Что, по-твоему, допустимо автором проявлять в мир?

— Тьма и свет идут рука об руку. Нет света — нет и тени. Нет тени — можно сгореть от жаркого света. Ночь благотворна своей темнотой для отдыха глаз. Везде и всюду есть добро. И только люди бывают очень злыми. И то, потому, что они потерялись или обиделись...

Старые сказки учат тому, что, если попал в тяжёлые обстоятельства — борись! Проявляй смекалку!

«Никогда не сдавайся!» — так я подписала книгу «Крыса Нелли» для одной девочки. И хочу оставить такой девиз для всех других детских книг, если я их напишу.

— Чему учит твоя книга?

— Не впадать в панику. Анализировать ситуацию. Создавать вокруг себя ауру доброты, взаимопомощи. Пусть, пока взрослые клянут друг друга, дети знакомятся и играют. В принципе, это так и в жизни происходит.

— Твои персонажи вымышленные или ты описываешь реальных людей для создания образов героев?

— Не знаю, как можно выдумать персонажа. Для меня персонаж — детская пирамидка с нанизанными кольцами множества наблюдений. Или шкатулка, в которую складываешь набор особенностей, черт, поступков. И это всё — результат наблюдений за живыми людьми, конечно. А знакомые... Сначала я стеснялась говорить им о своем увлечении. Но теперь (это и смешно и необычно одновременно) очередь из тех, которые говорят: «Я буду в твоей новой книге? Ты меня не забыла описать?»

В «Крысе Нелли» два брата — Нума и Цицерон — списаны с двух реальных братьев. Знакомые узнавали их по описанию. Теперь реальный Цице-

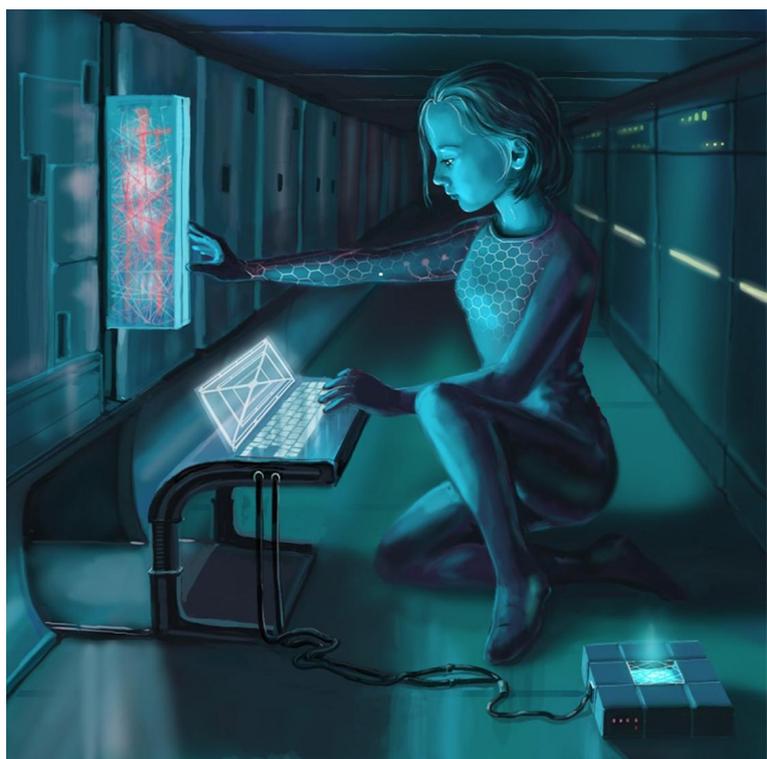

Иллюстрация к ещё несуществующей истории.

рон просит не убивать его в следующей книге, а «если убивать будешь, то только героически. А то поспоримся навек!» Ну, и как теперь писать?!

— **Этот вопрос я задала не случайно. Многие авторы отмечают странную особенность — вымышленный персонаж, списанный с реального, оказывает влияние, оставляет след, не знаю как это точнее описать, в жизни человека, который послужил прототипом для создания литературного героя.**

— Ну, а если изменить судьбу этого человека? Книгой, словом. В лучшую сторону. Разве это не достойная миссия?! В том то и дело, что настоящего писателя (по-моему) выделяет прежде всего гуманизм, как бы затёрто это не звучало.

— **Какими же качествами, по-твоему, должен обладать настоящий писатель?**

— Отзывчивым сердцем, прежде всего. Интересом к жизни, свойством оставаться разумным в любых ситуациях, включать аналитическое мышление во времена общей паники или развала. Быть наблюдателем и вместе с тем жаждать общения. Быть человеком. Да. Так.

— **Твои любимые писатели или произведения? Что любишь перечитывать?**

— Список интересных писателей безграничен, но я с любовью перечитываю Кэрролла, Рабле, Лермонтова, Хмелевскую, Лема, Макса Фрая и так далее, до бесконечности.

— **Начиная писать произведение ты сразу видишь весь сюжет или он возникает постепенно? Бывает у тебя чувство, что твои герои своевольничают и меняют историю, или ты всегда твердой рукой ведешь их к задуманному финалу?**

— Рука моя тверда, но сердце жалостливое. Я позволяю покочевряжиться своим персонажам. Но потом направляю к цели. Сюжет вижу сразу и вижу его возможности. Знаю, куда направить. Но сажусь писать только тогда, когда приходит последняя фраза. Если она возникает, то текст бежит к ней без запиночки. До этого момента могу неделями гонять сюжет только в уме.

— **Ты историю видишь в голове, как кино? Или слышишь ритм, фразы?**

— Думаю, что историю вижу как кино, но и слышу, о чем думают персонажи, знаю, к чему

стремятся. Нахожусь над событиями. И, конечно, ищу ритм, перепеваю туда-сюда мелодию текста. Люблю прочитать вслух, пока никто не слышит. Иногда история летит целыми главами, а иногда персонажи по три раза делают заход, пытаюсь высказать свое мнение.

— **Есть привязанность к какому-нибудь жанру литературы или ты всеядна? Хотела бы попробовать себя в каком-нибудь необычном жанре, точнее непривычном?**

— У меня есть недостаток — называется «хочуха». Хочу прочитать это, то и еще вот то. Хочу попробовать написать так, а потом вот так. Хочу, хочу, хочу! С удовольствием участвую в любых компаниях, лишь бы было интересно и необычно. Я тот человек, который легко вскакивает с кровати и уже готов отправиться в Тибет.

— **Что для тебя самое сложное в написании текста? И что дается легче всего?**

— Сложное это нагнать количество знаков тогда, когда история завершена на уровне повести. Сложно убить персонажа. Сложно отключить морализаторство и поучение. Не могу писать о сексе. Просто не умею. Мои персонажи лучше будут ходить кругами вокруг этой темы и так не дойдут до неё.

Сложно не впасть в непрофессионализм при технических описаниях. Много чего.

Легко даются диалоги. Несколько раз проверила. Убедилась.

Портрет моей собаки. Хаски. Генерал Бенджамен

Иллюстрация к серии рассказов "Планета Ыкын"

Легко даются характеры. Персонажи получаются цельными и не шаблонными. Хватила, конечно! Но стараюсь, чтобы так было.

— У тебя есть Муза или Муз в творчестве? Кто-то, чье мнение для тебя важно, кому первому показываешь текст или рисунок?

— Такие люди есть. А теперь их стало больше. Но один, назовем его «домашний тролль», мне важнее всего. Он без прикрас сразу указывает на все недостатки в тексте, обладает нюхом на хорошую историю, находится в тренде и на одной волне со мной. Повезло, считаю. Вот если он говорит: «Ну, фигня какая!», то текст без оговорок летит в мусорную корзину. Мнение этого человека я уважаю безоговорочно.

— Как думаешь, писатель оказывает влияние своими книгами на окружающий мир? Или пишет для себя, а рождающаяся история — результат творческого переполнения, от которой единственный способ избавиться — это записать?

— И то, и то. Выплескивая себя, свое «я», человек, разумеется, оказывает воздействие на другого человека. «Говорите, если хотите быть услышанными». Красавица, одевающаяся стильно,

потянет за собой подруг в мир качественной одежды. Художник, нарисовав солнце, сделает чей-то хмурый день радостнее. Писатель же может предупредить, обратить внимание, раскрыть смысл, подарить надежду.

Поэтому, думаю, к дару слова надо относиться ответственно.

— Где и как ты училась писать?

— В самом начале попыток написать что-то путное мне помогла книга Леонида Тимофеева «Основы теории литературы».

В любом деле надо точить мастерство. В деле литературного слова обязательно. Важно встречаться с такими же начинающими писателями, как и сам. Очень много полезного можно почерпнуть. Можно встретиться и с мэтрами. Современные заслуженные писатели охотно идут на контакт. Однако сейчас много вебинаров от словоохотливых прохиндеев. Лучше пройти мимо.

Важнее — тихая работа над текстом. Лучше вдумчивого чтения книг успешных авторов трудно найти другой метод обучения.

— Как ты относишься к соавторской работе? Если есть такой опыт — то назови плюсы и минусы?

— Соавторство — это интересно. Почему бы и нет. И я — человек с железными нервами — пойму другого. Мне не сложно. Например, опыт соавторства с Марикой Становой (рассказ «Наследство») имеется. И, кстати, очень интересно, когда первый автор движется по одной колее, а второй по другой, но общая телега едет в одну сторону. Марика — хороший соавтор. Поддавалась моим уговорам убрать части текста. Относилась к моей части работы с уважением. С нею я еще попробовала бы поработать в соавторстве.

— Ты не только интересный писатель, но и талантливый художник, рисуешь удивительные по глубине и точности образа иллюстрации. Процесс создания рисунка похож на создание текста — или это совсем другое? Что общего и в чем отличие, когда работаешь над текстом и над рисунком?

— Отличие громадное. В чужой текст я стараюсь въезжать со всем вниманием. Пытаюсь стать соавтором, понять задумку, увидеть героев. В идеальном варианте иллюстратор — это самый внимательный и самый сопереживающий читатель.

Ведь он творит вместе с автором. Но жизнь так забивает голову иногда, что случаются проколы. Так произошло с Маэррином. Помнишь, по тексту был персонаж — женщина в деловом костюме? Каким образом я прочитала, что это юбка и пиджак, вместо брюк — не знаю. Мне до сих пор неприятно. Как я могла такое допустить?! Ведь распечатываю присланный текст и читаю с маркером в руке. На полях пишу время действия, особенности места, делаю быстрые зарисовки.

Но... что есть, то есть. Бывает.

Ещё тяжелым моментом считаю отсутствие времени на полноценную работу с иллюстрацией. Начинаешь рисовать, нашло вдохновение, погружен... Бац, надо бежать, надо ответить по телефону, скайп орет, как резаный... Потом настроение не то, откладываешь... Поэтому затягиваю, да. Но бывают исключительные моменты, исключительные тексты. За два часа, на едином вздохе, создается улетная иллюстрация, от которой сердце поет еще долгое время.

Сразу хочу сказать моим любимым МПшным авторам: список моих долгов велик, но выполню обязательно.

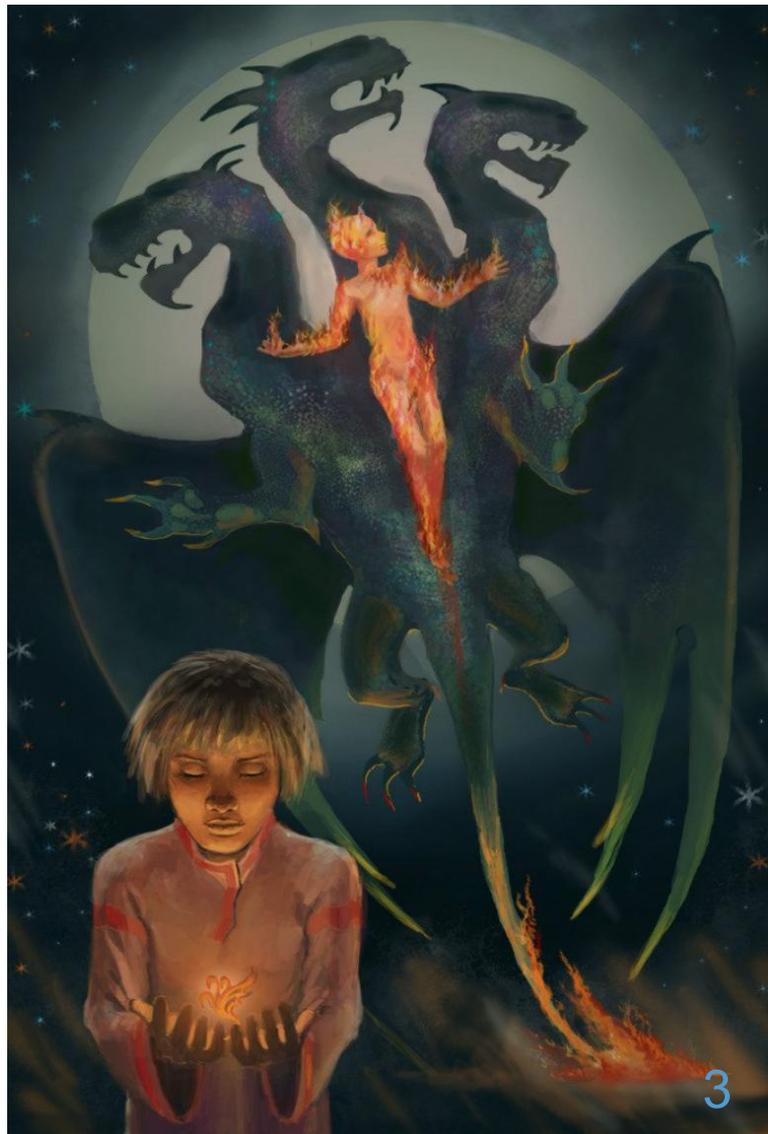
Иллюстрация рассказу Яны Ржевской "Клубника для кошки"

1

2

3

1. Иллюстрация к рассказу Ульяны Гринь "Тапки в клеточку"

2. Илья Брайт в образе Мага

3. Иллюстрация к рассказу Евгения Бермана "Огневорот"

4. Иллюстрация к рассказу Улы Сенкович "Вкус лета"

5. Лето

6. Иллюстрация к рассказу Ульяны Гринь "Новогоднее желание парасольника"

7. Иллюстрация к рассказу Бориса Богданова (bvg Борис) "Предназначение"

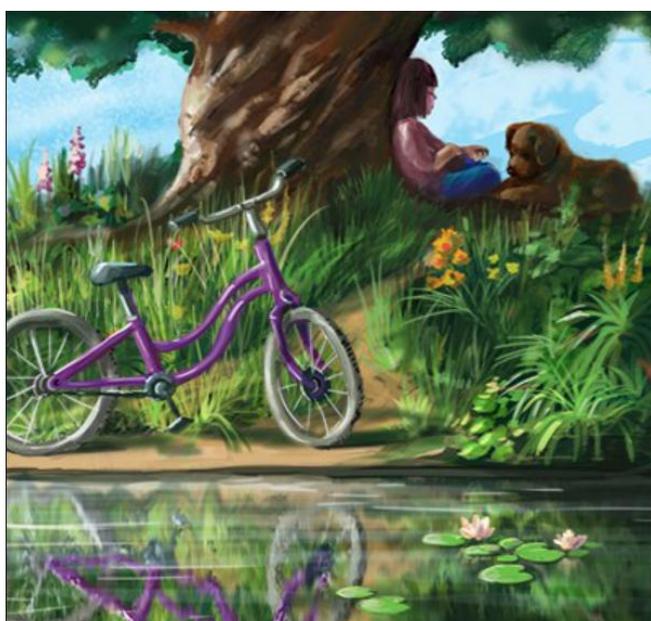
8. Иллюстрация к рассказу Лев Елены и Марики Становой "Наследство"

4

7

5

6

8

Иллюстрация к рассказу Алексея Яшкина "Ее глаза"

— Какие техники ты используешь для создания иллюстрации?

— Рисую на бумаге набросок и перевожу его в компьютер, дорабатываю в Фотошопе. Думала сразу делать наброски и эскизы на планшете. Ан нет. Руку надо разрабатывать и в классическом рисунке. А вообще, Фотошоп для меня — просто большой набор карандашей. Тренировки, наброски, скетчи в дороге в альбомчике делают самое важное дело — куют мастерство.

Работая в Фотошопе, я логично пришла к работе с фотографиями. Сейчас увлеклась доработкой фото.

Фотошоп пишу с большой буквы — это прекрасная программа для творчества. Не устаю говорить об этом.

Иногда находит меланхоличное настроение — сажусь за акварель. Люблю масляные краски. Но некогда ими рисовать. Пока разложишься, уже куда-то надо бежать. Мне подарили профессиональный мольберт из Италии. Из красного дерева. Ага. Ни разу не воспользовалась.

— Рисунок — это хобби или профессия?

— Рисую с детства. Обожаю сочинять истории с рисованными персонажами. Думаю разместить в «МП» альбом «Рисунок с историей». Как бы иллюстрации к несуществующим текстам. В какой-то мере это тоже почти писательство.

Профессией это не было никогда. Скорее, параллельно идущая к основному руслу работы речушка.

— Пару слов о себе.

— Работаю дизайнером интерьера, но чувствую, что вернее сказать — прораб от дизайнера интерьера. А любимый отдых — прогулка в лесу. С собакой. Или по берегу моря. С собакой. Ну, можно и по магазинам, когда средства имеются...

— Над чем сейчас работаешь?

— Планов много. Но в моем случае подробно о них лучше не рассказывать — примета такая. Личная. Одно знаю точно: постараюсь больше участ-

Иллюстрация к стихам Оксаны Горошкиной

вовать в жизни Мастерской. Она мне дала много, и мне хотелось бы отплатить ей тем же.

А если кратко, то в плане — третья книга о Нелли, фантастический роман о целой семье, дозаяправка «Рубинового предела», несколько реалистических повестей.

А еще доделка нескольких иллюстраций, окончательная доработка «Азбуки писателя» в соавторстве с Ирой Зауэр (её стихи — мои рисунки).

Так что планов — громадье.

— Если бы у тебя была возможность, как в сказке, исполнить одно желание — что бы ты выбрала?

— Крылья.

Беседовала Ула Сенкович

Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Ула Сенкович

writercenter.ru/profile/Senkovich/whois/

Фейгина Наталья

Шёл земляничный дождь

Шёл земляничный дождь из тучи изумрудной
И каплями алел медвяноросный луг...
Я понимаю: Вам поверить в это трудно,
Но всё-таки прошу, попробуйте, а вдруг?

Вы верите, что дождь бывает только серым,
Вы верите в зонты и в мудрость скучных книг.
А в чудеса, мой друг, не верите совсем Вы...
Но всё-таки прошу, поверьте хоть на миг!

Шёл земляничный дождь полдня без передышки,
Но посмотреть в окно вам было недосуг.
Ах, отыскать в себе наивного мальчишку
Попробуйте, прошу, попробуйте, мой друг!

Сложите с плеч своих заботы груз привычный —
Не на день, не на час, всего на пять минут...
И к вам прольётся дождь, дождь спело-земляничный
На радость детворе, к неверию зануд.

***

Спустилась звезда, словно с дерева рыжая кошка.
Ей так любопытно: а что там творится внизу?
Гуляет по городу лето в смешных босоножках,
Пытаясь зелёной панамкой поймать стрекозу.

Откуда взялась стрекоза здесь? Да что нам за дело!
А лето стучит по газонам цветочным мячом
И пот вытирает со лба тонким облачком белым,
Украдкой вздыхая, что солнце так сильно печёт.

По классикам дней лето скачет и звонко хохочет.
А звёздная кошка валяется в тёплой пыли,
На небо пора... Но она возвращаться не хочет,
Пока на земле разноцветное лето шалит.

Фейгина Наталья

writercenter.ru/library/fentezi/stihotvorenie/zemlyanichnyy-dozhd/266978.html

Художник Rhads

rhads.deviantart.com

Чепурной Сергей

Стелется дыханье...

Стелется дыханье над землёю —
Хрупкое дыханье бытия.
Дышит жизнь в упругих юных зёрнах,
Под землёй стыдливо затаясь.
Вплетены в дыханье тайны комнат
И желанья дерзкие твои.
Стелется дыханье над землёю —
Хрупкое дыхание любви.
Как цветы, вплетаются узоры
Необъятных, красочных миров,
Тихий смех, заманчивые грёзы,
Стариковский кашель городов...
Сохрани дыхание в ладонях,
Словно несмышлёныша, укрой,
Посмотри, как ветер его гонит
И влечёт коварно за собой,
И смотри, как, зажигая зори,
Исчезая весело в дали,
Стелется дыханье над землёю —
Хрупкое дыхание Земли.

Художник SEN

анс

Недого... (индуцированное)

Меняла молния цвета, ни тени жалости...
Их на лице — от цвета беж до побежалости...
Побыть еще
Твоим плащом,
Твоим зонтом,
Твоим навесом...
Не защищу...
Люблю зато...
Мгновенье стресса.
Врасплох застигнуты грозой, намокли крылья...
В колоде было пять тузов, их всех покрыли...
Но это с вечера. С утра...
А... нафик-пофик.
А вот вчера была пора... но выпит кофе.
С утра свежей, с утра ясней...
Оно, конечно, мудреней...
Покуда вьется...
Колода лет, колода дней...
Лежит колода, а под ней... свивая кольца...
Ни ярости,
Ни рук, ни ног...
И побежала...
Жила без жала,
Но ждала...
Хотя б из жалости...
Побыть еще
Твоим плащом...
Твоим зонтом...
Твоим навесом...
Твоим...
Приду прощен...
Не защищу...
Люблю зато...
Мгновенье стресса...

Чепурной Сергей

writercenter.ru/profile/Sergey76/whois/

анс

writercenter.ru/profile/ans/whois/

Художник SEN

writercenter.ru/profile/KuraiAkuma/whois/

Это ты, Алиса?

Пышкин Евгений

Жизнь — удивительна. За всех, конечно, говорить не буду, мало ли кому как везет, иль не везет, но если касаето меня, то скажу с уверенностью — да, моя жизнь волшебная штука. Я не забыл того момента, с чего все началось. Конечно, осознал важность случившегося намного позже, но тот сон, приснившийся весной, запомнил.

В нем я был мальчиком лет пяти, которого мать привела в здание киностудии имени Горького.

Подбирали героя на роль в фильме «Гостя из будущего». Помощник режиссера завел меня в какие-то футуристические декорации и строго сказал: «Жди». Через пару минут он, вернувшись вместе с режиссером-постановщиком, протянул мне цветную фотографию. На ней была запечатлена та самая Алиса, держащая в руках миелофон. Похоже, прошли пробы и героиню уже утвердили.

— Расскажи мне об этой девочке. Что думаешь? — сказал помощник.

А главный сел напротив, собираясь слушать.

Я глянул на Алису и тут же влюбился. Что уж там болтал, дословно не помню, что-то о распахнутых глазах, о мерцающих искрах теплоты и нежности, об осколках летнего солнца, о космическом взгляде.

Режиссер слушал и слушал, но в конце концов остановил меня, радостно объявив:

— А он мне нравится! Берем.

К сожалению, сон на этом оборвался, и я так и не узнал, попал я в фильм, или нет.

Простая мысль осенила меня после пробуждения: «Только что я прикоснулся к чудесному миру, миру иному, который подобно волшебной палочке

скользнул по судьбе». Почему вдруг возникли такие странные слова, похожие на слова помешанного, я не понял. Вначале постарался о них забыть, а зря. Мир начал меняться. Все, как говорят, завертелось.

Вроде потекла обыденная жизнь без приключений, но я каждый раз замечал ее тайные знаки, указывающие правильный путь. Сказка вошла тихой поступью в мою жизнь. Я доверился сказке, и сон повторился, он дополнился другими персонажами. Они не обращали внимания на ту девочку, сыгравшую Алису. Странно. Она же всегда казалась мне самой красивой. Неземная красота ее не должна была остаться незамеченной. В реальности так и случилось. Историю фильма все знают, не буду повторяться.

Так вот, с тех пор жизнь моя изменилась. Даже сейчас, сидя в кафе, понимаешь, что сказка наяву продолжается.

Я коллекционирую разные предметы — волшебные артефакты — так их называю. За свою жизнь забил ими целую комнату. В первую очередь материализовал фотографию Алисы. Думаю, с нее все и началось, потому что после приобретения снимка почувствовал скрытую суть вещей. Стал осознавать, что вот эта вещь несет в себе тайный знак, а вот другая — нет, она мертвая. Даже не прикасаясь к ним, чувствовал их голоса. Со временем взгляд неосознанно начал останавливаться на необычных предметах, а в последние дни и не нужно было видеть их, я ощущал на расстоянии волшебство, идя на тайный зов.

Да, простыми словами трудно объяснить.

Художник Argentum Agata

Я часто меняю места жительства, оказываюсь то там, то тут, следуя за невидимой сутью вещей. Сегодня, например, пришел в кафе.

Сажу и жду известного писателя, чтобы приобрести рукописи его ранних романов за символическую плату. Как-то ночью в сознании родились его фамилия и названия произведений, написанных им. Кстати, я читал их. Вполне добротная приключенческая фантастика. Связался с ним. Он, к моему счастью, не отказал, но спросил:

— А что вы, молодой человек, можете предложить?

Я поначалу замялся, но вспомнил сон, вспомнил павильон киностудии, Алису Селезневу с милофонном, вспомнил, что в моей квартире в нижнем ящике пылится тетрадка с незаконченной автобиографией, которая начинается с предложения: «Жизнь является удивительной штукой». Вспомнил и сказал, что могу подарить ту тетрадь, и добавил, что никаких авторских претензий предъявлять не буду.

— Хорошо, — сказал писатель. — Расскажите мне один эпизод из написанного.

Естественно, я поведал о киностудии. Ответом мне было молчание и потрескивание в динамике аппарата.

— Хм-мм, — прозвучал озадаченно голос. — Хорошо, давайте встретимся. Вот только не понимаю, зачем вам мои рукописи?

— Я коллекционер, — удивленно произнес я.

Наверно, он все еще сомневался. Однако согласился, но выставил условие: оба берем свои рукописи, и если что-то ему не понравится, вдруг автобиография окажется графоманской пустышкой, сделка не состоится. Терять было нечего. Я сказал: «Да».

И вот...

— Здравствуйте. Евгений?

— Да, я. Здравствуйте, Сергей Викторович.

Он сел напротив.

— Давайте сразу к делу, — произнес писатель и положил передо мной шивку из тонких тетрадей.

Я взял из стопки верхнюю шивку. Прочитал, вылавливая знакомые предложения и погружаясь в выдуманный мир. Это был первый роман, написанный по-детски корявым почерком.

— Да, к делу, — сказал я, вернув рукопись и положив перед ним тетрадь в клетку. — Это моя часть сделки.

— Ваша автобиография?

Художник Argentum Agata

— Да, как и договорились. Только она не закончена, поэтому и считаю ее неудавшейся.

Он раскрыл тетрадь и, пробежав глазами несколько строчек, спросил:

— Не жалко? Ведь вполне литературным языком написано. Чуть подправить и...

— Нет, не жалко. Тем более, я куплю потом эту автобиографию у вас.

Сергей Викторович посмотрел настороженно.

— Ну, вы же напишите роман по мотивам черновика, кроме того, закончите его как нужно. Книга выйдет в продажу, я и...

— А-а, понятно, — улыбнувшись, сказал он и спрятал тетрадку во внутреннем кармане куртки.

— Похоже, все?

— Да, Сергей Викторович. До свидания.

Я протянул руку на прощание. Он крепко пожал ее и ушел.

Ну, не стану же я ему разъяснять истинный мотив моей сделки. Да если бы и рассказал, он не поверил, что мне нужна не рукопись автобиографии, а именно напечатанный в издательстве роман по ее мотивам. Мог бы, конечно, и сам заняться своим произведением, но через Сергея Викторовича быстрее. Писатель он известный, его уж точно издадут и большим тиражом. Мне необходим был вымышленный мир, напечатанный на бумаге, чтобы по-

грузиться в него. Я это понял, когда перед сном всплыла в сознании его фамилия.

Аккуратно уложив кипу тетрадей в сумку, задержался взглядом на черной пластмассовой коробке, расположенной с боку. Откинув крышку, залюбовался игрой света в кристаллах миелофона. Так, а куда я дел наушники от прибора? Нашел их почему-то в правом кармане джинсов.

Закрыв сумку, бросил недолгий взгляд в окно и заметил удаляющуюся фигуру Сергея Викторовича. И вот тут, наплевав, что подумают посетители кафе, достал миелофон, выдвинул короткую антенну, направив ее в толпу прохожих, и нажал на кнопку. Вставив наушники, стал прислушиваться. Вначале я выудил мысли Сергея Викторовича: «Странный он, но роман удачный получится». Но, похоже, прибор работал в широком диапазоне, и размышления писателя утонули в какофонии чужих мыслей.

— Простите, вы будете заказывать? — настойчиво поинтересовался официант.

— Нет. Уже ухожу, — произнес я и убрал миелофон.

«Все-таки этот чтец мыслей совершенно бесполезная вещь, — подумал я, шагая по улице. — Ну, что в нем хорошего? Правда, забыл покрутить ручку настройки».

Я не собирался приобретать этот артефакт. Получилось случайно. Искал Вспольный переулок* и заблудился, ибо плохо ориентируюсь в Москве. Ходил долго, пока не выбрался в какую-то подворотню, в конце которой стояло брошенное зеркало. Я, заметив вдалеке собственное отражение, удивился: «Интересно, почему оставили такое большое зеркало среди дороги?» Направился к нему и, честно говоря, испугался. Не было тут никакого зеркала, потому что не было той рамы, в которую его вставляют, да и не было зеркального стекла. Я увидел собственного двойника. Он уменьшился в размерах и превратился в Алису, протягивающую мне миелофон. Страх немного отступил, но еще дрожащим голосом я произнес:

— Это ты, Алиса?

Гостья из будущего ничего не ответила. Я машинально протянул руки и взял чтеца мыслей. Девочка исчезла: вначале прошли помехи, как в телевизоре, изображение запрыгало, а затем схлопнулось в яркую точку. И все. Я продолжал стоять, держа миелофон на вытянутых руках. Наконец, оттаял и убрал прибор в спортивную сумку. Зачумленный выбрался из подворотни. Вспольный переулок так и не нашел, да и некогда, потому как нужно было идти в кафе на встречу с Сергеем Викторовичем.

После той встречи жизнь обрела обыденное течение. Время чудес прошло, голоса предметов зазвучали как в тумане. Я слышал их то тут, то там, но все они оказывались призраками, испуганно растворяющимися при моем приближении. Только год спустя я почувствовал ясный голос автобиографии, значит, писатель не обманул, не заблудился обо мне и книгу напечатал.

Зайдя в букинистический отдел торгового центра, я кожей ощутил настойчивый призыв и остановился у стеллажа. Книга была. Выдуманный мир существовал. Я осторожно снял ее с полки и прочитал название и имя автора, еще не веря в счастье. Да, та самая книга. Я купил ее.

Немного успокоившись, дома раскрыл фантастический роман, привычно погружаясь в ласковый океан вымысла. Книга пахла типографской краской, но прошло время, и запах исчез. Исчезла

и книга, и моя квартира. Меня окружили футуристические декорации павильона киностудии, а я превратился в мальчика.

Режиссер-постановщик, глянув по-доброму, произнес:

— Ну, что скажешь о ней?

— Павел Оганезович**, может... — попытался заговорить помощник режиссера.

— Погоди, — отрезал главный.

Решалась моя судьба.

Я замороженно посмотрел на фотографию Алисы, не в силах произнести ни слова. Вспомнил, что вот именно так же гостья из будущего глядела на меня в тот день, когда я искал и не нашел Вспольный переулок, а попал в незнакомое место.

---

* Вспольный переулок — В расположенной во Вспольном переулке 20-й школе и вокруг по всему переулку и прилегающим Спиридоновке и Ермолаевскому переулку снимались эпизоды художественного фильма «Гостья из будущего».

** Павел Оганезович Арсенов — режиссер-постановщик фильма «Гостья из будущего».

Духи слышат

Михалевский Георгий

Еще вчера я не хотел этого дня. От всей души желал, чтобы его не было. Никогда. Как жаль, что нельзя вырвать день из жизни как листок календаря. Выкинуть — и никогда не вспоминать!

И вот, лежа и глядя в темный потолок, обреченно жду звонка. Настроение со вчерашнего дня ни на грамм не улучшилось. Наверняка ночной кошмар виноват. Сон, в котором приснилась скала, похожая на меня. Памятник десятиметровой высоты, выточенный водой и ветром. Станный сон. Непонятный. Скала проступала сквозь туман неясными очертаниями и надвигалась, словно хотела о чем-то предупредить. О чем?

Вчера уверенный мужской голос на чистом английском говорил, что им посоветовали обратиться ко мне. Им... семье шведского почетного консула. Гхе. Сегодня нужно с ними встречаться. Ну не может же сон иметь отношения к консулу!

Будильник молчит. Встаю, смотрю на телефон. До звонка еще полчаса. Ну ладно — раньше, так раньше. За пятнадцать минут собираюсь и, завтракая, поглядываю в окно, за которым белой взвесью разлит туман, такой же, как в моем сне. Даже в предутренней мгле видно, насколько он плотный и непроглядный. Мир словно исчез, и настроение скатывается еще ниже. Знаю, что в горах тумана не будет, там отличная погода, там солнце и снег, но ничего не могу сделать с проклятым шестым чувством, шепчущим, что сегодня надо отсидеться в норе. Позвонить и сказать, что я умер. Ну или лежу при смерти. Или меня похитили инопланетяне... С шестым чувством спорит дурацкое чувство долга. Кто его придумал? Оно всегда побеждает, и через сорок минут я стою в точке

сбора совершенно один в густом тумане. Как знаменитый ежик.

Ну, так не бывает. Всегда есть те, кто приходит раньше. И где они? Ни Азы, ни Саньки... Погоды ждут, не иначе. В тумане появились два слабых желтых пятна, а вслед за ними вынырнула широкая морда лендровера с дипномерами. Шведы пунктуальны, черт бы их побрал. Здравваемся, знакомимся и понимаем, что ехать вслед за мной они в таком тумане не могут. Фары пробивают его на метр-полтора. Обсуждаем ситуацию с водителем, и тут консул вежливо так спрашивает, не могу ли я поехать с ними в машине в качестве штурмана? А у меня чешется язык сказать, что лучше бы им пересесть в мой пассат, и тут из лендровера выскакивает дочь консула. Из-за которой весь сыр-бор. Она быстро что-то лопочет по-шведски отцу, идет к моей машине и плюхается на переднее сиденье. Папенька неохотно улыбается и говорит, что так и быть, он отпустит ее со мной в горы, но... с телохранителем. Да ладно, хоть с двумя телохранителями. В машине места много. Снова улыбаемся друг другу, жмем руки и расстаемся с консулом.

До самой городской окраины ползем в тумане. Хельга молчалива, не разговаривает. Шкаф на заднем сиденье тоже молчит. Пытаюсь разговаривать девушку — безрезультатно. Вообще я думал, что мне предстоит ставить на лыжи подростка лет тринадцати-четырнадцати, а оказалось, что "нашей милой девочке" лет двадцать с небольшим, почти моя ровесница. Я года на три-четыре ее старше, не больше. Это хорошо. Профиль красивый у нее, веснушки, что весной засияют. Неза-

метно улыбаюсь, глядя искоса на рыжие локоны и упрямо поджатые губы. В зеленых глазах что-то прячется. Таится. Бесконечная грусть и горечь. Что ж с тобой произошло? Папа — дипломат, мама — ухоженная красавица, это я заметил. Хотя она из машины так и не вышла, лишь вежливо кивнула через стекло. Заметно, что оба любят дочь. Так

что же случилось? На этот вопрос, наверное, никогда не узнать ответа.

Дорога идет резко в гору, у нас закладывает уши. Хельга трясет головой. Говорю, чтоб сглотнула. И вот мы вырываемся из тумана под ослепительное солнце. Лента дороги темным лезвием рассекает белую гряду гор, убегая в небо. Девуш-

Художник Лев Елена

Проза. Мистика

ка удивленно оглядывается по сторонам и видит, что туман стоит за нами мягкой стеной, как облако.

Она открывает окно, высовывает голову на мороз:

— Невероятно! Тут действительно снег!

Улыбаюсь: обычная реакция новичков. В Бишкеке снегом не пахнет, и всякие заявления о лыжах лишь вызывают недоумение. Но стоит подняться в горы, и вот он — белый, искрящийся, нетронутый. Сверкает под синим небом, словно смеется над удивлением горожан, вырвавшихся из серого города.

Уверенно жму на газ; дорога чистая и сухая уносит нас все выше в горы широкими дугами серпантинных. Тянутся по обе стороны белые плоские пригорки, недалеко от дороги торчит одинокий снеговик — словно автостопит. За нами тянется хвост из авто лыжников, маршруток и пары туравтобусов. Сезон начался!

Добрались до базы часа за два. Решительно заявляю Хельге, чтоб она свой пуховик в машине оставила. У нее отличный лыжный костюм, не замерзнет. Некогда будет. Удивляюсь, как это она не умеет на лыжах ходить — ведь Швеция не страдает отсутствием снега. Интересна, говорит, не было, плаванием увлекалась. Ну, плавание, так плавание, тоже хорошо. На вопрос, а почему вдруг решила попробовать лыжи, ответа не дождался.

Идем от стоянки до начала трассы к столбам канатной дороги. Хельга уверенно сворачивает к стартовой площадке. Но я, смеясь, показываю на "зеленую" гору. Здесь будешь учиться. Метров двести прекрасного, чистого, в меру крутого склона. Она отвечает, что хочет сразу туда, далеко. Куда рванула веселая компания сноубордистов. Ну, будет время, и мы туда поедem. Но не сегодня.

На меня сзади налетает Аза, как всегда тараторит, спрашивает, встретился ли я со своими норвежцами? Поправляю и говорю, что встретился со шведами. Все о'кей, спасибо за рекомендацию. Он хлопает меня по плечу, отвечает, что всегда пожалуйста, и, подхватив своих двух оболтусов-студентов, идет к канатке.

Ритуал первого надевания лыжных ботинок. Недоумение на лице Хельги при их виде. И всегдашнее ползание на четвереньках вокруг ученика с объяснениями — как закрепить, как застегнуть. Неуверенность и робкие вопросы: а точно ли это ее размер?

Надели. Она в ужасе: почему не гнутся ноги? Объясняю:

— Чтобы спасти тебя от вывиха в лодыжке. Это

гениальное изобретение. Ты оценишь, вот увидишь.

— Но в них невозможно ходить!

— В них и не надо ходить, в них катаются.

— Катаются? О'кей.

— Итак, ты сегодня слушаешься только меня. И делаешь то, что я говорю. Понятно?

Она поднимает голову и совершенно по-детски доверчиво смотрит в глаза:

— Хорошо. Что дальше?

— Самодеятельностью и крутизной не занимаемся.

— О'кей. А что сейчас, сэр?

Смеюсь и веду ее вверх по склону. Сказал, к ее бескрайнему удивлению, чтобы палки она оставила в покое. Учиться будем без них. Она пожимает плечами и без всякого энтузиазма неловко ковыляет за мной, что-то бормоча под нос. Молча несущи лыжи, ибо по опыту знаю: заставь ее подниматься сто метров "елочкой" — убьешь всякое желание учиться. На буксировочную канатку отведу ее чуть позже, когда научится на лыжах стоять. Останавливаемся, креплю ей лыжи, стоим поперек горы, и не успеваю ничего сказать, как Хельга разворачивается вниз по склону — и лыжи убегают из-под нее:

— Падай!

Не знаю, послушалась она или нет, но в снег падает. Пытается встать, и лыжи опять уходят из-под нее.

— Лежи! — иду к ней. — Я же сказал: ничего без моей команды не делать.

Девушка, жмурясь, смотрит на меня:

— Я буду целый день лежать, или руку дашь?

— Нет. Встанешь сама. Это часть урока. Лыжник должен уметь две вещи: падать и вставать. Поворачивай ноги поперек склона. Так...

Шкаф-секьюрити услужливо подбегает с намерением поднять Хельгу. Не помню, как налетаю на него и сшибаю в снег:

— Нельзя!

Он ошалело смотрит, сжимает кулаки, демонстративно медленно поднимаясь. Задержав дыхание, чтоб унять гнев, спокойно говорю:

— Не вмешивайся в процесс. Она должна встать сама. Пойди-ка, посиди внизу под навесом. Там чай раздают всем и сало.

Он шумно пыхтит и тихо по-русски выдает:

— Ну знаешь... Только вздумай еще раз...

— Вздумую и не раз. Иди вниз. И не мешай работать.

— Хых. Консул узнает... кого нанял дочке в тренеры.

С недобрым видом он уходит от нас под гору к навесу кафе. Хельга, сидя на снегу, с интересом разглядывает меня, будто только что увидела.

— А ты — чокнутый.

— Я не чокнутый. Я — экстремал, это еще хуже. Итак, ноги поперек склона, корпус вперед, лыжи передними концами друг к другу...

Она резво вскакивает и торжествующе восклицает:

— Я сделала это!

— Отлично. Итак, если чувствуешь, что тебя несет, и ты не можешь это контролировать — падаешь на бок в снег. Давай. Падай сейчас.

Она падает, и я замечаю ее улыбку. Хорошо, сделаем этот день для тебя веселым. Она пытается встать, не получается, снова заваливается в снег и вдруг смеется. Неподалеку собрались лыжники и наперебой дают советы. Хорошие все. Наконец, отсмеявшись, она встает.

— Мы будем целый день падать и вставать?

— Нет, — опускаюсь перед ней на колени и подпираю лыжу рукой. — Разворачивайся вниз по склону. Не бойся. Я держу.

В ее глазах мелькает недоверие, смешанное с ужасом:

— Я перееду тебя... Искалечу...

— Нет. Ты обещала слушаться, делай, что говорю.

Она неуверенно переставляет лыжи, расширившимися от страха глазами смотря на меня. Держу концы лыж и улыбаюсь:

— Все хорошо?

— Да, — страх сменяется удивлением. — И что дальше?

— Ставим лыжи углом или, как говорят — плугом.

Объясняю ей эту забавную позу, и когда она со смехом сводит передние концы лыж, отпускаю ее и отхожу в сторону.

— Я никуда не качусь?! Супер.

— Хорошо стоишь. Ноги расслабь. Обопрись голенью на ботинок, навались всем телом. Почувствуй, как они держат тебя, поверь в них. Отныне они — часть тебя. Твое продолжение, твои новые конечности. Так, молодец, — вижу, как пропадает скованность ее фигуры, расслабляются плечи, и Хельга легко выдыхает, оглядываясь по сторонам. — Молодец, — повторяю ей. — Запомни: они не подведут. Если будешь падать, крепления раскроются и сохранят тебе ноги, отбросив лыжи. Понимаешь?

Она кивает, поглядывает искоса на меня и ожидает дальнейшей команды.

— Ну, а теперь осмотришься. Ведь это — твой новый дом, который предстоит полюбить.

Девушка слегка улыбается и смотрит по сторонам: на исполосованный лыжной склон, на убегающие вниз ступеньками крутые горы, занесенные снегом, и белое море облаков, накрывших город. Затем переводит взгляд на чудо-ботинки, что держат ее, и снова улыбается.

— Теперь я поняла. Ты был прав, это — гениально.

— Именно. Ну, давай, концы лыж чуток разведи...

Она медленно скользит по склону вниз. Иду рядом, с удовольствием глядя на ее довольное лицо. Не знаю, чему больше рад, ее улыбке или тому, что мое недоброе предчувствие разбилось о снежные вершины вместе с глупым сном. Горы отбирают у людей дурные мысли и чувства. Никогда не видел на лыжной базе ни одного хмурого или обиженного лица. Вот и с Хельгой то же. Грусть из глаз исчезла вместе с горечью. Консул говорил вчера, что им посоветовали горы, а вот кто и зачем — не сказал, ушел дипломатично от ответа. Психотерапия горными лыжами? Кто знает?

Проходит часа два, и Хельга уверенно делает правые повороты. С левыми выходит хуже. Я бегаю вокруг нее с наставлениями, подсказками и шутками. Кто-то с горы кричит ей, что повезло с лыжами: сами поворачивают, — и одобрительно поднимает палец вверх. Ну что ж, он почти прав. Карвинговые лыжи легко поворачивают, даже если плохо умеешь это делать. Но не лыжи делают человека лыжником, хотя всегда новичкам подбираю подходящий инвентарь. Учиться — так учиться; кататься — так кататься.

Еще через час я не верю себе, втыкая на склоны лыжные палки в качестве указателей трассы. Не верю, что сегодня она сделает это. Да у нее — дар. Какое, нафиг, плавание, когда она рождена для горных лыж? Я никогда не видел, чтобы новичок ставил лыжу на кант с таким мягким давлением и интуитивно входил в скользящий поворот, заданный радиусом лыжи. Так мягко и свободно, что я уже хотел прямо сейчас, не отходя от кассы, учить ее динамичным резаным поворотам, где лыжник задает радиус, а не лыжа.

Секьюрити крутится рядом: ему, оказывается, тоже интересно. Но близко не подходит, понял, что у меня не все дома.

Аза и Санек стоят под горой и делают ставки. Их ученики топчутся рядом, с любопытством поглядывая на Хельгу. Возле навеса собирается народ, лыжники уже услышали новость, что за

Проза. Мистика

полдня обучения Алекс собирается устроить слалом для ученицы. Чокнутый же. Все знают. Компания сноубордистов лихо вылетела из-за горы. Вместо канатки подруливают к навесу, спрашивают, что за собрание. Вижу: снимают борды и садятся на скамейки. Устроил развлекаловку всему сообществу. Ну, Хельга, не подведи!

Поднимаюсь к ней, провожу инструктаж. Глазёнки у нее горят, щеки разрозовелись; у меня что-то екает внутри, и вдруг понимаю, что волнуясь, как школьник на экзамене. Будто олимпийского чемпиона перед стартом готовлю.

Ну вот, пошла. Хорошо заходит в первый поворот, красиво. Второй, третий, идет не быстро, но плавно, грациозно. Словно родилась с лыжами на ногах. Азамат внизу теребит Саньку, дергает его, волнуется, значит. Мне тут наверху некого дергать, один стою. Она слегка задевает пятую палку, но не сбивает, легко проходит шестую и седьмую, подкапывает к собранию. Там свист, вопли, аплодисменты. Сажусь в снег и глупо улыбаюсь. Будто это мой первый слалом. Счастье накатило, с ту гору, на которой сижусь. Наверное, такое ощущает тренер, у которого спортсмен золото взял. Вдруг меня кто-то хлопает сзади по спине и садится рядом:

— Вот ты, блин, даешь. Не зря тебя нахваливали.

Смотрю в довольное лицо шкафа нашего. Он протягивает руку:

— Сергей, — пожимаю ее. Он продолжает: — Ты это, извини, что по глупости вмешаться хотел.

— Да не. Все нормально, Сергей. Это я не сдержался.

Поднимаемся и идем вниз, где поздравляют Хельгу, суют ей в руки стаканы с кофе и чаем, бутерброды с салом, она отказывается, смущается. Кто-то, смотрю, коньяка наливает... Не помня себя, несусь вниз чуть не кубарем:

— Хельга!!

Она, счастливая, оглядывается. Подлетаю, беру первый попавшийся стакан и вручаю ей:

— Ты — молодец. У тебя талант.

Мужику с коньяком чуть не кричу:

— Спятил, да? С такими нагрузками на такой высоте девчонке коньяк давать? — и надвигаюсь на него.

— Да я это... — он оторопело оглядывается, не зная как себя вести.

— Дай сюда, — отбираю у него стопарь и опрокидываю в себя. — Спасибо, брат, выручил.

Толпа взрывается от смеха. Сажусь на лавку, слегка оторопевшую Хельгу сажаю рядом. Мужик смотрит в пустую стопку и вдруг начинает ржать.

Плюхается напротив и говорит:

— Понял! — наливает стопку и протягивает, — Еще по одной?

Я отрицательно машу рукой:

— Не стоит.

— За успех, а?

Аза и Санек садятся по обе стороны от него. Санек говорит ему:

— Зря стараешься, — потом смотрит на меня. — Алекс, ну че? Чайку? — наливает из термоса и протягивает. — Ну ты сегодня выдал программу. На все сто.

— Не я. Она, — показываю на Хельгу и перехожу на английский. — Они все рады за тебя. И пьют за твой успех.

— Я это поняла, — она с любопытством поглядывает на моих друзей. — Спасибо, парни.

Пока они поздравляют ее, оборачиваюсь к молчаливо сидящему Сергею:

— Присмотри тут за ней. Следи, чтоб спиртного не дали.

— О'кей. А ты?

— Прокачусь. Быть в горах и не прокатиться — это грех, — поднимаюсь, перешагиваю через скамейку и иду надевать лыжи.

Хельга с тревогой оглядывается, порывается встать. Азамат удерживает ее; я говорю, что все в порядке, и ухожу к канатке.

Наконец-то, дорвался. Безумно люблю свою работу, но целый день бегать по горе за учеником — утомительно, и душа рвется туда, где кроме гор и снега ничего нет. Упоительная отравка, сладкий наркотик, бесконечная жажда безбашенной скорости, свобода полета и холодный воздух, свистящий в ушах.

Падаю с канатки на снежный гребень, и мир исчезает в лыжных следах, растворяется на знакомой трассе в звучании ветра и снега, уходя скальными пиками в синие небеса. И забываю, что не хотел прихода этого дня и встречи с консулом. Все это осталось позади обычным недоразумением, хотя знаю, что вещие сны сбываются. И что-то странное ждет меня впереди.

Дорога назад в город разительно отличается от дороги на базу. Тогда мы ехали как на похороны. Мои новые знакомые сидели с каменными лицами и молчали. А теперь Хельга закидывает меня множеством вопросов и с жадностью слушает рассказы о горах.

— А что-нибудь необычное? Есть же в горах сказочные места?

— Сказочные? Да тут все сказочно! А есть уще-

лье, так и называется "Сказка".

— Почему?

— Потому что — сказка. Там в самом центре стоит скала — точно диснеевский замок. А вокруг — множество причудливых камней, похожих на разных животных. И после каждого дождя пейзаж меняется, иногда до неузнаваемости.

— Хочу там побывать, — мечтательно улыбается она.

— Без проблем, — улыбаюсь в ответ и прикидываю, когда можно будет туда съездить.

А вечером, сидя на диване с кружкой кофе, с горечью осознаю, что перед глазами стоит неотвязная картина: грациозная фигурка Хельги на белом склоне. Этого мне только не хватало. Решительно прогоняю сие видение и иду спать.

На следующий день мы встречаемся, как условились, у спортмагазина. Консул — собственной персоной, Хельга с сияющими глазами вертится у стеллажа с лыжами и бордами. Сергей с отсутствующим видом разглядывает куртки и пуховики. Консул сразу спрашивает, что покупаем. Я слегка останавливаю их энтузиазм:

— Должен вас предупредить, раз уж решились покупать лыжи. Горные лыжи — это не просто хобби. Это дофамин-норадренолиновая зависимость, от которой бывает ломка. С сегодняшнего дня Хельга перестанет радоваться лету, а будет ждать снега и начала сезона. У вашей дочери талант. И она захочет опробовать новые трассы от Канады до Новой Зеландии. Там, где никто не катался. Она будет подбирать себе все новые и новые лыжи для разного типа склонов и разных спусков. Она будет болеть этим и стремиться кататься так, как еще никто не катался...

Консул хмурится и косится на дочь. Она сияет и кивает на каждое мое слово. Уже хлебнула вчера головокружительного счастья. Хочет еще. Продавец улыбается, подтверждает мои слова. Мы честно предупредили о последствиях. И выжидательно смотрим на консула. В его глазах прячется подозрительность и тщательно скрытое недовольствие. Смерив меня взглядом, выводит на пару слов из магазина.

— Послушайте, Алексей, вы так расписываете свой товар... гм. Я понимаю вашу молодость и горячую любовь к лыжам, но вы так говорите, будто это не лыжи, а марихуана.

— Я думаю, амфетамин — более подходящее сравнение.

— Мне не до шуток. Вы сами с ломкой как справляетесь, если все так серьезно?

— Никак. Жду открытия сезона и хожу в горы, чтобы развлечься.

— Я не совсем это понимаю. Но результат вижу. Моя дочь снова веселая, как прежде. От одной тренировки. Настаиваю на продолжении обучения. Вы не откажетесь?

— Нет.

— Хорошо. Научите ее всему, что умеете сами. Хотя вы и слишком молоды, но меня убеждали, что вы хороший тренер...

— Я фрирайдер и инструктор по горным лыжам, а не тренер. Если вы рассчитываете на олимпийские соревнования...

Он снисходительно хлопает меня по плечу:

— Этого я от вас не требую.

Возвращаемся в магазин, а Хельга уже стоит с парой очень хороших лыж ол-маунтан. Не иначе в интернете вчера лазила. Мне осталось только подтвердить ее выбор. Пока отец расплачивается, она безапелляционно спрашивает:

— А сейчас мы едем в горы? Да?

Ну вот, скажите, не наркотик ли это?

— Нет. Сегодня понедельник и база закрыта. Канатки не работают.

— Они же нам не нужны?

— Нужны. Сегодня ты отдыхаешь дома. Завтра поедем.

— Мы же каждый день будем заниматься?

С таким упорством я еще ни разу в жизни не сталкивался. Улыбаюсь:

— Ты как себя чувствуешь? Руки-ноги не болят? Спина?

— А почему они должны болеть?

Спортсменка-комсомолка, откуда ж на мою голову это чудо свалилось? Обычно на второй день новички охают и ахают, потирая ноющие ноги и спину. А тут — такой задор и настрой, что мне неловко, честное слово. Ну что ж делать, придется заниматься чаще обычного, но не каждый день. Перепады высоты значительные для новичка. Пытаюсь объяснить это, и вдруг меня осеняет, что можно снять для нее номер в гостинице на базе. И не нужно каждый день мотаться туда из города. Консул слушает меня и на все соглашается, и сверх того, предлагает оплатить и мое проживание на базе. Я не верю своим ушам. Неужели такое бывает? А консул спрашивает мой адрес и говорит, что пришлет завтра машину за мной. И снова в его глазах мелькает скрытое недоверие. Станный он, этот дипломат.

И с этого дня все мои планы на фрирайд с друзьями катятся под откос с головокружительной

Проза. Мистика

скоростью. Вместо обычных четырех-пяти уроков и пары полных спусков с инструктором, Хельга требует все новых и новых занятий. Заявляет, что боится без меня кататься, а сама так лихо прыгает с канатки и несется по склону, что впору ее оформлять моим помощником. Сергей молчаливой тенью всюду за нами: на канатке, на трассе, в кафе и на отдыхе. Я вижу, как ему трудно даются скоростные спуски, но он с насмешкой встречает любой мой совет. Будто он — инструктор, а я — ученик. Хочется прибить этого типа. Но понимаю, что работа у него такая, и все сильнее и сильнее не переношу его присутствие. Уверен, у нас это взаимно.

Через две недели консул с женой приехали, смотрят на успехи дочери. Говорю им, что надо идти на другую базу, где трассы сложнее. Хельга переросла базу для новичков. И снова господин почетный консул на все соглашается. Мне как-то не по себе от этого. Осторожно говорю, что, в принципе, дал все основы техники катания, и рад был сотрудничеству, и все такое, теперь Хельга может кататься без меня.

Консул кивает, жмет руку и по-дружески улыбается, благодарит. Слово не мелькало недоверие в его глазах. Мы готовы расстаться друзьями со всегдашней добавкой: "Будем рекомендовать вас знакомым". Но нет. Хельга появляется рядом с нами:

— Ты хочешь сказать, что все?

Не смотрю на нее. Последние две недели я упорно избегаю ее взгляда, в котором чудится нечто большее, чем просто дружеское расположение. Твердо отвечаю, что обучение закончено, и киваю консулу.

— Нет! Я не смогу сама ехать на новую базу. Я там никого не знаю. Ты хотя бы трассу мне покажешь? Ты говорил, что там есть большой трамплин.

Вот что с ней делать? Консул внимательно смотрит на дочь, и меня прошибает пот от этого взгляда. Выходит, ничего мне не чудится, и, может быть, я — дурак, отказываюсь от своего счастья? Тем временем высокопоставленный папа переводит подозрительный взгляд на меня. Ничего хорошего это мне не предвещает. Пожимаю плечами, как ни в чем не бывало, и спокойно говорю, что трамплин, так и быть, покажу. Консул снова бросает взгляд на дочь, но у той в глазах лишь детская радость:

— Супер! Едем на большой трамплин. Без Алекса мне не справиться.

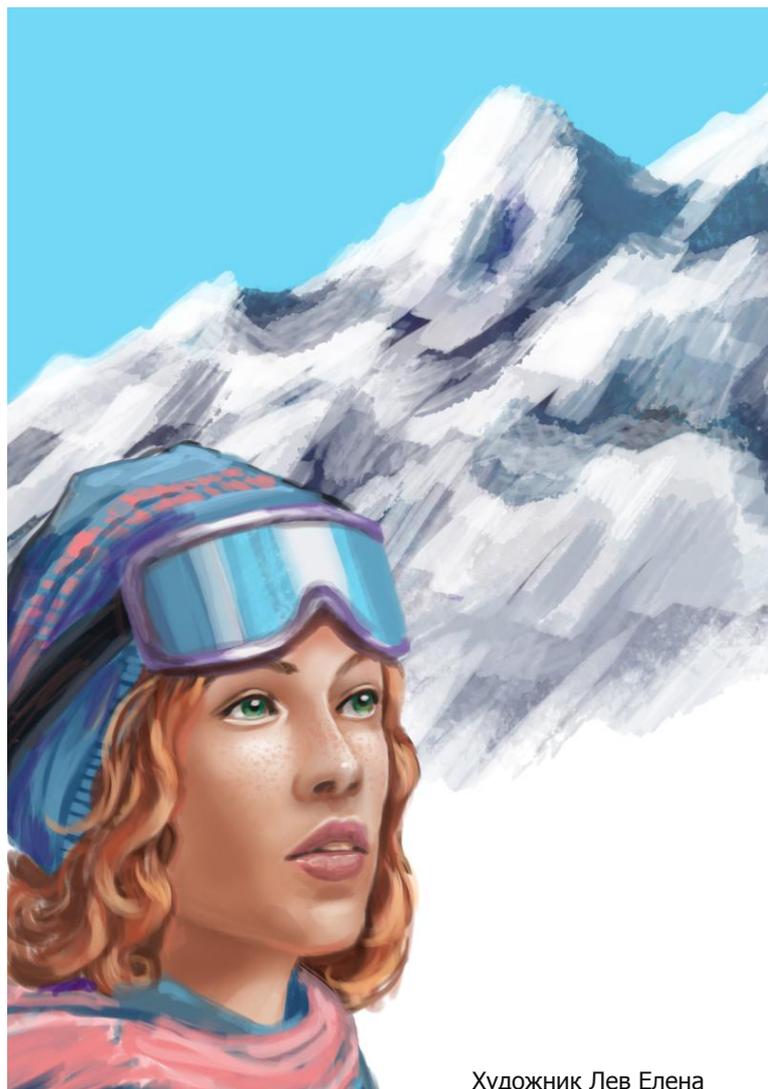
Контракт продлен еще на две недели. Консул недоволен, и это заметно. А я снова испытываю то чувство, с которого все началось: отчаянное желание выкинуть этот день. Перезагрузить его с другими параметрами. Пытаюсь сказать, что две недели — многовато для одного трамплина, и получаю резкий ответ, что господин консул не намерен подвергать риску свою дочь, поэтому надеется на мой опыт и порядочность. Порядочность?! Вот куда дело зашло.

Новая база встретила нас густым снегопадом, и мы вынуждены сидеть два дня в гостинице, любуясь белой метелью под песню камина. Кроме нас здесь никого нет. Все уехали в город. Сидим в больших креслах, поджав ноги, говорим о разных пустяках. Рассказываю Хельге легенды, она внимательно слушает и вдруг спрашивает:

— А помнишь, ты про ущелье "Сказка" рассказывал? О нем есть легенды?

— Нет. Это новое ущелье, оно словно ниоткуда появилось. Ни легенд, ни преданий.

— Интересно. Выходит, ущелье ждет свою легенду.

Художник Лев Елена

Я невольно улыбнулся:

— Почему так думаешь?

— В странных местах всегда должны быть свои легенды и свои духи. Кстати, а откуда берутся горные духи? О них много легенд, но никто не говорит, откуда они приходят.

— Ну... в Библии написано, что Бог поселил их там, чтоб следили за горами.

— Серьезно?

— Не знаю. Так написано. А в народе говорят, что это души тех, кто горы любил всем сердцем. И не захотел их покидать. Тела превратились в камень, а духи витают над ущельями всесильными хозяевами.

— Круто... Превратились в камень?

— Да. На одной из горных троп есть камень, ну точно альпинист, прицепившийся к скале. Все, кто проходит мимо прикасаются рукой, чтоб поздороваться и получить удачу на восхождение.

— Ты мне покажешь?

— Да, но лучше летом идти.

— Ок. Договорились! — она улыбается и тихо продолжает, — А я понимаю этих людей, ставших духами. Они всегда свободны. Живут среди гор, и никто им не указ. Это же здорово: быть хозяином гор. Ты хотел бы так?

— Да, только вместе с тобой, — вырывается у меня.

Ее глаза вспыхивают радостью, и мы замолкаем, наслаждаясь моментом и чувством полного взаимопонимания, когда слова уже не нужны. Сергей чуть поодаль не спускает с нас глаз. Не сговариваясь, косимся на него, затем смотрим друг на друга. И тут же смеемся. Хельга тихо шепчет:

— Он мне надоел, — затем вздыхает и заявляет: — Ты совсем не такой. Он был другим.

— Кто?!

— Мой муж.

— А... — не знаю, что сказать в ответ, и вопросительно смотрю на нее.

— Ты удивлялся, как, живя в Швеции, я не умею кататься на лыжах. А я в Швеции и не жила. Мой отец — дипломат, и мы всегда жили за границей. Бразилия, Аргентина, Коста-Рика, Мексика. Кажется, мы объехали всю Южную Америку вдоль океанских побережий. Я снег первый раз увидела у вас тут, в Киргизии. Мне было восемнадцать, когда я встретила Хорхи. Он был пловцом и увлекался дайвингом. Ривьера Майя — самое романтическое место, какое я встречала. Отец сначала был категорически против, — Хельга сдержанно смеется и добавляет, — всегда такой спокойный, а

тут! Мы даже поругались, представляешь? И не просто поругалась, а с криками, хлопаньями дверями и потоками слез. Но со временем Хорхи ему понравился. Не то, чтобы понравился. А он смирился с его существованием, — она замолчала, глядя в камин на гудящий огонь, затем перевела взгляд на меня. — Знаешь, что самое забавное?

— Нет, откуда мне знать?

— Он был инструктором по дайвингу.

Я киваю, кажется, понимаю, куда она клонит:

— Тебе везет на инструкторов.

— Точно. Но не подумай, что я начала заниматься дайвингом и влюбилась в него. Все было наоборот. Я полюбила дайвинг из-за него. Из Мексики мы переехали в Коста-Рику и остались там жить. А отца отправили в Индию. И они с мамой уехали. Вот поэтому я и не умею кататься на лыжах. Зато хорошо плаваю.

— А теперь ты хорошо катаешься. У тебя дар. Но... — я не знал, спросить или нет, и все-таки решился, — а что с Хорхи?

Она встала с кресла и, не сказав ни слова, ушла в номер. Я почувствовал себя идиотом. Либо Хорхи умер, либо обошелся с ней так, что она не хочет об этом говорить. В любом случае — спрашивать не стоило. Сергей уселся напротив меня в ее кресло и насмешливо спросил:

— Обломился?

— Шел бы ты... к себе в номер, ночь уже, спать пора.

— У тебя ничего не получится. Зря стараешься.

А я и не старался, поэтому усмехнулся в ответ:

— Похоже, это ты обломился и теперь из себя обиженного строишь. И вообще, для чего ты тут? — в его глазах запрыгали демоны ярости, а я спокойно продолжил: — Видел, как ты на лыжах стоишь. Уровень — ниже среднего.

При этих словах Сергей подается вперед всем корпусом и стискивает зубы, исподлобья смотрит:

— Я достаточно хорошо стою на лыжах.

— Не смейся. Ты не можешь даже угнаться за ней. Если с Хельгой что-то случится на склоне, ты не помощник. Я отвечаю за нее. И за тебя. Мне приходится за двоими следить. И ты еще будешь ввязываться в наши с ней отношения?

Он вскакивает, и мы оказываемся лицом к лицу. Это назревало давно, с первого дня, как я сбил его в снег. Ну, давай, давай, чего пыхтишь? Я ждал его удара, но он взял себя в руки, матюгнувшись и отошел к барной стойке. Здесь, выпив залпом двойной виски, повернулся ко мне:

— Я ее охраняю с первого дня, как она приеха-

Проза. Мистика

ла. Тоже сначала не знал, от чего охранять надо. Ты, умник, в курсе, что за последние два года она трижды пыталась покончить с собой? Ага, то-то. И я не позволю, чтобы из-за тебя, ловелас доморощенный, она опять вздумала себе вены резать. Поэтому даже не вздумай подкатывать к ней.

— Погоди, — я тоже подхожу к стойке и беру виски со льдом, — что-то не стыкуется твой рассказ. Ты сейчас тут балясы точишь, и откуда знаешь, что она там не режет себе вены?

— А нечем. Я слежу, чтобы у нее не было острых предметов, чтоб не купила чего лишнего в аптеке. Я проверяю ее сумку по три раза на день.

Он меня озадачил, надо признаться. Я повертел стакан в руках и посмотрел на Сергея:

— Это из-за Хорхи?

— Да, он утонул у нее на глазах. Какая-то рыба или еще что-то парализовало его в воде. Я подробностей не знаю. Но она считает себя виновной в его смерти.

— Обычный комплекс вины. Хочешь сказать, психологи не справились с этим?

— Как видишь. Папа ее таскал по разным заграничным клиникам. Наши тут гении рекомендовали ей горы.

— И правильно сделали.

— Неправильно. К горам прикладываешься ты. Думаешь, я не знаю, на что ты нацелился? Визу получить и в Швецию свалить.

— Что?! — я чуть не поперхнулся своим виски.

— Подцепишь девчонку — гражданство в кармане, плюс неплохое состояние за ней...

— Так, стоп, — ударяю ладонью по стойке, — что ты несешь? То ты ее охраняешь от суицида, то печешься о каком-то состоянии? Ты уж определись, а? Ну-ка, — резко разворачиваю его за плечо и смотрю в глаза, — ты сам на это нацелился, да? Можешь забрать шведское гражданство и засунуть себе так глубоко...

— Мальчики, что это с вами?

Мы резко оглядываемся на Хельгу. Она стоит и, склонив голову на бок, разглядывает нас. Я отпускаю плечо Сергея, допиваю виски:

— Завтра подъем в семь. Спокойной ночи, — и ухожу к себе.

Метель закончилась ночью, утро выдалось ясное и морозное. Смотрю из окна холла, как ратрак укатывает трассу. Конечно, в семь никто не встал, поэтому созерцаю просыпающиеся вершины в гордом одиночестве. Морозное утро прогнало повторившийся ночью кошмар о скале, похожей на меня: залитый солнцем склон с прислонившейся к

нему каменной фигурой... Как странно. Почему сон повторяется? Что судьба хочет сказать мне?

Недалеко от гостиницы стоят два заснеженных вертолета, дальше — ангар со снегоходами. Шальная мысль ударяет в голову, и иду будить Хельгу. Сергей вчера сорвался и напился, как сказал бармен. Поэтому сегодня мы его на трассе не увидим, небо и горы — наши!

Через час мы с Хельгой прыгаем с вертолета в начале трассы. Сотрудники базы еще не успели ее укатать после метели, и можно показать некое подобие фрирайда, она давно просила. Только Сергей стоял между нами и свободой, упорно твердя, что это травмоопасно. Заснеженный склон принимает нас, и мы рвемся вниз, узкими дугами чертя снег. Сияющие в восходящем солнце вершины стремительно уносятся назад; снег искрится, слепя глаза; и ветер бьет в грудь. Лыжи скользят со скоростью гоночного автомобиля; морозный воздух щекочет ноздри; и нет большего счастья, чем жить, пролетая по краю опасности, что срывается за тобой снежными глыбами, падая с карнизов на дно ущелья. Отклоняемся от накатанной трассы, уходя скалистым склоном по собственному пути. Хельга должна почувствовать горы, узнать, как понимать незнакомые склоны и прокладывать свои маршруты. Я объяснял ей это много раз, и вот пришло время опробовать теорию на практике.

Она легко идет чуть позади меня, почти точно повторяя повороты, и вдруг сворачивает резко вправо, уносясь по широкому пологому откосу. Разворачиваюсь за ней. Только не туда! Я же говорил, показывал на карте, что там обрыв — пропасть метров тридцать. Куда ее несет? Ускоряюсь, чтобы догнать, уменьшая радиусы поворотов — обрыв приближается с головокружительной быстротой. Хельга неумолимо летит к нему, не ведая об опасности. Догоняю, подсекаю ее, катимся, переворачиваясь по снегу и теряя лыжи. Останавливаемся в каких-то пяти метрах от обрыва. Ложимся в снег. Она хохочет, срывает очки и садится:

— Ты с ума сошел?

Лежу рядом с ней и чувствую, что меня все еще подтрясывает.

— Это не я с ума сошел. Это ты. Там обрыв. А под ним — груда голых скал без снега. Прыгать нельзя.

Поднимаюсь на ноги, выгребая снег из очков и капюшона:

— Идем лыжи собирать.

Хельга подходит, кладет руки мне на плечи и смотрит в глаза:

— Алекс, мне жаль.

Ее губы так близко, что я теряю контроль, наклоняясь к ней, и в тот же миг мы сливаемся в поцелуе. Ее горячий ответ вырывает меня из реальности, и все исчезает в ласкающих губах. Оторваться нет сил, что-либо понять — тоже. Всякое соображение о действительности покинуло голову, и я не слышу звука приближающегося вертолета. На свете есть только Хельга, ее аромат и прерывистый шепот. И мое бешено стучащее сердце.

— Так, так, так. Сучий потрох, я же говорил тебе вчера...

Голос доносится как из другой вселенной, мы с Хельгой отрываемся друг от друга и смотрим на Сергея. Не понимаю, откуда он тут взялся. Но мир вдруг принял четкие очертания, вернув меня в обычное состояние. Вижу уходящий к базе вертолет, и все становится понятно. Отпускаю Хельгу, налетая на Сергея и выбивая из-под него лыжи:

— Ты что сейчас сказал, гаденыш?

Лыжные крепления отскакивают, и он падает в снег. От неожиданности трясет головой, но тут же поднимается и становится в стойку. Хельга прыгает между нами, неловко утыкаясь носками ботинок в снег:

— Мальчики в стороны! Стоять! Прекратили!

— Хельга, лучше отойдите, — сквозь зубы цедит Сергей по-английски, — этого гада нужно проучить.

Она распрямляется и складывает руки на груди:

— Я ваш работодатель и приказываю прекратить драку, иначе вы уволены. Оба.

Тьфу ты. Работодатель. Вот дерьмо. Я целовался с работодателем! Звучит как-то не очень. Молча ковыляю к разбросанным лыжам и палкам. Не оглядываюсь, знаю, сейчас она пойдет за мной и оставит Сергея в покое. Так и есть. Все встали на лыжи, вывожу их назад на трассу, помня, что Сергей не сможет идти по дикому склону. На базу возвращаемся в напряженном молчании. Я захожу в номер и укладываю вещи. В такой ситуации, что сложилась у нас, ни о каком продлении контракта не может быть и речи. Внезапно без стука входит Хельга и наваливается на косяк, глядя на меня. Я продолжаю кидать вещи в рюкзак.

— Завтра Рождество, — нарушает она молчание. — Мы обычно проводим его с семьей.

— Да, конечно. Я и забыл, что сегодня двадцать четвертое. Спасибо, что напомнила.

— А что двадцать четвертого?

— У Азамата день рождения, — я отправляю в

рюкзак термос и поднимаю на Хельгу глаза, — а я даже не поздравил его.

— Из-за меня?

— Нет, из-за себя. Ты тут ни при чем.

— Я тоже забыла, что завтра Рождество. Папа позвонил, просил приехать. Он пришлет машину.

— Угу.

— Алекс, — ее голос срывается на шепот, — поцелуй меня, прямо сейчас.

Вздрагиваю, но, не посмотрев на нее, тихо спрашиваю:

— Это приказ работодателя?

— Ненавижу тебя!

Дверь с треском захлопывается. Сажусь на кровати, стиснув зубы и думая, что так будет лучше для всех. Пусть лучше ненавидит. Надо было держать себя в руках, и не позволять глупостей. Еще не хватало, чтоб меня в погоне за чужим приданным обвиняли. Противно.

Пусть едет без меня, и мы больше не встретимся никогда. Она найдет другого инструктора, по параглайдингу, например. И будет ей счастье. А у меня есть горы. У меня всегда есть горы. И так уж получилось, что в поединке между женщиной и горами побеждают горы. Я смотрю в окно на спокойные белые гребни и понимаю, что в этот раз все не так. Если моя бывшая ненавидела лыжи, то Хельга их обожала, она была бы рядом со мной всегда. И эта мысль не дает покоя. Половина меня говорит, что надо идти мириться, вторая половина приказывает остаться в номере. Я понимаю, что между нами стоит консул с его непримиримостью и подозрительностью, но самонадеянно думаю, что смогу его переубедить. "Господин консул, я люблю вашу дочь", — классно же звучит?

Машина прибывает только к вечеру, и я уже подумываю остаться на базе и никуда не ехать, как вдруг осеняет: оставшись, дам понять, что жду Хельгу после праздника. Так не пойдет. Резать, так резать.

Уже затемно мы приезжаем в Бишкек, встретивший нас проливным дождем. Мокрый, нахлывшийся город комично выглядит в свете новогодних реклам, с улыбающимися дедами морозами и снеговиками. Сверкающие елки в витринах и неоновые снежинки вдоль дорог высвечивают косые струи дождя. Ощущение затяжной осени, а не Нового Года. С трудом верится даже мне, что в сорока километрах отсюда мы катались на морозном воздухе по чистому снегу.

Прощаемся дежурными фразами. Консул уже по телефону был оповещен мною, что контракт

Проза. Мистика

разорван. Мы больше не встретимся. Прощай, Хельга, моя самая лучшая ученица.

И вот сижу на кухне, попивая чай и слушая, как по окну барабанит дождь, а машины рассекают шумные лужи. Метеопрогноз утверждает, что к утру пойдет снег. Эх! Обычно в это время мы с друзьями сидим в зимовке, высоко в горах, и, разглядывая карты хребтов, ищем новые маршруты. А сейчас мой борд спит в чехле у стены. Я упорно не вспоминаю о Хельге. Гоню ее из памяти и сердца, но, о чем ни думаю, она маячит на подсознании, заполняя меня. Чувство вины и собственной глупости медленно зреет в душе. К черту профессиональную этику! Почему мы должны поступаться чувствами ради долга? Ломать собственные крылья — ради чего? Мелодия телефона врывается в мои размышления:

— Алекс!!! — Хельга отчетливо всхлипывает и начинает что-то неразборчиво говорить.

Я подсказываю как ужаленный: она плачет?!

— Хельга, что с тобой?

— Я улетаю, завтра утром. Папа... Это все Сергей, он сказал, — она снова всхлипывает.

Ничего не понимаю, но пытаюсь, а она продолжает:

— Сергей наговорил папе, что ты ухлестывал за мной, не давал прохода, сексуально домогался. Ужас! Отец вспылил и сказал, что давно подозревает тебя. Я услышала, вышла разобраться. Но папа уже не слушал никаких доводов. Говорил, что Сергей подтвердил его мысли. Типа, ты сразу ему не понравился. Заявил: "Он слишком молод, чтобы учить". "Но он же научил меня кататься", — возразила я. А он: "Не защищай его! Он не сделал ничего такого, что не сделал бы любой другой инструктор!" Тогда я крикнула, что...

Хельга замолкает, не в силах говорить, а меня обдаёт холодом. Я знаю, что она крикнула, помню ее склонность к суициду.

— Хельга, спокойно. Не думай об этом. Я сейчас поговорю с консулом. Я думаю, мы пойдем друг друга.

— Он не будет тебя слушать. Он уже заказал билеты на завтра. Я пыталась поговорить с ним — бесполезно. Поэтому я звоню тебе... милый.

Аргумент, против которого я не могу устоять.

— Гм..., дай мне пять минут. Все будет нормально. Я перезвоню.

— Нет. Сейчас сюда придет Сергей, отберет у меня телефон, перетряхнет все мои вещи... Будет смотреть, кому я звонила... Я ненавижу его. Ненавижу! — ее голос звучит с надрывом, словно она

уже устала плакать. — Он всегда так делает. Потом будет сидеть и пялиться на меня, рыба безмозглая.

— Ты можешь сейчас уйти из дома? — говорю, выходя из квартиры. Уже решил, что еду и забирю ее оттуда.

— Да. Возле дверей охрана, но я могу вылезти в окно.

— В окно?!

— Ну да. И выйду через заднюю калитку.

— Там что, охраны нет?

— Рождество же. Мама маленькие подарки делает. Папа из себя оратора строит, — слышу недовольство отцом в ее голосе. — А что ты задумал?

— Я заберу тебя!

— Я так и знала!

Звук раскрывающегося окна подхлестывает меня, и я бегу вниз по лестницам, прыгая через ступеньки.

— Хельга, я уже еду!

Она отключает телефон. И у меня в голове возникают самые бредовые картины. Одна безумнее другой. Пассат несется по мокрому улицам, рассекая потоки воды на асфальте. Дворники мерно стучают, размазывая воду по стеклу и смывая шары ночных фонарей. Машин на улицах немного, и презируя светофоры, пролетаю перекрестки на красный свет. Если сейчас меня тормознет ДПС, наверное, убью их. Поворот к дипособняку уже близко, беру телефон, но Хельга опережает меня:

— Ты где, Алекс? Я на перекрестке. Ты где?

— Вижу тебя!

Торможу у одинокой фигурки, стоящей на обочине под фонарем. Пассат заносит по влажному асфальту, удерживаю руль и открываю дверцу. Хельга, промокшая до нитки, садится ко мне, и с ее рыжих волос стекает вода.

— С ума сошла! Ты же простудишься!

Она виновато улыбается:

— Я убежала от них в чем была. Пока Сергей не пришел. Некогда было зонт искать.

— Ладно, — разворачиваю машину, — сейчас ко мне. А там видно будет.

Назад еду уже осторожнее, поглядывая на мокрую спутницу, которая рассказывает мне все злоключения рождественского вечера. А сам думаю, как буду разговаривать с консулом. В голове простроил весь разговор и почти уверен, что смогу убедить его. В конце концов, не враг же он своей дочери?

Едва добравшись до квартиры, отправляю Хельгу в ванну:

— Снимай все с себя и быстро греться, — иду в комнату и ищу в шкафу треньки моей бывшей. Она их оставила, а у меня руки не доходили выкинуть. Хельга из коридора задорно спрашивает:

— Все снимать? Прямо сейчас? А ты куда же?

— Малыш, иди в ванну, ноги грей, говорю. Не кокетничай мне, — выхожу в коридор и протягиваю девушке свой свитер, не нашел треньки, — сейчас же за тобой Сергей прибежит, в мыле и с языком на плече. Так что...

Девушка хохочет и скрывается в ванне. Иду на кухню греть чайник. Вскоре появляется Хельга в моем свитере, который свисает у нее с плеч и закрывает ноги почти до колен. Очаровательно. Молча смотрю, как она шлепает босыми ногами по полу и забирается на старый кухонный уголок, доставшийся мне еще от бабушки. Спущенным рукавом прихватывает горячую кружку и сидит так, поджав ноги и попивая чай. Я идиотски счастлив. Просто потому, что она сидит напротив, уморительно держа руками кружку.

— Они найдут тебя, очень скоро. Не трудно догадаться, куда ты делась в незнакомом городе. И...

Мелодия телефона обрывает наш разговор. Догадываюсь, кто звонит, и точно: консул.

— Алексей, — его голос безупречно официален, — моя дочь у вас?

— Да, господа консул. И хочу сказать вам, что мы любим друг друга. То, что вам наговорили — не соответствует действительности.

— Алексей, этому не бывать. Вы ей навязали свою страсть в корыстных целях. Я давно видел, куда вы клоните. И мои подозрения подтвердились. Я склонен верить Сергею, зная его безупречную репутацию и службу у нас. О вас я не знаю ничего. Экстремал, авантюрист, любитель острых ощущений. Кто вам поверит?

Прикрываю глаза, пытаюсь сдержать волну гнева, слышу, как Хельга шепчет:

— Алекс, нет.

— Господин консул, мы живем в цивилизованном мире, в цивилизованной стране, и странное средневековое упрямство родителей — не препятствие счастью. Нам никто не помешает завтра зарегистрировать наш брак.

Он секунду молчит, затем медленно говорит:

— В вашей прекрасной цивилизованной стране есть не менее прекрасный закон о похищении невест. Если вы сделаете то, что говорите, я заявлю, что вы похитили Хельгу и принудили к сожителству.

— Ее свидетельство будет против вашего. Она

любит меня. Суд поверит ей, потому что у вас не будет доказательств.

Слышу в ответ смех:

— Догадываетесь, кому поверят: свидетелям почетного консула или вашим? Вы хотите дипломатического скандала?

— Нет.

— Я высылаю машину, будьте любезны, проводите Хельгу вниз, — консул кладет трубку, а я сижу слегка ошарашенный: за похищение невест дают пятнадцать лет. И консул прав: мне никто не поверит, а он приведет самого страшного для меня свидетеля — психотерапевта, который скажет, что Хельга была психически нестабильна, а я воспользовался этим.

Хельга смотрит на меня:

— Алекс, что случилось? Ты побелел, как снег.

Смотрю на нее, и мне больно, физически больно от мысли, что мы не можем быть вместе. Я практически бессилен против консула и всей этой дипломатической лабуды. Лихорадочно соображаю, пытаюсь найти выход, и нахожу его!

— У нас мало времени. Они будут тут минут через двадцать. Собираемся и уходим. Ты готова?

— Да.

Она шлепает за мной в комнату и видит ряд лыж вдоль стены:

— Ух ты! У тебя и борд есть!

Не обращаю внимания на ее восторг, вытаскиваю из шкафа лыжный костюм бывшей, который она ни разу не надела, и бросаю Хельге:

— Должен подойти. Одевайся.

Натыкаюсь на треньки, вот они где! Тоже кидаю Хельге. Сам быстро натягиваю костюм и когда оборачиваюсь, Хельга уже готова, осматривает себя и спрашивает:

— У тебя жена была?

— Да. Развелись.

— Понятно.

Беру походный рюкзак, который всегда собран, и почти бегом покидаем квартиру. Дождь перешел в снег и начал заносить лужи и грязь. Мы бежим за дом, где паркуются такси. В моей машине ехать нельзя, Сергей наверняка номера знает. Садимся в первое попавшееся такси:

— Автовокзал!

Машина срывается с места, и я вижу, что к нам во двор заруливает лендровер. Мы успели! Хельга откидывается на сидении и внезапно спрашивает:

— Уверен, что есть место, где нас не найдут?

Вытаскиваю из кармана смарт и вышвыриваю в окно:

Проза. Мистика

— Теперь уверен.

Она восхищенно шепчет:

— Обожаю тебя.

Внезапно целуемся, под одобрительный смешок таксиста. На автовокзале пересеживаемся в другое такси, идущее в Каракол, и отказываемся от попутчиков. Таксист предупреждает, что в Боме гололед, и будем ехать медленно. Но это не важно, мы покинули город, и никто не знает, куда мы уехали.

Утро застает нас на трассе. Хельга спит на моем плече, таксист молчит, тихо играет радио. Иссык-Куль синей полосой сверкает по левому борту, справа — белые пики гор. Трасса пустынна. Никого. Лишь заснеженные деревья мелькают за окном. К крайнему удивлению таксиста прошу остановиться у Тосора, на полпути до места назначения. Его удивление понятно, но я успокаиваю:

— Оплачиваю, как договорились, до Каракола.

— Хорошо.

Вскоре он останавливается. Бужу Хельгу. Она мило потирает глаза и видит синеву озера:

— Мы на море?!

— Почти. Выходим.

Такси уехало дальше к Караколу, а мы пошли вглубь ущелья, к зимовке. Давно ее приглядел. Заброшенная, не нанесенная на карту. Ничья. И теперь — моя. Я не знал, законно ли это. Но что добру пропадать? Сделали с Санькой запас дров, закинули туда как-то осенью лыжи. Думали, получится кататься, но склоны непригодные, с них сдувает снег. Зато сама зимовка удобная. И теперь мы идем туда по пустынному скалистому ущелью. Каньон поворачивает, и мы видим каменного барса, выглядывающего из-за скалы. Чуть дальше — скала-верблюд.

Хельга в восторге. Смеется, взбирается ближе к скалам. Оглядывает причудливые склоны.

— Там замок! Алекс, там замок! — кричит она сверху, — Все как ты говорил! Мы в сказке!

Да, мы — в "Сказке". Она бежит ко мне, прыгая по склону:

— Почему ты не сказал, что мы приедем сюда?

— Сюрприз!

Она счастлива. Я вижу это, но тревога не покидала меня всю дорогу, не покидает и сейчас. Нас не реально выследить, но все-таки...

Идем вдоль изрезанных погодой склонов, и тут я слышу этот звук... звук винтов. Хватаю Хельгу за руку, и бежим к стене ущелья, в отчаянной надежде спрятаться среди скал. Два вертолета появляются над грядой, задрав хвосты, идут вдоль ущелья. Выравниваются и зависают над нами. Как? Как они нас нашли?!

Хельга прижимается ко мне, а я вижу американские эмблемы на боках "Апачей". Похоже, консул объявил меня террористом, иначе как антитеррористические силы с международной базы в Бишкеке оказались здесь?

— Отпустите заложницу и поднимите руки за голову, — орут с одного из вертолетов по-английски, затем услужливо повторяют по-русски.

Хельга еще ближе придвигается ко мне. Смотрю на один вертолет, потом на второй. То, что я вижу, наполняет меня бессильной ненавистью. С удалым видом Сергей сидит на десантной платформе со снайперкой и нагло ухмыляется. Гад.

Отрываю Хельгу от себя и чувствительно толкаю вниз по склону:

— Беги!

Она не удерживает равновесия и мчится по инерции под гору, помимо своей воли. Я не шевелюсь. По идее, не должны стрелять, я же отпустил

Художник Лев Елена

заложницу. Но меня вдруг отбрасывает на скалу. Выстрела не слышу, но боль пробивает левое плечо. Сволочь, будет медленно расстреливать себе на потеху. Не могу пошевелить рукой, она просто висит, боль растекается по всему боку. С усилием отрываюсь от скалы и слышу сквозь шум винтов тонкий крик Хельги:

— Алекс!!

И вот упрямая девчонка бежит назад. Вторым выстрелом меня снова сваливает на скалу. Пуля прошла по правому боку. Может, он косой просто, этот Сергей? Чертов мазила. Сжимаю зубы, но не могу подняться. Меня словно прибило к камням. Упорно стою, навалившись на скалу, хотя ноги подгибаются. Подбегает Хельга и заслоняет меня собой, машет руками вертолетам, грозит кулаком. Военные кричат ей, чтоб отошла. И меня пронзает страх, что мою Хельгу могут убить, а она поворачивается к ним спиной и смотрит на меня:

— Алекс... я не позволю, — она часто моргает и с трудом сглатывает, — чтобы и ты, вот так...

Нежные руки обвиваются вокруг моей шеи, и горячие губы шепчут рядом:

— Никому тебя не отдам, даже смерти!

Здоровой рукой обнимаю ее и привлекаю к себе, сливаемся в долгом, горьком от ее слез поцелуе, и пусть эти, в вертолетах, видят.

— Сэр, вы уверены, что он похитил ее?

Чучело, забыл переключить микрофон. Отрываюсь от Хельги, задохнувшись от последнего счастья в своей жизни, и смотрю с тоской в ее зеленые глаза. Нам больше не быть вместе. От осознания этого в груди рождается огненный вихрь, готовый сокрушить скалы. Хельга тоже счастливо улыбается, сквозь слезы глядя мне в глаза, и тихо, со сдержанной силой шепчет:

— Любимый... Я хочу быть с тобой навеки вместе.

— И я тоже... навеки!

Горы вздрагивают, услышав нас. Катятся камни со склонов, гудит ущелье. Вижу падающее небо и уходящие из-под ног скалы. Мир разрывается вспышкой света, и последнее, что ощущаю, как сердце ударяется в каменную грудь. Шум смолкает, ущелье замирает в вечной неподвижности,

успокаивается, одев нас камнем и оставив вместе. Навсегда.

На том месте, где были наши тела, теперь — залитый солнцем склон с прислонившейся к нему каменной фигурой: Хельга стоит рядом со мной, прижавшись скальным изваянием к изрезанному ветрами боку. Наши руки окаменели в объятьях, и нет более сил, способных нас разлучить.

Один из вертолетов садится, и консул выпрыгивает из него. Подходит, пристально смотрит на красные скалы, пытаюсь разглядеть в камне черты любимой дочери. Я чувствую, как его душа окаменела вместе с нами, замерла, не в силах ни кричать, ни плакать. Свернулась комочком на дне сердца. И только губы что-то беззвучно шепчут. Мы слышим его желание, но исполнить не можем, потому что принадлежим вечности, из которой нет возврата.

Военные растерянно топчутся, тихо переговариваются, пожимая плечами. Они не могут понять, что произошло, откуда взялась новая скала. Слышно, как говорят между собой о камнепаде и яркой вспышке. Один из них подходит к консулу и осторожно говорит:

— Сэр, нам пора. Пойдемте. Тут уже ничем не поможешь.

Консул кивает, но не сдвигается с места, продолжая смотреть на нас. Затем резко поворачивается и идет к вертолету, глотая рвущийся наружу крик.

А мы так и стоим у стены ущелья, неподвластные времени. Возле нас фотографируются туристы и называют скалой "Влюбленные". Гиды рассказывают нашу историю на разные лады, и у каждого своя версия. Сюда приезжают пары молодоженов, загадывают желания, а мы следим, чтоб желания правильно сбывались. Ведь теперь мы — духи ущелья "Сказка", его новая легенда.

Михалевский Георгий

writercenter.ru/profile/George/whois/

Художник Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Кулик и Олёнушка

Зима Ольга

Кулик не улетал. Ходил по мелководью, по-сматривал на людей, суетящихся под дождем. Двое остановились, закурили.

— А там шарили?

— Там — это где?

— Там — это тут. В кустах.

— Да везде уже шарили.

— Утопла девка. Ясно как день. Сумка — и всего следов... Далеко бы ушла босая?

— Ясен день, ясен пень. В сумке что?

— Бумаги какие-то.

— Бери все, с бумагами. Будет что предъявить. Не то этот упырь еще неделю тут лазить заставит. Больно девка ему глянулась.

Резкий порыв ветра вырвал из рук листки, исписанные аккуратным округлым почерком. Развевая по мокрому лесу, прижал к бурым кочкам, к чахлым стволам, к стылой осенней воде. Дождь забарабанил сильнее, словно плакал о ком-то.

Кулик засеменил к бумаге. Остановился, склонил голову набок, словно читая...

«...завидуют, мол, вытащит из глуши, из болота. Не мои это мечты. Там, в городе, у Бориса Сергеевича — машина, работа, мама. Вот в таком порядке. Красивому и удачливому захотелось красивую жену. Визиткой золоченой хвастался, за руки хватал, улыбался. Про меня говорят — красивая. Не знаю. Только косу я назло всем оставила,

хоть и любят за нее дергать. Лишь раз она мне службу сослужила... Тетя Леся, как могла, приваживала Бориса Сергеевича, а мне, вздыхая, выговаривала: „Олёнушка, деточка, ну на что тебе это болото? Хочешь как я или твоя мать?..“

Я к нему хочу. К Гранну».

— Ты хоть пару бумазеек этих собери. Может, записка ее последняя. Тетке отдашь, глядишь, поблагодарит, обогреет.

— Тетка-то больно спокойна, не голосит о покойнице.

— Ты бы слышал, что она несла! Мол, деточка к лешему ушла, он примет, раз сама...

— Не к лешему, а к сиду. Леший в лесу, сиды — под холмами.

— Что за сиды?

— Подземные жители. Дед этой девки горазд был трепаться, когда мы на охоту наезжали. Про запреты всякие бормотал.

— И что?

— И ничего! Пугал. Якобы убиваем много. Сиды, мол, не одобряют. Под крышей безопасно, в дом зайти они без разрешения не могут. А под холмы сами утянут — сгинешь!

— Что за слово матерное, сид? Чтоб я не слышал больше! И какие тут холмы — болота одни.

— Раньше холмы были. Остались посреди болота. Там, где камни.

Художник Ксения Лякичева

Художник Ксения Лякичева

— Как бы нам до тех камней топать не пришлось!

— Только на вертолете. Иначе сами сгинем.

— Наш упырь и так со свету сживет...

Кулик склонил голову, будто прислушиваясь. Сделал пару шагов и опять замер.

«...ты спрашивала, есть ли у меня кто. Я от-малчивалась, а ведь Гранн был всегда. Сколько себя помню. Первый раз увидела его, когда... Но начну с начала.

Дом наш стоит не в деревне, а на отшибе, у края болота. Многие боятся болота, но не я. Дед с малолетства водил за клюквой, за брусникой, за крепкими подосиновиками. Иногда виделось на болотине странное: будто силуэт человеческий над водой висит или птица осмысленными глазами на тебя смотрит. А приглядеться захочешь — все пропадет, поминай как звали. Дед молчать велел, пальцем указывать запрещал. А дома сказывал, есть на болоте свои жители. Могут запутать, а могут и помочь, но знаться с ними не стоит. Уведут в хлябь, под свои Холмы. Мол, так дед говорил, а деду — его дед, когда-то Демидовым для заводов своих из самой Ирландии выписанный.

Собирали мы ягоды-грибы осторожно, к природе бережно, никто нас не пугал и не путал. Там, где другие пройти не могли, пред нами тропка будто сама разворачивалась...

Дед отдавал собранное тете Лесе, она ездила в город, продавала. На то и жили, да на пенсию его. На вопросы, куда пропала моя мать, дед не отвечал. Хмурился, раскуривал трубку, приминал табак пальцем. Деревенские в спину „дочь шалавы“ бросали или еще похуже. Я молчала.

Дразнили-дразнили, да и затихли.

Ну так вот, о Гранне. Где-то лет в десять захотелось мне самостоятельности. Показать всему миру и себе, что стою чего-то — хоть грибов насобирать...

Болото наше огромное. Поближе к деревне местами сухо, местами вода темная, торфяная. Дальше лишь тропка идет еле приметная, а по обе стороны — топь... А тут каникулы, воля! Выбралась я как-то раз после грозы. Зашла по знакомой тропе подальше, а там подосиновиков!.. Потянулась к особо толстому. Не рассчитала, оскользнулась на кочке. Да как ухну в воду!

Шевелюсь в жиже, страх пронял — не выберусь. Чем больше верчусь, тем больше вниз тянет. Тропа рядом, а не достать. Рванулась раз, дру-

гой... глотнула воды вместо воздуха. Показалось — мир перевернулся. И слова зашелестели, ровно ветер тростник колышет:

— Ну скажи хоть что-нибудь. Скажи, человечья девочка. Не могу я так. Права не имею, свободу твою нарушить. Попроси меня тебя спасти.

Как есть померла, раз голос в голове. Да и человечьей девочкой меня еще не обзывали.

Потом дошло: просить о чем-то надо. Глаза разлепила с трудом, вижу: небо надо мной странное, зеленое. Рвусь вверх, глотаю воздух пополам с болотиной, барахтаюсь, кашляю — какое тут слово сказать, о чем? Чуток вырвалась, сама не поняла, как. Опять вниз утянуло. На сей раз с головой.

Эхом прилетело:

— ...ладно.

Потянуло вверх да прочь меня из воды. Болото чавкнуло, отдавать не хотело. И вот небо уже обычное. Августовское.

Поворачиваюсь, чтобы животом на кочки. Отплевываюсь и все надышаться не могу. Смотрю:

Художник Ксения Лякичева

чьи-то сапоги прямо передо мной. Не в воде — над водой.

Тот, кто вытащил меня, сказал вслух:

— Хорошая у тебя коса. Удобно вытаскивать, — а голос скрипучий, словно птица или ветка сухая под ветром.

— Спасибо... — хриплю. — Век буду помнить вашу доброту.

— Человечья девочка, что ты сказала!

Вот ведь странный. Еще и недоволен! Не тем, что тонула, а тем, что поблагодарила.

— Спасибо сказала. Провинилась чем? — спрашиваю, обращаясь к обувке. А сапоги занятные! Кожа мягкая, подошвы вовсе нет, как у чулка; пряжки в виде птицы блестят серебром.

— Это не ты, это я провинился. Спас без разрешения, а теперь еще и долг...

— Я же должна, не вы!

— Смотря с какой стороны глядеть. Ну что уж теперь... Не выбраться мне с этого болота. Может, и не надо.

— Простите, добрый человек... — еле вымолвила, слезы в глаза бросились.

— Человек?.. — а в голосе усмешка. — Мое имя Гобадан риоджа*.

— Как?!

— Зови меня Гранн, — а сам отвернулся, словно имя мое и слышать не хочет. Или надо ему услышать? Ответствовала как положено:

— А меня Олёнушкой дед величает...

А саму вдруг смех разобрал: Гранн над водой, я кочку обнимаю. Хорошо познакомились! А он наклонился и говорит:

— Красиво! Только зря сказала.

— Зря сказала имя?!

— Зря, что помнить будешь. Позовешь теперь, я приду. Ваш короткий век — точно.

Снова говорит так, будто сам — нелюдь. Человек как человек, только на воде стоит, как на земле. Еще одежда непривычная: шитье, кружево. Не по лесу да по топи шастать, ровно на бал собрался! Кто в таком по болоту ходит? Кто же?

Оказалось, Гранн вот и ходит...

Скользнула взглядом выше, лицо разглядеть, и застыла. Оно странное у Гранна: некрасивое, неправильное. Да про то я забыла тут же.

Глаза у него... Синие-синие, как летнее небо вечером. Яркие, будто свет от...»

— Бред какой-то написан. В болоте она тонула, спас ее кто...

— Ты не застревай и не умничай. Подбирай живо, что разлетелось.

«...часто встречались. Особенно после смерти деда. Трудно жилось, одной всегда трудно. А на болотине да без слова ласкового человеческого... Опекунство тетя Леся оформила, помогала, чем могла, но на переезд я не согласилась. Дом и так всегда на мне был. И в нем жил дед. А на болоте — Гранн.

Сколько раз на те камни, где его первый раз встретила, попусту прибегала! Ждала до крайней границы дня, пока из болота выйти можно. На обратном пути подарки находила, вроде корзинки, что в сборах ягод помощница: ты в нее горсточку, а на донышке уже две. Будто вдвоем с кем собираешь. Иногда букетики ленточкой занятной переплетенные или на тарелке, из дерева вырезанной, лакомство: ягоды, орехи или грибы. Помогал. Прикоснуться не мог, показаться — и то не всегда, а помогал.

В последнюю зиму совсем плохо стало. Захворала я, дорожки-тропинки занесло, метель за окном ярилась, к тете Лесе дойти невозможно... Бредила, голоса слышала, вернее, все тот же голос в голове. Просил, чтобы впустила. Еле сил хватило форточку открыть, но так важно мнилось, чтобы впустить, обязательно впустить! И смогла ведь. Как открыла, изменилось что-то в доме, хотя не появился никто... Очнулась уже в постели, укрытая, в другой сорочке, на голове — тряпица влажная. А подле руки, на тумбочке — отвар горячий. Тетя Леся потом пришла, как отступил буран. А я уже поправилась на отваре лечебном. И заботе.

Зима закончилась, а я все оглядывалась, все мнилось, а ну как привет его дальний пропущу? Миновали недели, месяцы, а Гранн примолк на своем болоте, как неживой. Ох и страшно мне стало, никогда так страшно не было! Видения ночью мучали, будто меня спас, а сам пропал! Просыпалась, искала, звала-звала, знала, что не придет, надеялась — хоть услышит! До последнего месяца лета промаялась. Парни заглядываться стали, а мне не до того, думы все, помыслы — только бы не умер, только бы не умер!..

В начале августа Гранн появлялся всегда. По настоящему являлся! Не мерещился. Так, чтоб притронуться можно было, под рукой живое тепло почувствовать. „Лугнасад“ по их дням это время называлось. Тогда открыты все пути. Только тогда можно увидеть зеленое небо Мира Под Холмами.

Как я ждала этого! По той дорожке заветной птицей летела прямиком до камней... Никого. Неужто сгинул? Закричала изо всех сил, аж вода дрогнула:

— Гра-а-анн!

Вышел он из-за камня. Тогда сердце будто заново и забилося! Стоит, немочь бледная, в чем душа держится, в глаза не смотрит! Камзольчик свой, а словно с чужого плеча ставший, одергивает. Голосом своим родным скрипучим отвечает:

— Ты звала, Олёнушка. Я пришел.

Не помню, как кинулась, помню только спину в одежде атласной и волосы под руками мягкие. И шепот: „Третий раз последним будет“.

Камни там не просто камни...

„Место силы, — говорил Гранн. — Соединение миров“.

Сказывал разное. И про болото свое, и про то, что он вроде смотрителя за ним. Изгнанник по доброй воле. Кому-то тоже помог без разрешения.

Свободу его на смерть нарушил. Как и мою.

Занятные они, сиды. Не углядишь, даже если смотреть в упор. Разве сид показаться захочет. А иначе птицей прикинется или корягой — и хоть глаза все измучай, не разглядишь...

Гранн сам да не сам ушел от своих — у них некрасивым быть неправильно, непорядочно. А он красивый! Для меня уж точно. Лицо у Гранна гладкое, брови ровные, а улыбнется — и одна выше другой вспархивает. Нос ровный, длинный, а иногда загнутым видится. Зависит, каким Гранн настроением повернется. Волосы каштановые, думала, с сединой. Нет, просто пегие. Короткие и мягкие, словно перышки. Однажды, дождавшись первых августовских дней, не стерпела, дотронулась — он отдернулся. Потом разрешал. Жмурился и улыбался иногда.

А бледный такой...»

— Парень у нее был, что ли?

— Был бы парень, хозяин бы в жены не звал. Ему девку нетронутую хотелось. Кажись, в городе с этим добром туговато.

— Ты ее видел? Коса с мою руку, сама грудастая, а никто близко не подходил — опасались. Глянет, как обожжет. Вон, еще один листочек хватай!

«...Тетя Леся, тетя Леся! Ты в сараюшке меня не удержишь, хоть оставь обувку, хоть заberi.

Зря твердишь: „Тебе же лучше будет, дитяtko. Он красивый, богатый, забудь ты свои сказочки про сидов. Утром увезет тебя Борис Сергеевич, дурь из головы выбьет. Мне же спасибо скажешь! Да и что тебе делать в нашей дыре?“.

Злой он, твой Борис Сергеевич. И взгляд у него нехороший. Ему убивать очень нравится. У нас тварей лесных, в городе — страшно подумать, кого. Я ведь хотела лес защищать, на охотоведа выучиться... А Гранн добрый. Он зверюшек бережет, с деревцами, корягами да чистыми ручьями разговаривает, те отвечают. Я слышала! Только русалы болотные носы от него воротят. Тоже некрасивым считают. А он... да он самый лучший!

Лишь в Лугнасад пересекаются наши миры:

мой — Верхний, его — Нижний. Мне не увидеть его зеленое небо, ему не помочь мне... Сараюшка наш чахлый, две досочки я как-нибудь отодвину. Во тьме на болоте опасно, даже если дорогу знаешь. А мне все равно. Либо утону, либо... Может, мир еще раз перевернется, и я увижу зеленое небо и синие глаза на неправильном, некрасивом для всех лице».

— Лови ты!.. Зачитался он... Лови же!

— Да ну. У девки с головой совсем плохо было. Может, и хорошо, что утопла.

— А бумаги?

— Пусть себе летят.

Ветер подхватил и вновь разметал листки.

Синеглазый кулик вспорхнул и улетел вглубь болота.

---

* Гобадан риоджа — королевский кулик (ирл.)

Зима Ольга

writercenter.ru/profile/Zima/whois/

Художник Лякичева Ксения

vk.com/kaia_hammerling

Поверье

Быстров Олег

— Это и есть твой охотничий рай? — Родион Сотников — высокий, широкоплечий мужчина с резкими чертами лица — облокотился на капот своего большого чёрного внедорожника.

— Ну да, а чем не нравится? — откликнулся второй, выбираясь из салона соседнего автомобиля. Боря Поплавский считался старшим партнёром в компании Сотникова.

Стас Болдырев, младший партнёр и финансовый гений совместного бизнеса, припарковал свой джип сзади и правее и сейчас подходил к старшим товарищам.

— Что ж, выглядит неплохо, — дал он своё заключение.

Мужчины стояли посреди просторного двора, изначально задуманного так, чтобы хватало места для парковки десятка автомобилей. Территория была обнесена добротным забором с "егозой", пущенной поверху. На въезде располагались автоматические ворота, сейчас закрывавшиеся под гул электромоторов. В глубине просматривался симпатичный двухэтажный коттедж с вывеской "Приют охотника".

Последний месяц у Родиона выдался особенно напряжённым. Собственное дело всегда отнимало немало сил и времени, и всякое случалось, пока Сотников отвоёвывал свою нишу на рынке: переступал через головы друзей, шёл по костям врагов, играл с конкурентами в опасные игры с непредсказуемым финалом. Но — выдержал, выжил и победил. Вот только — Сашка Петренко...

Когда-то они учились в одном классе, дружили даже. Потом судьба развела, он и думать забыл о бывшем школьном товарище. А недавно свиделись вновь, да так, что Сашка оказался главным препятствием в раскрутке очень стоящего дела. От проекта зависела вся будущая стратегия компании, её развитие и процветание. До сантиментов ли тут?

Пришлось обойтись с однокашником максимально жёстко. Сашка потерял всё и скрылся с делового горизонта. Вообще исчез из вида. Одни болтали, что уехал куда-то в Сибирь, другие и вообще, что повесился. Сотников не вникал, он сделал так, как было необходимо. Иначе нельзя: суровая реальность нынешнего предпринимательства. Но вот сидит занозой в душе — или что там вместо неё у современных бизнесменов? — память о вихрастом мальчишке, вместе с которым сбегали с уроков в кино. Сидит и ноет, как гнилой зуб.

А возделенный проект, как назло, не желал раскручиваться, сбиол. То маховики и шестерни бизнеса вращались вхолостую, то принимались работать, но всё как-то через пень-колоду. Настроение — хоть вешайся. Может поэтому когда Поплавский позвонил и предложил развеяться, съездить на охоту, Родион ухватился за эту идею. Добудут они кабана или нет — не суть важно, так хоть воздухом подышит и отвлечётся.

Гостей встретил хозяин "Приюта". Пухлощёкий, с заметным пузцом и редким венчиком волос вокруг бильярдной правильности лысины Матвей лучился улыбкой:

— Добро пожаловать, гости дорогие! Ждём вас с утра, ждём! Комнаты уютные, со всеми удобствами. Проходите сразу наверх, я вам всё покажу. Отдохнёте с дороги. А часикам к восьми прошу всех вниз, в каминный зал. Ужин, всё чин чином. Будете довольны!

Ужин порадовал дичью под "Настойку охотничью горькую". На спиртное не налегали, памятуя о завтрашнем раннем подъёме, но и не сильно себе отказывали — всё в меру. Других постояльцев в "Приюте" не наблюдалось, так что пировали друзья втроем. Руководил сменой блюд Матвей, а на стол подавала Марина, девушка с пышными формами и лукавым взглядом карих глаз.

Насытившись, все отвалились от стола. Болдырев принялся возиться со своей трубкой. Невысокого роста и худосочного сложения, внешне он напоминал бухгалтера советских времён из какого-нибудь заштатного учреждения. Да, по сути, он им и являлся, только не где-нибудь в ЖЭУ или на чулочной фабрике, а в преуспевающей компании Сотникова. Стас считал, что трубка придаёт ему солидности, особенно в компании с шефом. Но по большому счёту этого и не требовалось. Родион отлично знал, как мастерски невзрачный очкарик обращается с финансовыми потоками, как умело держит в узде оборот больших денег и легко обходит подводные камни в непростом банковском деле.

Проза. Мистика

Поплавский — юрист, умница и хитрый крючкотвор, знавший законы назубок — достал сигару. Они с Родионом дружили с университетских времён и не прервали связь по окончании учёбы: перезванивались, время от времени ужинали вместе, хвалясь успехами и сетуя на неудачи, порой помогали друг другу по мелочи. А пять лет назад Борька привёл Болдырева и предложил работать вместе. Вложились равными долями, открыли фирму, и дело пошло. Так пошло, что сейчас можно было махнуть не в какое-то Свиблово за кабаном, а в Африку за носорогом.

Нестареющий, тёмноглазый и черноволосый Борис, заводной и подвижный, словно ртутный шарик, сбегавший из градусника, всегда был душой их маленькой компании. Любил беззлобно подшучивать над друзьями, травил байки и обожал розыгрыши. Вот и сейчас, раскурив свою сигару, он неожиданно приналёг на стол и зашелестел заговорщицким шёпотом:

— А знаете, братцы, мы ж сейчас находимся в местах непростых. Расселялся здесь некогда маленький, но самобытный народ ижора. Нет, они и сейчас существуют, но осталось их очень мало. Так вот, у ижор был свой языческий культ почитания солнца, деревьев, птиц, духов и прочее. Их пытались обращать в христианство, но полностью этого сделать не удалось. Кое-что из старинных поверий сохранилось и дошло до наших дней. Представьте, прямо в этом посёлке живёт колдун, который на их языке называется арбуй. Говорят, страшные вещи творить способен...

В камине весело потрескивали полешки, по телу приятно разливалось тепло от сытного ужина и крепкой настойки. Настроение у Родиона несколько улучшилось, мучительные размышления, беспокоившие в последние дни, если и не развеялись, то слегка потускнели, отодвинулись куда-то за грань восприятия.

— И что, к примеру? — поддержал разговор он.

— Ну, говорят, на погоду влияет, хворь изгоняет...

— Это кстати, — улыбнулся Сотников. — Своего врача или фельдшера здесь наверняка нет, а "скорую", если что, ждать придётся целый день. А тут колдун. Как ты говоришь, Боря — арбуй? Дуйплюй — и все здоровы! — рассмеялся сам неожиданной рифме.

— И я о том, — радостно поддержал Поплавский. — Наверное, и приворотом занимается. Стас, у тебя неприступные красавицы на примете есть? А то мы щас быстро сторгуем тебе невесту по

сходной цене. Да вот хоть подавальщицу Маринку, чем не красотка? — И жизнерадостно заржал.

Все знали, что Болдырев успехом у прекрасного пола не пользуется. Ни офисные прелестницы, ни девицы на раутах, куда Стас был вхож, не ценили мощный интеллект и блестящие знания финансиста. Это создавало определённую проблему, и сейчас бухгалтер хмуро пыхтел своей трубкой, выражая этим недовольство. Родион же считал подобные трудности временными и верил, что настанет день, когда положение и толщина кошелька Стаса превысят определённый предел, и тогда и появится масса предложений от девушек из самых респектабельных семей.

— Но-но, Боря! — вступился он за младшего партнёра. — Ты нам кого ни попадая не подсовывай. Мы сами выберем нашему финансовому директору невесту — весь свет обзавидуется. А шаман твой пусть займётся чем-нибудь полезным.

— Не шаман, а колдун. Арбуй. Ну да, он умеет и полезное, — отсмеявшись, продолжал Поплавский. — Слышал, медведя-шатуна может заколдовать, заставить кружить по лесу в пределах небольшого участка. Чтоб охотникам безопасно было. Притом, ритуал столь прост, что выполнить его по силам практически любому. Правда, мало кто отважится будить древние колдовские силы... — сделал он "страшные" глаза.

— Расскажи, — попросил Родион.

— Берётся медная монета, — тихо начал Поплавский, подпуская таинственности, — кладётся на пол. Её нужно обойти ровно три раза по кругу, потом через неё же перепрыгнуть, выкрикнув при этом "хоп". И всё. Говорю же, любой сможет.

— Где ты сейчас медную монету возьмёшь? — практично вставил Стас. — Да и шатуны только зимой бывают, сентябрь на дворе.

— Ай, медведь любым может быть, — отмахнулся Поплавский. — А монета у Матвея имеется. Да, Матвей? — обернулся он к хозяину, скромно притихшему в уголке и готовому в любое время выполнить всякую прихоть уважаемых гостей.

— Секунду, — радостно отозвался пузан, и через миг на столе лежала монета.

Родион взял её в руки — копейка царской чеканки. Двуглавый орёл, буква "я" в слове "копейка" и дата — 1828 год. Да, это медь, без обмана. Тут же монетку перехватил Поплавский и принялся, разглядывая, вертеть так и сяк.

— Вот, я ж говорил, — радостно воскликнул он. — Существует только одно "но". Знающие люди сказывали, что творить сей ритуал дозволено од-

Художник Лев Елена

ному лишь арбу. Высшими силами дозволено, не просто так. А если какой профан в это дело сунется, так сам может того... как медведь-шатун.

— Ерунда полная, — убеждённо заявил Сотников. — Боря, я тебе удивляюсь. Ты, современный и образованный человек, веришь во всю эту муть?

— Ну не скажи, Родя... — задумчиво протянул Поплавский. — Сказка — ложь, да в ней намёк. Я бы, например, пробовать не рискнул.

— Вот поэтому ты только старший партнёр, а я — глава фирмы, — веско вывел Сотников. — Рисковать не умеешь. Всё осторожничаешь, как бы чего не вышло. А иногда нужно вот так — головой в омут! Дай сюда монету.

— Не надо, Родя, — стал вдруг совершенно серьёзным Борис. Длинный столбик пепла с сигары надломился и упал к нему в тарелку, но он этого не заметил. — Болтают люди, в этих краях поверья старинные работают. Не ровен час...

— Дай, говорю. — Родион уверенно протянул руку. То ли действие настойки сказалось, то ли напряжение последних дней, но его понесло.

— Действительно, шеф, ну его, — неожиданно подключился Стас, до сей поры молчавший. Лицо его выглядело испуганным. — Мало ли

что? А вдруг и правда...

— Это с кем же я на кабана собрался? — усмехнулся Сотников, отбирая царскую копейку и укладывая её на пол. — Сейчас сами увидите, что страшные сказки настоящему бизнесмену не помеха.

И вмиг сотворил ритуал.

Все присутствующие замерли с напряжёнными лицами, но не грянул за окном гром, не полыхнула молния. Порыв ветра не распахнул створку окна, взметнув занавеску, как это часто показывают в кино. Не произошло вообще ничего. Монета лежала на полу, глава крупной компании стоял возле неё дурак дураком. Родион и сам понял, что выглядит глупо.

— Ладно, спать пошли, — недовольно буркнул он. — Завтра вставать рано...

За окном плавала серая муть, когда Родион, совершив утренний моцион и напялив охотничий комбинезон германского производства, спустился в каминный зал. Предполагался лёгкий завтрак, а там должен был подойти проводник. С удивлением Сотников отметил, что он первый. Дрыхнут партнёры, охотнички, твою дивизию...

— Эгей! — крикнул он. — Есть кто живой?

Из-за ширмы в дальнем углу вынырнул Матвей, осклабился:

— Позавтракать желаете, Родион Васильич?

— Желаю. А где остальные?

— Так уехали, — развёл руками Матвей.

— То есть? — не понял Родион.

— Темно ещё было, сели в машины, значит, и укатили.

— А охота?

— Какая уж теперь охота, — вздохнул Матвей. — Вы ж, извиняюсь, теперь урсу. Так у нас это называется. Из Свиблово вам дорога заказана...

— Шутишь? Бред какой-то... — пробормотал Родион, доставая телефон.

— Нет-нет, сотовая связь здесь не берёт, — поспешил подсказать Матвей. — Операторы только райцентр освоили, сюда ещё не добрались. Да и не до шуток мне.

Точно, Поплавский предупреждал — мобильники в Свиблово можно вовсе не брать. Но и слушать дальше эту дичь совершенно не хотелось.

— Вы что, сговорились?! Ты, толстяк, хочешь сказать, что я из вашей дыры теперь не выберусь?

— Точно так, — печально покачал головой Матвей. — На километр отойти, наверное, удастся, но не более.

Проза. Мистика

— Хорошо, сейчас я сяду в машину и уеду, — хорошим голосом проговорил бизнесмен. — Через час буду в райцентре Белово, а там и в городе. С друзьями-охотниками потом поговорю, а тебе, отельер, прямо сейчас могу сказать — иди в задницу!

— А завтрак?.. — пискнул Матвей.

— Вместе с завтраком, — отрубил Сотников и, резко двинув стул, встал из-за стола. Широким шагом направился на выход.

— Ну да, ну да, — скорбно покивал вслед "отельер". — Давай, богачок, пробуй...

Качественный заграничный внедорожник завёлся с пол-оборота, рыкнул мощным двигателем. Родион резко развернулся, ворота уже раскрывались под гул электромоторов. Дорогу он запомнил хорошо. Да тут и дороги той — съезд с шоссе сразу переходил в грунтовку, она же центральная улица посёлка. В конце улицы располагался "Приют". Оставалось лишь проехать напрямик от охотничьего домика до шоссе, с обеих сторон окружённого стеной леса. Там ещё поворот был перед въездом... Ага, вот и он. Сотников плавно сработал рулём, выехал на прямой участок и увидел, что шоссе заканчивается въездом в Свиблово.

"Что за чёрт?!"

Он развернулся и поехал в обратном направлении. Опять поворот, повернул, и снова та же картина — впереди центральная улица посёлка. Не веря ни себе, ни глазам своим, Родион проделал подобный трюк ещё несколько раз. "День сурка" продолжался. Наконец, ругаясь на чём свет стоит, Сотников проехал по улице и нагнал тётку с кошёлкой, бредущую по обочине.

— Уважаемая, где тут выезд на Белово? — крикнул ей в окно.

Тётка обернулась и прищурилась:

— Так тебе в обратную сторону, милоч.

— А другой есть?

— Езжай прямо по улице, свернёшь направо, к рынку. Там поворот один, не промахнёсси. Только ты ж и там не проедешь, милай. Ты ж урсу.

Сотникова чуть не хватил столбняк: "А тётка откуда знает? Уж её-то вчера в каминном зале точно не было". Потом газанул с места, выметая колёсами фонтан пыли из грунтовки, цедя сквозь зубы: "Сговорились, да? Ну я вам покажу..." Однако показывать оказалось некому и нечего. Поворот вывел его на кривую улочку. По левую руку действительно расположился рынок, где уже активно толкался народ. По правую — обычные дома. Вскоре

они закончились, впереди тянулась прямая как стрела грунтовка.

Вот так, ребята! Сотников торжествовал: засунь-те свои поверья себе знаете куда? Эта дорога поворотов не делает и уж куда-нибудь да выведёт. Правда, впереди взгорок, сразу за ним дорожного полотна не видно, но чуть дальше — вон она, дорога, прямая и светлая! Машину слегка тряхнуло на вершине взгорка, и Родиону показалось, что он в этот момент моргнул. А может и не моргнул, но спуск проходил уже по хорошо знакомому шоссе. И впереди маячил осточертевший поворот.

Сотников даже зарычал от негодования. Въехал в посёлок, нашёл первый же съезд с улицы влево — то ли тракторную колею, то ли ещё что, но дорогой это нельзя было назвать точно — тем не менее, поехал. Машину нещадно трясло и подбрасывало на ухабах. Впереди выросла изгородь из редкого штакетника, Родион, не задумываясь, снёс её бампером. Но следом на пути оказалось толстое дерево. Урсу начал огибать его, уже подозревая, чем это закончится. Так и есть — он вновь на треклятом шоссе в той же самой точке, у поворота. Теперь Сотникову стало ясно: любой извив дороги, складка рельефа, препятствие на пути — всё будет возвращать его на исходную. Так можно кружить годами.

Сотников отогнал машину к обочине. Если механизму проехать не удастся, то, возможно, получится пройти пешком? Выбрался из салона и топтал по шоссе, даже не озабочась запереть автомобиль. Вначале топалось хорошо, но в какой-то миг он неожиданно, но обязательно, оказывался лицом к повороту и съезду в Свиблово. Раз за разом. Сознание не улавливало момента изменения направления и вообще отказывалось принимать это как факт. Родион шёл и шёл в какой-то уже отчаянной, иступлённой надежде вырваться из западни. Но некая сила, не поддающаяся рациональному объяснению, вновь и вновь превращала чёртов поворот из удаляющегося в приближающийся.

"Бред, бред, бред..." — шептали пересохшие губы.

В середине дня из-за поворота послышался топот копыт и постукивание колёс. Родион замер. По дороге вывернула телега, запряжённая меринком. Возница лениво шевелил кнутом. Вот, понял Сотников, это возможность! Он сам — урсу, но местный-то — нет! Он и вывезет из заколдованного круга...

— Стой! — поднял руку Родион, двинувшись навстречу телеге. — Слышь, мужик, подвези в Белово.

Поселковый натянул вожжи, остановил своё транспортное средство.

— Я не в Белово, в Кружаевку еду.

— Но это по дороге на Белово? Давай в твою Кружаевку, там разберёмся...

— Не, мил человек, — спокойно отказал мужик.

— Ты ж урсу, тебе ходу за Свиблово нет.

— Да я тебе денег дам, какой ещё урсу! — чуть не взвыл Родион и рванул из кармана пачку купюры (хоть и был в охотничьем комбинезоне, но как только сел в машину, по привычке сразу переложил в нагрудной карман деньги). Покрутил перед носом возницы ворохом радужных бумажек, среди которых вперемешку попадались рубли и евро: — Смотри, здесь столько, что три телеги купить можно!

— Дык пока найдёшь новую... А я без телеги как? И без лошади? Ты ж пойми, мил человек, если я урсу посажу, лошадь через десять минут околеет. Да и телега развалиться может. Не, ты уж выбирайся как-нибудь сам. Не серчай, — и тронул.

Художник Лев Елена

Родион вцепился в край повозки, засеменял рядом. Но мужик встепенулся, привстал на козлах:

— Эй, не балуй! Сказано человеческим языком

— взять не могу. Сам как-нибудь...

— Ах ты!.. — Сотников потянулся, пытаюсь достать мужика, ухватить его за лацкан поношенного дождевика. Но тот неожиданно проворно отпрянул и достал топор.

— Не доводи до греха, — зло прищурился он на приезжего. — Тебя, дурака, в урсу никто силком не тащил. Все вы, городские, так — сначала нашкодите, а потом хватаетесь. Ну-тка, подь отседа!

Родион опешил и отступил. Такого отпора он не ожидал. В принципе, в машине лежало ружьё, а машина — вон она, близенько. От неё и захочешь, далеко не уйдёшь, провались оно всё к такой-то маме. Но не устраивать же стрельбу на дороге! Это вовсе уж ни в какие ворота...

— Ладно, езжай, — пробормотал обречённо. — Счастливого пути...

— Во-во, — опасливо покосился мужик и понукал своего мерина. По асфальту дробно застучали копыта.

Внезапно в голове Сотникова родилась новая идея. Ладно, пешком его не выпускают, на автомобиле тоже, селянин не взял, но ведь должен быть какой-то рейсовый транспорт? Автобус уж наверняка. Водитель-то отказать не сможет, купил билет — езжай. И люди будут, перемещаются же они здесь от посёлка к посёлку. В гости там или ещё по какой надобности. Нужно просто найти автовокзал. Он бросился к машине.

Автовокзал отыскался на том выезде, который подсказала утром добрая пейзажанка и который его так никуда и не вывел. Однако местный автобус, похоже, как раз по ней и ездил, не испытывая при этом ни малейших затруднений. Кассы здесь не было, деньги платили прямо водителю. Родион приготовил тысячную купюру, выждал на всякий случай, когда салон наполнится, и шагнул на ступеньку входной двери.

— Мне в этот... э-э... куда вы там едете? — замялся он, протягивая одновременно деньги.

— А куда надо? — обернулся водитель, но увидев Сотникова, изменился в лице. — Тебя не повезу. — И оттолкнул руку с деньгами.

— Как не повезёшь?! — взревел Родион. — Я деньги за проезд плачу, ты обязан...

Но водитель уже не обращал на него внимания.

— Так, граждане, в автобусе урсу, — обернулся он к пассажирам. — Никуда не едем, покиньте салон.

Проза. Мистика

Тётки с кошёлками, занимавшие передние сидения, неодобрительно загудели, но, тем не менее, дисциплинировано поднялись и начали покидать автобус, протискиваясь мимо Родиона. Виновник торжества ошарашено наблюдал происходящее, продолжая тянуть руку с "тысячей" водителю.

— Эй, вы куда, народ? — хотел он крикнуть властно, как привык, а получилось неожиданно тихо и как-то жалко. — Мне ж просто уехать надо...

Однако вслед за тётками придвинулась группа кряжистых, плечистых мужиков.

— Слышь, паря, нам ехать нужно до зарезу, — сказал тот, что стоял ближе. — Не порть людям жизнь, выйди по-хорошему.

— Не выйду, — набычился Сотников. — Автобус — общественный транспорт, имею право.

— Нехорошо, — покачал головой мужик. — Не превращай свои беды, паря, в наши. Ну-ка, ребята, — скомандовал он.

Тут же полдюжины крепких рук ухватили Родиона под мышки, под локти, за плечи. Кто-то прихватил сзади за ремень комбинезона, а затем одним мощным, слитным движением выкинули из автобуса. Приземлился Сотников не очень удачно, больно ударившись локтем и коленкой и подняв тучу пыли. Кое-как очухавшись, Родион уселся на заплёванной площадке, очумело крутя головой. Видел, как закрылась гармошка двери, как, фыркнув выхлопом, тронулся автобус, как, чуть отъехав, подобрал тёток с кошёлками и порулил по той самой дороге со взгорочком. И не было сомнений — для него бу-горок проблемы не представляет.

— Бред. Полный бред, — прошептал Родион, наблюдая удаляющуюся корму несбывшейся своей надежды.

К вечеру, усталый и голодный, он вернулся в "Приют охотника". Матвей, как ни в чём не бывало, лучился улыбкой:

— Отужинаете, Родион Васильич?

— Да, отельер, накорми. И дай позвонить по межгороду. У тебя ведь обычный телефон есть?

— Конечно. Переночуете?

— Те-ле-фон, — раздельно повторил Сотников.

Аппарат был тут же в зале. Он набрал номер Майорова, человека, который за деньги мог достать всё. Через несколько гудков на другом конце провода откликнулись:

— Слушаю.

— Привет, Алексей. Это Сотников.

— Родион Васильевич, какими судьбами?! — радостно воскликнул Майоров. — Что-нибудь случилось, нужна помощь?

— Да. Нужен вертолёт. Срочно.

— Ого, запросы у вас, однако, — хохотнул Майоров. — Но вы же знаете, любой каприз за ваши деньги. Когда и куда подогнать?

Родион достал навигатор, который всегда брал с собой на охоту и рыбалку, не забывая заблаговременно забить туда карту предстоящего района пребывания. Сразу у поворота была полянка, не очень-то и большая, но в самый раз для лёгкого вертолёта. Где ж она? Ага, вот. Он продиктовал координаты.

— Завтра утром, часикам к восьми устроит? — спросил Алексей, ничуть не удивившись необычности района, куда придётся посылать вертолёт. Он вообще ничему не удивлялся, пока ему платили.

— Устроит. Рассчитываю на тебя.

Родион повесил трубку, вернулся к Матвею и отделил щедрую пачку купюр:

— Вот за телефон, ужин и комнату на ночь. Надеюсь, моя не занята?

— Не занята, располагайтесь. Ужин подать наверх?

— Да.

Сотников ступил на лестницу, ведущую на второй этаж к комнатам, когда в спину прозвучало:

— Зря вы это, Родион Васильич.

— Что — зря? — остановился и полуобернулся Сотников.

— Насчёт вертолёта. Уж простите, услышал разговор невольно. Не поможет вам вертолёт, а то ещё и погубите машину вместе с пилотом. Я бы вам посоветовал вместо этого сходить завтра на рынок и найти сапожника Николая. Он там один такой, и он тоже урсу. Быть может, вдвоём вы что-нибудь придумаете...

— Утреннее напутствие помнишь? — устало спросил Сотников. — Вот и следуй.

К восьми утра Родион был на полянке. Нервно вглядывался в небо, напряжённо вслушивался: не послышится ли гул винта? И дождался. В назначенное время, точно по договоренности, на востоке появилась маленькая точка, и послышалось зудение, похожее на комариное. Точка быстро приближалась, звук оформился в гул вертолётного ротора. Лёгкая винтокрылая машина спешила на помощь бизнесмену.

До полянки оставалось всего ничего, когда неожиданно двигатель принялся "чхать", давать сбои, и вертолёт резко повело вниз. Пилот отвер-

нул, сделал головокружительный вираж, покидая опасную зону. Работа мотора восстановилась, стрекот вновь стал устойчивым. Лётчик не сдался и повторил попытку, но завершилась она с тем же результатом. Винтокрыл едва не рухнул в чащу леса. Больше летун рисковать не стал, развернулся и полетел от злополучного места на базу.

Сотников провожал вертолёт взглядом. Вот несостоявшийся спаситель стал похож на точку в небе, а гул винта превратился в зудение, схожее с комариным. А вот и вовсе скрылся с глаз. Родион сел в машину и поехал к рынку.

Николай оказался мужиком неопределённого возраста в потёртом пиджаке и кепке. Когда Родион приблизился, он сосредоточенно забивал сапожный гвоздь в подошву растоптанного сапога. В глаза бросились татуированные перстни на пальцах — бывший "сиделец", значит... Может быть, на поселении. В общем, экз, "зэ-ка".

— Что, обувку нужно починить? — спросил Николай, не отрываясь от работы и одновременно зыркнув на добротные походные ботинки Родиона иностранного производства.

— Нет. Разговор есть.

— Я и гляжу, такой обувке сносу нет.

Сапожник поднял голову: глубоко посаженные, выцветшие глаза, худые щёки в лучиках морщин, крупный нос, похожий на клюв хищной птицы, и несколько скошенный назад подбородок. От всего этого лицо Николая напоминало топор. Он уставился на Родиона, не желая начинать разговор первым.

— Ты Николай? — не нашёл сразу Сотников.

— Николай, Николай. Вижу теперь, кто ты. И что спросить хочешь — знаю.

— Тем лучше, — выдохнул с облегчением Родион. Говорить, что вот, мол, стал я урсу, нужен твой совет, язык не поворачивался. Как и не укладывалась до сих пор в голове ситуация в целом.

— Как залетел? — продолжал сапожник. — По дурочке?

— Да, сгруппировал. Не поверил, что всё это возможно. А ты давно... урсу?

— Третий год молотком стучу. Тоже вот так, по пьяни, из ухарства дурного вокруг монетки поскокал, теперь расхлёбываю.

— Николай, а как они все сразу про меня узнали? — задал Родион вопрос, который почему-то мучил его сейчас больше всего. — Идёт бабка на встречу, впервые её вижу, а она мне — урсу! И другие тоже...

— Да тут всегда так. Места такие. Ты не пер-

вый, и я не первый. Кто до меня был и куда делся, не скажу, не знаю. Но местные о появлении урсу сразу узнают, и помощи от них ждать не стоит. Пробовал уже вырваться?

— Было дело... — смутился Родион.

— Да ты не тушуйся, — усмехнулся Николай. — Вертолёт к тебе прилетал? Ага, я так и подумал. В своё время я тоже чего только не пробовал: и через лес, и по реке, и к арбю ходил. Да только разговор не заладился. Сказал, ты, дескать, сам дурак.

— Может, мне к нему сходить? Я денег дам.

— Не возьмёт, не те здесь порядки. Да и нет сейчас в посёлке арбюя. Тут вокруг ижоры семьями живут по разным сёлам, вот он их и обходит время от времени. Лечит там, помогает...

— Ну и чёрт с ним, с шаманом! Неужели никак вырваться нельзя? В голове не помещается, в наше время — поверья, заклатья... Чушь! Наверняка выход есть, неужели ты за столько времени ничего не придумал?

— А ты сам придумай, раз умный такой, — вдруг озлился сапожник. — Улетать он собрался... Улетел? Да ты хоть ракету сюда вызывай! А то танк из города выпиши, всё равно не доедет. Рухнет по пути в болото — и с концами.

— Но что-то делать надо? — сбавил тон Сотников. Этот бывалый урсу представлялся сейчас единственной надеждой. — Подскажи, или давай думать вместе.

— Ты какую цену готов заплатить за волю? — неожиданно прищурился сапожник.

— А сколько надо? В средствах я не стеснён.

— Это хорошо, что не стеснён, да только дело не в деньгах. Может статься, жизнью платить придётся.

— Говори, — решительно кивнул Родион.

— Слышал я, двоим урсу уйти можно. Я, вообще-то, ждал тебя. Ну, не именно тебя, но второго такого дурака, который головой в петлю полезет. Урсу, что до меня был, может, так и ушёл. То есть — вдвоём. Наверняка не знаю, но слухи ходили. И даже место прохода мне назвали, через который из круга вырваться можно. Но опасно это: если пойдём, можем не вернуться. То есть, вообще никуда не вернуться.

— Пошли. Я всю жизнь по этому Свиблово крутиться не намерен. Если есть хоть один шанс из ста — пошли.

— Решительный ты парень, это хорошо, — ухмыльнулся Николай. — Тогда так. Встречаемся ближе к вечеру у выхода из посёлка. Того, что у

Проза. Мистика

поворота, за который никак не завернуть. Тут вся штука в том, что идти нужно в другую сторону. Не на Белово, а от него. Там, недалеко в лесу — проход. Был я в тех местах, всё разведать. Но одному не пройти. А вдвоём — отчего ж не рискнуть.

— Договорились, — протянул руку Сотников.

Они встретились в четыре пополудни. Николай надел дождевик и высокие резиновые сапоги, хотя дни стояли безоблачные и дождей не было. На плече сапожника висела двустволка, за спиной — вещмешок. Родион тоже прихватил ружьё — на всякий случай.

— У меня машина, — предложил Сотников.

— Сейчас она не нужна, идти тут недалеко. Если выберемся, пришлешь за ней кого-нибудь, а если нет... Мёртвым авто без надобности.

Они двинулись по дороге, действительно, не в сторону знакомого поворота, а в противоположную. Шли недолго, и вскоре Николай свернул в лес. Желтизна уже тронула кроны деревьев, а подлесок местами и вовсе играл багрянцем и золотом. Николай уверенно шагнул впереди, показывая дорогу. Скоро они вышли на полянку, окружённую стеной леса. У дальнего края виднелся овраг.

— Вот и начинается самый опасный отрезок пути, — негромко проговорил Николай. — Сейчас мы разделимся и обойдём овраг с обеих сторон. Ты иди направо, я пойду слева. Внимательно смотри под ноги. Если что, подай знак голосом.

— Каких подлянок ждать, хоть намекни? — спросил Родион. — Здесь может быть зверьё?

— Это вряд ли. Почва... понимаешь, я не знаю, как лучше объяснить. Иногда земля уходит из-под ног. Или начинает дрожать, что ли. Может, это и есть проход, а может, дорога к чёрту в пасть. Поэтому шагай очень внимательно. Давай.

Сотников осторожно двинулся в сторону оврага, вглядываясь в траву перед тем, как поставить ногу, до ломоты в глазах. Он чувствовал себя как на болоте, по которому, впрочем, никогда не ходил, и оттого было ещё страшнее. "Что имел в виду Николай, как можно провалиться на плотной лесной почве?" — размышлял он и глядел под ноги ещё пристальнее. Напряжение и концентрация внимания были такими, что Родион не сразу понял, что вокруг не так. И лишь мгновение спустя дошло — Николай не издаёт ни малейшего звука. Он что, никуда не пошёл?

И тут за спиной грохнул выстрел. Пуля просви-

стела, казалось, прямо над ухом. Тело среагировало моментально, без участия разума: Сотников резко пригнулся и метнулся в сторону. Ещё выстрел! С кустов, росших по-над оврагом, срезало ветку, закружились сбитые жёлтые листья. Родион рванул ружьё с плеча, пальнул с разворота, но Николая сзади не оказалось. Его вообще не было видно.

Не раздумывая, Сотников в несколько длинных прыжков достиг оврага и сиганул вниз. Склон оказался неожиданно крутым, он съехал по сыпучему грунту, ушибаясь задом о камни и выступающие корни. Кусты по склонам росли редко, зато дно заросло полностью. Когда спуск закончился, Родион обернулся и глянул вверх. Противник не показывался, но он сам представлял собой отличную мишень.

Родион бросился в заросли, понимая, что сверху, скорее всего, его всё равно видно, и ничто не мешает Николаю сделать прицельный выстрел. Не отдавая себе отчёта в том, что он делает правильно, а что нет, он начал пробираться к противоположному краю. Овраг был нешироким, но достаточно глубоким. Скоро дно стало повышаться, переходя в пологий склон. Начали попадаться тоненькие деревца с густым подлеском, и Сотников почувствовал себя более защищённым.

Страх отступал, нарастало бешенство. "Вот ээчара, вот же сука! Травил байки про проход, а сам заманил в лес, чтоб пристрелить! Ещё заставил сосредоточиться на земле, смотри, мол, куда ноги ставишь. Внимание отвлёк, а сам целился в спину. Но зачем ему это нужно? Что ему от убийства приезжего? Разве что, из-за машины. Внедорожник дорогой и, наверное, у Николая есть план, как объяснить окружающим пропажу владельца. Чёрт его знает, что там у него на уме, но сейчас нужно выбраться живым".

Овраг закончился. До густого леса оставалось несколько метров, и Сотников засел в густых кустах. Прислушался: ни шума, ни шороха. Он дослал недостающий патрон в ствол ружья и начал осторожно выглядывать из завесы зарослей. Николая нигде не было видно. "С какой стороны он обошёл овраг — слева или справа?" Родион ещё немного подался вперёд, на свободное пространство, и тут же получил тяжёлый удар сзади по голове. Свет в глазах померк.

Сотников очнулся лежа на спине со стянутыми верёвкой руками и ногами. Сколько времени прошло, Родион сказать не мог — может, десять минут, а может, больше часа, — но солнце ещё не село, значит, провалялся в беспомощности он не так

уж долго. Лежать было неудобно, что-то твёрдое и довольно острое упиралось в поясницу. Рядом слышалось топтание и сопение. Очевидно, веки Родиона дрогнули, потому что сверху раздался голос Николая:

— Очухался? Быстро ты, я думал, ещё поваляешься. Ладно, открывай глаза, чего уж теперь.

— Сука ты, Николай, пададь тюремная, — с чувством сказал Сотников.

— Да ладно, не ругайся, брат. Что делать, если никакого прохода нет, а возможность вырваться из этой дыры только одна — убить другого урсу. Как говорят люди моего круга — ничего личного.

— Что ж не пристрелил сразу? Помучить хочешь?

— Ни боже ж мой! — Николай присел рядом на корточки, заглянул в лицо. — Убить мало, нужно ещё ритуал соблюсти. Я ведь тебя только подстрелить хотел, чтоб не до смерти. А ты вон какой прыткий оказался. Ну да ладно, всё получилось, и хорошо. Понимаешь, без ритуала уйти не получится. Нужно у живого урсу отрезать голову и закопать её на дне оврага, а тело спалить. Не я придумал, брат! Это ижоры, забери их нечистая, и арбуи их чокнутые. Самому тошно, честно. Но и ты меня пойми, я всю жизнь по зонам. Последний раз семерик оттянул, только откинулся и на тебе — вляпался! Та же зона, даже хуже, потому как с виду ты вроде свободен, а на самом деле — в неволе.

Родион слушал Николая, и кровь стыла в жилах. Неужели он это сделает? Хотя, с него станется. Может, он и раньше мокрыми делами занимался. Да в любом случае, для такого чужая жизнь — копейка.

— А если я тебе денег дам? — попробовал Сотников.

— Да брось, брат. Ни к чему эти разговоры. Те, что при тебе были, я уже забрал. На первое время хватит, а там видно будет.

— Меня будут искать. И тебя будут искать. Я пришёл к тебе по совету Матвея, хозяина "Приюта охотника". Нас видели вместе на рынке.

— Не, искать не будут. Участковый здесь старый да ленивый, а приезжие в лесу нередко пропадают. Заблудился ли, зверь ли задрал...

— Я — известный человек, у меня влиятельные друзья. Так что искать будут, — пригрозил Родион.

— А и будут, и что? Косточки твои обгорелые я спрячу, голову тоже вовек не отыщут. Я тем временем далеко буду, заморятся ловить. Не переживай, всё будет нормально. Ладно, хватит разговоров, темнеет уже. Ты полежи пока, мне хвороста

натаскать нужно. Костёр большой понадобится.

И ушёл заниматься делом. Родион принялся ворочаться так, чтобы на то самое твёрдое и острое — корень ли, валун ли, вросший в землю? — лечь точнёхонько верёвкой, спутывающей руки. Не с первой попытки, и не со второй даже, но получилось. Он начал перетирать путы, то напрягая, то расслабляя мышцы рук, и скоро почувствовал, что скованность в кистях ослабла. Родион удвоил усилия. К счастью, Николай, не отвлекаясь, таскал хворост и ветки, раскладывая их в будущий ритуальный костёр.

В какой-то момент Сотников почувствовал, что руки свободны. Теперь он аккуратно, без лишних движений разминал затёкшие кисти, и когда Николай пришёл исполнить задуманное, был готов. Зэк присел рядом и достал охотничий нож. Родион прикрыл глаза, чтобы не выдать возбуждение, готовность броситься. Николай принял это за покорность и проговорил почти человеческим голосом:

— Ещё раз прости, брат. Если б можно было по-другому, ей-богу, сделал бы всё иначе. А так... Я тебя по сонной артерии чикну, мучиться не будешь.

И тут же одной рукой прижал грудь Родиона, а другую, сжимающую нож, занёс для удара. Когда оружие двинулось вниз, бизнесмен выхватил руки из-за спины, подставил левый локоть, отбивая удар, а следом прихватил вооружённую кисть в жёсткий захват. Правой же рукой ухватил противника за горло. Крутнулся, стряхивая с себя зэка и наваливаясь сверху всем телом. Весу в Сотникове было едва не вдвое больше, чем в Николае, но тот, сухой и жилистый, извивался ужом, пытаясь высвободить руку с клинком...

Бороться со связанными ногами было страшно неудобно. Родион хрипел, прижимал Николая к земле. Тот тоже хрипел, стараясь извернуться и резануть жертву ножом. Жертва не поддавалась. Они возились в траве, ни один не мог нанести решающий удар. Наконец Сотникову удалось подтянуть ноги, упереться коленями в живот Николая, и когда зэк на миг замер, собираясь с силами, Родион слегка подпрыгнул, опуская колени на пресс врага.

Из горла сапожника вырвался нутряной хрип, руки расслабились. Сотников и сам не удержался, скатился в сторону, но Николаю было уже не до сопротивления. Он скорчился в позе эмбриона, выронив оружие. Родион добавил ему кулаком за ухо, хотя, может быть, этого и не требовалось, метнулся к ножу и принялся лихорадочно резать верёвки на ногах. Когда Николай начал приходить в себя, Сотников возвышался над ним, наведя на

Проза. Мистика

противника ружьё.

— Что, убьёшь? — прохрипел зэк.

— А ты как думаешь? Ты меня не пощадил.

— Говорю же, ничего личного. Даже извинился перед тобой. В побег собрался, тут брат, каждый за себя.

— Вот и я за себя.

— Да не выстрелишь ты, кишка тонка, — осклабился Николай, отдышавшись. — Ты хоть когда-нибудь живых людей убивал? То-то. Тут жилу надо иметь...

Родион слушал и понимал — зэк прав. Он действительно никогда никого не убил своими руками, офисные войны не в счёт. И ладно бы ещё в пылу драки, в борьбе, защищаясь. Сунул бы ножом в бок, потому как тебя самого этим ножом ткнуть норовили. А вот так, хладнокровно, в безоружного и незащищённого человека — нет, не выстрелит.

— Хорошо, стрелять не буду, — сдался Родион. — Но и спускать тебе твоего коварства не намерен. Привяжу к дереву в лесу и уйду в посёлок. Сам подохнешь. Зверьё здесь водится, да и ночи уже холодные. И воды никто не подаст.

— Ну да, сдохну как собака, — согласился зэк. — Только тебе от этого никакого проку. Из Свиблово не уйдёшь, участковый заинтересуется, куда это сапожник делся. А нас вдвоём видели.

— Придумаю что-нибудь, — приблизил ствол к голове Николая Сотников.

— Слушай сюда, городской, — неожиданно жарко заговорил зэк. — Есть ещё один способ, но уж вовсе такой... пополам. То ли выживешь и вырвешься, то ли кони двинешь. Притом второй вариант более вероятен.

— Говори, — отвел немного ружьё Родион.

— Растут здесь грибочки, прозвали их грибы-ведунуны. Поганки какие-то или мухоморы, точно не знаю. Их арбуи сушат, толкут в порошок и перед камланием кладут себе на язык чуть-чуть. Вроде как пропуск в мир духов. Это если чуть-чуть, а если положить ложку на стакан воды, то получится дьявольский напиток. Он или сразу человека на тот свет спровадит, или откроет ему дороги. Через заклятие, в том числе. Я про способ такой давно слышал, но пробовать боялся. Когда по первому году понял, что из капкана не вырваться, порошка этого накопил. Уже решился, было, но в последний миг не смог, духу не хватило. А теперь чего бояться? Раз в побег не ушёл, то и здесь жизни не будет. На зоне за такое три года добавляют, а тут всё строже. И жить не дадут, и умереть не позво-

лят — вечный урсу. Можно рискнуть, терять-то нечего. Ты как?

Рассказанное походило на сказку: волшебные грибы, выход в иные миры. Или Николай готовит новую пакость? Опять подставить хочешь? Но и возможностью, пусть призрачной, пренебречь Родион не мог. Не тот он человек, чтобы жить по чьей-то воле и в отведённом загоне. Сколько раз рисковал из-за денег, а тут судьба на кону.

— Готовь питьё, — сказал Николаю. — Первым будешь ты, а я посмотрю, чем твоя попытка закончится.

— Ясное дело, — согласно кивнул сапожник.

Родион отошёл, держа оружие наизготовку. Николай разжёг небольшой костёр, согрел воду, достал из вещмешка узелок, разлил горячую воду по кружкам, потом отмерил столовой ложкой содержимое узелка, размешал, одну кружку оставил у костра, другую взял в руки:

— Ну вот, готово.

— Пей, — приказал Родион.

— Ага, — кивнул сапожник. Лицо его осунулось, нос заострился и стал ещё больше походить на клюв. А всё лицо теперь напоминало не топор, а клинок, лезвие того ножа, которым он собирался прикончить Сотникова. — Ну, господи прости, не поминай лихом, парень.

И крупными глотками выхлебал содержимое кружки.

Несколько мгновений ничего не происходило. Кадык на жилистой шее Николая ходил вверх-вниз, он не произносил ни слова. Потом глаза его расширились.

— М-м-м-м... — вырвалось из горла. — М-м-м-м! О-о-о!

Бездыханное тело рухнуло навзничь в траву. Родион оцепенел. Что делать дальше, он не знал.

— Николай! Эй! Ты живой?!

Ни звука, ни движения в ответ. Сотников осторожно приблизился, ткнул стволом в бок лежащего урсу. Получилось как в вату. И никакого отклика. Медленно и осторожно Родион приблизился, стараясь держать оружие так, чтобы можно было его применить в любой миг, склонился над Николаем и пощупал пульс на шее. Кожа была холодной и липкой, биение артерии не прощупывалось.

Родион тяжело опустился на землю. "Попытка не засчитана, Николай. Выписал тебе гриб-ведуну пропуск в мир иной". Он посмотрел на вторую кружку, та приманчиво исходила лёгким парком. Отвести глаз от напитка не получалось, алюминии-

евая ёмкость притягивала к себе, словно магнит, привязывала мысли и чувства, не отпускала. Зэк износил свой организм. Отсидки, пьянки, плохое питание. Он был слабаком, этот Николай, а Родион моложе, сильнее, выносливее...

Рука сама потянулась к заветной кружке. Тёплое горькое питьё провалилось по пищеводу. И окружающий мир — лес, поляна, костёр — перестал существовать.

Перед глазами предстала картинка, разделённая пополам. Так иногда показывают в кино. Слева кипел страстями ипподром. Шёл забег: земля дрожала от конского топота, летел гравий из-под копыт, жокеи пригнулись к лошадиным шеям. А на трибунах бурлило людское море, слышались выкрики и свист. Виделось Родиону странно: и панорама происходящего, и малейшие детали одновременно. Так иногда бывает во сне.

Жокеи выглядели безликими, зато лошадиные морды просматривались отлично, и были они очень похожи на человеческие лица и узнаваемы. Лидировала пара — гнедой и каурый — Поплавский с Болдыревым. Шли нога в ногу, то один вырвется на полкорпуса вперёд, то другой. И вот вновь мчатся вровень. А чуть сзади — Майоров, Вихлянский, Потапов. Весь цвет делового мира рвёт сухожилия: не жалея сил, с пеной на удилах, со сбитыми холками. Рискаю при малейшей оплошности упасть и сломать шею. Но до страхов ли тут? Ведь впереди — приз! Вожделенный, манящий, головокружительный — цель жизни!

Тут один из участников таки грохнулся оземь на всём скаку, ломая руки, ноги, рёбра. Жокей, выбитый из седла, летел кувырком в сторону, а лошадь скользила на крупе по колючему гравию, молотя воздух копытами, выгнув шею, оставляя на беговой дорожке след из лохмотьев шкуры и ломтей трепещущей плоти. Кто это? Уж не Сашка ли Петренко, старый школьный друг? Но гонка не остановилась, никто не бросился неудачнику на помощь. Никто даже не обратил на него внимания...

А где же он сам? Почему не видит себя в забеге? Неужели отстал, потерялся, сбился с шага?.. И когда финиш — в конце жизни? Закольцованное существование, бег по кругу, тот же ограниченный район обитания для урсу с наложенным запретом-заключением на выход в большой мир. Просто об этом никто не догадывается...

Даже небесный купол над ипподромом показался своей расцветкой очень схожим с купюрой в двадцать евро — те же серые и белые полосы на голубом.

Он посмотрел направо. Там пасся табун — тоже лошади, но совсем другие. Шелковистая шкура на крупах отливала золотом в закатном солнце. Жеребята взбрыкивали и играли подле кобылиц. Кони ржали, призывая подруг. Рядом неспешно рысил табунчик. Он находился к Родиону спиной, лица не было видно, только развевались на ветру длинные волосы. А ветер — ах, какой это был ветер! Настоянный на степных травах, упругий, свежий. Вольный. Он ласкал разгорячённое лицо, словно ладони любимой женщины.

Вокруг табуна гоняла задорная псина и, не давая отбиться бестолковым и легко покусывая за ноги отстающих, возвещала звонким лаем своим извечный порядок мироустройства и гармонию бытия.

Родион вдохнул вольный ветер полной грудью и шагнул вправо.

Участковый Постышев затормозил свой видавший виды мотоцикл "Урал" у рынка и заглушил двигатель; кряхтя, сполз с сидения, одёрнул китель и направился к сапожной будке. Сапожник забивал гвоздь в подошву разношенного сапога, не обращая внимания на окружающее. Капитан полиции остановился в нескольких шагах, молча наблюдая за работой натруженных рук в наколках.

— Как жизнь, Николай?

— Нормально, начальник. На полянку съездил?

— Да, пока все твои показания подтверждают. Тело приезжего забрала группа из Белово. Дальше его переправят в город. Опознание, экспертиза, то да сё. Да ты и сам знаешь, прошёл университеты.

— Не без того, начальник, — откликнулся сапожник.

— Николай, ты мне всё рассказал? — надавил голосом капитан. — Ничего не забыл?

— Как на духу, — поднял лицо сапожник. — Всё так и было. Приезжий этот, походу, с друзьями поругался. Пристал, мол, своди на охоту. Зря, что ли, ехал? А пока по лесу бродили, грибов насобирали. Подстрелить мы никого не подстрелили, так, пальнули пару раз для смеху. Тогда, говорит, грибной суп сварю. Мне тройка грибочков из его коллекции сразу не понравилась. Да и остальные тоже... не очень, если честно. Но я не грибник. Сказал, мол, не связывайся ты с ними, тут порой и местные вприсак попадают. Да он упёрся, я, дескать, знаю, что делаю, ты мне не указ. Го-

Художник Лев Елена

родской, одно слово, гонору выше макушки. Вот и поел. Супчика. Всё так и было, начальник. Я когда понял, что ему худо, тащить его было взялся, в Свиблово-то. Но не дотащил. Тогда сразу к тебе...

— Ну да, это я всё уже слышал. Пока твои слова подтверждаются. Но, сам понимаешь, вскрытие многое по местам расставит.

— Да ради бога, я ж не против.

Постышев вглядывался в Николая. Вроде сидел перед ним тот же мужик — наколки, нос, словно птичий клюв, лучики морщин от переносицы к

вискам. Но вот помнит он отлично, что глаза у зэка были светлые. Выцветшие какие-то, рыбы, будто многочисленные отсидки выпили из них цвет и силу. А у этого — карие, живые. Так и хотелось сказать по-книжному: светится в них разум. И волосы раньше были пегие, а сейчас хоть сдобрены густо сединой, но всё ж таки тёмные. А проседей, опять же так и просится на язык — благородные седины.

Чёрт их поймёт, этих урсу. Помнится, по молодости докладывал он начальству о здешнем фено-

мене. И что ответили? Волшбы в СССР, стране победившего социализма, нет и быть не может. А с проявлениями шаманизма и прочим мракобесием борись беспощадно. На то ты и власть. Ага, много здесь поборешься! Сейчас времена другие, многое изменилось, но попробуй доложи наверх о странностях, которые тут для всех вроде как в порядке вещей. Скажут, мол, умом тронулся участковый на старости лет, надо кого помоложе ставить. И попрут, а до пенсии всего полгода и осталось.

Постышев сплюнул под ноги и пошёл к своему "Уралу" — такому же, как и он, без пяти минут пенсионеру.

Сапожник смотрел ему вслед, но полицейского не видел. Стояла в глазах раздвоившаяся картинка, где слева бурлил ипподром, а справа пасся табун. Правильно ли он поступил, верной ли дорогой пошёл? Быть может, слева остался возврат в привычный мир? И ответил мысленно сам себе: нет, всё верно. Жизнь его прежняя и была ловушкой. Нужна она ему?

Пока неизвестно, может ли он покидать Свиблово. Ещё не пробовал. Друзья-компаньоны, наверно, сейчас денежки его пилят, не зря же в видении они первыми на дорожке были. И сбежали вовремя, похоже, не просто так. Но не это главное. Чувствует он себя вольным человеком, вот что важно. И знает теперь, как помочь новым урсу. Какой предложить им выбор.

Ведь любители сыграть с судьбой в орлянку всегда найдутся.

Быстров Олег

writercenter.ru/profile/dolphin/whois/

Художник Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Щенок

Богданов Борис

Он был пожилой и усталый. Конечно, это неправильно, так нельзя говорить про ангелов, это вечно юные сущности, могучие духи, но... Возраст измеряется не прожитыми годами, а тем, что сделал, увидел и потерял. За долгую жизнь, которая приближалась к финалу, старик видел немало и понимал: сидящий напротив него человек — на самом деле ангел. Пожилой и измученный ангел, много сделавший, многих потерявший и уставший от дел и потерь.

Во-первых, дверь в квартиру была заперта изнутри, и ключ остался в замке. Он сам сделал это, надёжно, на два оборота, и никто не смог бы попасть в квартиру иначе, как сломав железный косяк. Значит, был бы шум, и старик услышал бы его, несмотря даже на постоянно включенное радио, ведь он подслеповат, но вовсе не глух.

Во-вторых, в комнате стояла жара; отопление уже включили, а окон он не открывал, просто не мог, не держали ноги. Гость же кутался в неопределённого покроя плащ и зябко передёргивал плечами, как будто что-то мешало ему на спине, что-то, чего он не хотел показать.

Знание о сущности гостя пришло само, но сработала привычка объяснять. Сорок лет за кафедрой, не шутка...

— Вы ангел, — утвердительно произнёс старик.

— Это важно? — у ангела был именно такой голос, как ожидал старик: негромкий, но наполненный внутренней силы, не мужской и не

женский, мягкий и заставляющий верить и надеяться. — Вы же не верите в Бога.

— Это не важно, вы правы, — прошептал старик.

— Да, это не важно, — ангел помолчал. — Знаете, благость Его велика и не всегда понятна. Но кто мы такие — оспаривать Его решения?

— К чему эти слова? — старик закашлялся. От усилия заболели рёбра и голова, перед глазами запрыгали цветные болезненные пятна.

Собеседник повёл рукой и кашель утих. Замолчало и радио, и старик впервые за последние месяцы заметил, как громко тикают в прихожей часы.

— Это не лечение, — предупредил вопрос ангел. — Это лишь средство. Вы должны выслушать меня с ясной головой. Он не требует от вас веры, но воздаёт по делам. Вот, — ангел засунул руку под плащ и вынул небольшую деревянную шкатулку.

— Что это?

— Не знаю, — ангел развёл руками, — зависит только от вас.

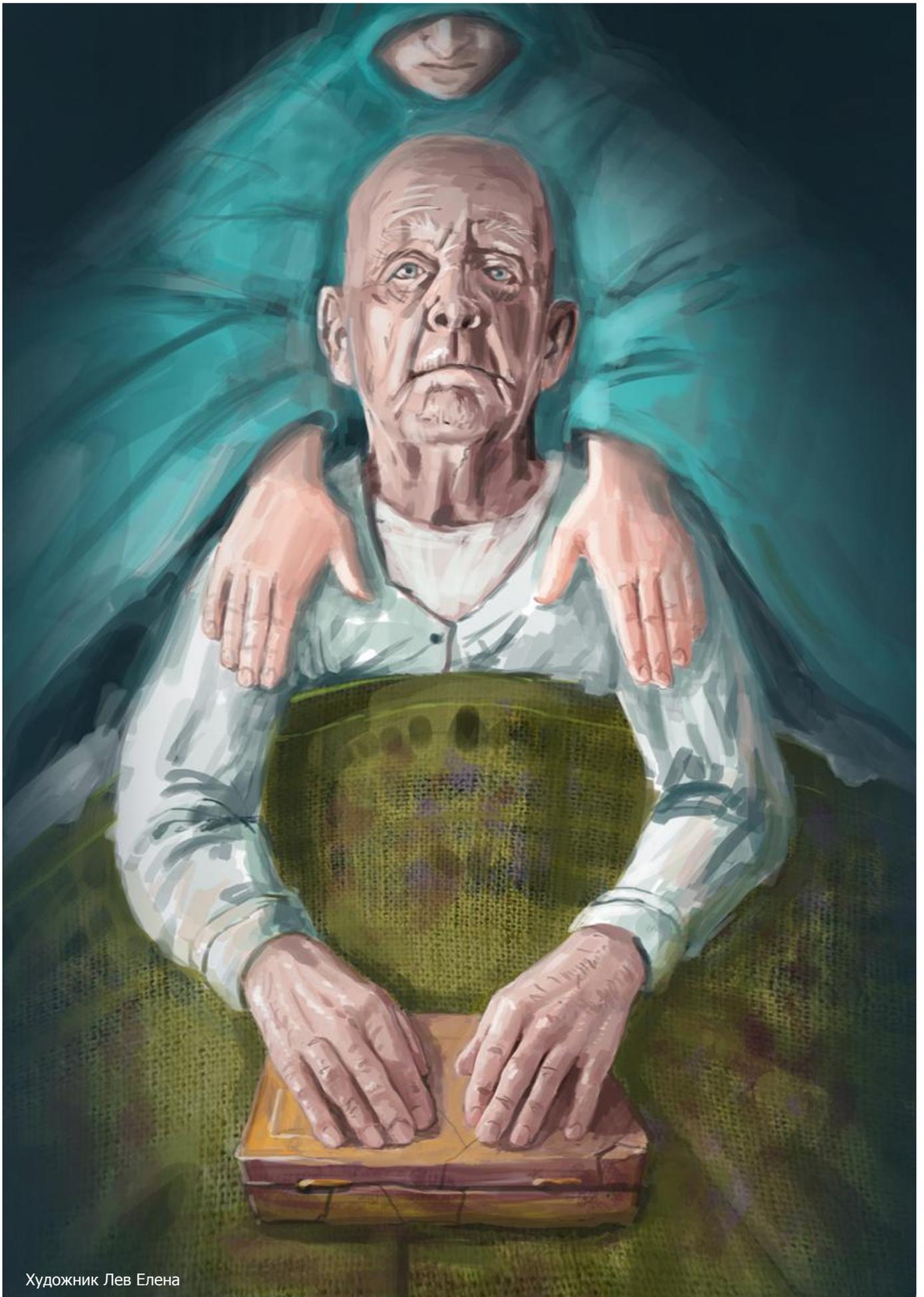
— И всё же.

— Желание, — ангел печально улыбнулся, — всего одно искреннее желание.

— И что я могу попросить? — спросил старик недоверчиво.

— Всё, что угодно, — ответил ангел, — но выполнит Он далеко не всё. Думаю, вам не стоит просить Спасения — атеистам назначена вечная

Художник Лев Елена

Проза. Мистика

пустота и несуществование. Ни райских куш, ни адских мучений. Никакого суда и никакой надежды на помилование. Но ведь вы и не ждали иного? Итак, одно простое желание. Здесь и сейчас, в этой жизни.

— Увидеть Париж и умереть?

— Примерно.

— Хорошо, поставьте сюда, — старик показал рукой.

— Только торопитесь, — сказал ангел, укладывая шкатулку на рваную обивку.

— Да. Но ведь у меня еще есть время? — спросил старик. Ему никто не ответил.

Старик осторожно откинулся назад, чуть подвигал плечами и натянул под горло ветхое, в клочьях ваты, одеяло. В шкафу на верхней полке лежало хорошее, почти новое байковое одеяло, но за ним нужно идти, а он не вставал с дивана со вчерашнего утра, с того часа, как обезножел. Не вставал, не ел и не пил, поэтому, наверное, ему привиделся ангел.

— Ангел, ангел, что ты въе-ошься, — прошептал старик, — над мое-ею головой.

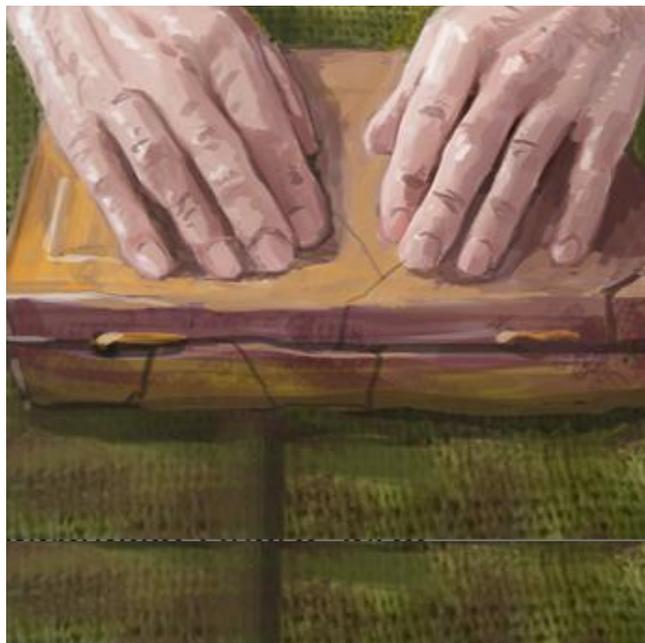
И замолчал.

Небольшая деревянная, с обожжённым уголком и стёртым орнаментом на крышке, шкатулка стояла на стуле возле дивана.

Она оказалась тяжёлой, совсем как его прожитая жизнь. С толстыми стенками, похожими на те невидимые стены, за которыми он прятался от невзгод, и такая же, верно, пустая внутри. Нет. Там его ждало желание. Старику вдруг очень захотелось увидеть сына. Чтобы он пришёл и просто посидел рядом. Это казалось так просто и так заманчиво — открыть крышку и увидеть... Что? Неважно. Важно, что Василий окажется тут. Бросит свою важную командировку, бросит всё — и прилетит сюда с другого конца страны.

«Так неправильно, — понял старик. — Ведь это будет не его желание повидаться с отцом, а мой глупый каприз. Он будет сидеть тут, разглядывать беспорядок и грязь, вдыхать запахи нечистоты, а сам думать о делах, оставленных там, о людях, которые ждут и удивляются, куда он пропал».

Надо встать и прибраться. Старик напрягся и, о чудо! Похоже, сила возвращалась. Ему показалось, что левая голень немного вздрогнула. Значит, он сможет встать. Сможет подняться и сделать хоть что-то. Дойти, наконец, до туалета и ванной, а потом взять веник и вымести скопившуюся за последние месяцы пыль. Чтобы

Художник Лев Елена

приехавший сын не отвлекался на глупости, а просто сидел с ним и молчал о прошлом.

Не болела голова, и кашель не раздирал грудь, значит, у него получится. Сейчас же он устал и должен отдохнуть.

«Отдохнуть, поспать», — подумал старик и закрыл глаза. Шкатулка выпала из ладони на нечистый матрац.

Ангел выдвинулся из тьмы в углу комнаты. Он долго стоял, вслушиваясь в сиплое старческое дыхание и всматриваясь в тени снов. Потом покачал головой и пропал.

Старик умер рано утром. Во сне, так и не воспользовавшись неожиданной милостью. Рука застыла рядом с деревянной коробкой. Морщины разгладились, а лицо приняло удовлетворённое выражение человека, решившего что-то важное. Таким и нашёл его сын, примчавшийся сразу с вокзала, не заезжая домой.

— Что это, Вася? — в руках Лида держала какую-то пластиковую коробочку.

— Дай-ка, — Василий повертел коробочку в руках, потряс перед ухом — пусто. Силуэтом она неуловимо напоминала подержанный «Форд», на который они копили деньги уже второй год. Теперь покупку придётся отложить: большая часть накоплений ушла на похороны, ничего не поделаешь. Жилплощадь по наследству переходила им, но пока они смогут ею распорядиться, пройдёт сто лет!

— Ерунда какая-то, — сказал он. — Папа тащил в дом всякое. Выкинь.

За годы в доме накопилось мусора и пришлось поработать. Третий день они чистили и мыли квартиру. Грязный, измызганный диван, на котором умер отец. Серое и протёртое постельное бельё, матрасы и непонятного назначения тряпки. Древний торшер с покосившимся абажуром, полированные доски, принесённые отцом со свалки — сделать книжную полку, да так и оставленные в дальней комнате за шкафом. Старый велосипед с неисправным звонком на руле и, отдельно, цепь без ключевого звена. Древние учебники и справочники по зоотехнике. И ещё множество ненужных вещей, которые не приспособить к делу. Когда-то важные — но утратившие смысл вместе с эпохой, о чём-то напоминавшие — но не им. То, что мы копим всю жизнь, но никогда не забираем на последней станции с собой. В эту кучу полетела и бессмысленная коробочка из поцарапанного пластика.

— Мама, мама, смотри, что я нашёл! — восьмилетний мальчик прибежал домой и протянул матери плоский, в чёрно-белую шахматную клетку пенал. — А там было — вот!

В другой руке мальчик держал открытку. Маленький щенок — одно ухо белое, другое чёрное — смотрел, наклонив голову и высунув розовый язычок. Его мечта.

— Брось, грязь! — ответила мать, даже не взглянув на картинку.

Что-то холодное и мокрое ткнуло мальчика в щиколотку. Маленький щенок — одно ухо белое, другое чёрное — смотрел на него, высунув розовый язычок. Повилял хвостиком, присел и сделал лужу.

И мама почему-то не рассердилась.

— Его зовут Бим, — сказала она и обняла сына.

Богданов Борис (bbg Борис)
writercenter.ru/profile/bbg/whois/

Художник Лев Елена
writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Художник Самсонова Катерина

Считалка

Не конец света

Мы в спешке покидали город ночью,
Не захватив с собой обычный скарб.
И тот, кто закричал: «Конец нам, точно!» —
Не показался мне душою слаб.

Сносил дома поток метеоритный.
Срывался с неба раскалённый гнев.
К жене плотней в машине беззащитной
Прижались дети, разом присмирив.

Сирены выли. У метеоритов,
Как оказалось, жёлтые хвосты.
Смертельный звездопад пришел с орбиты.
Зарницы рвали небо в лоскуты.

Горела в поле зрелая пшеница,
Чернел у трассы свежий котлован.
Автомобили мчались вереницей,
Мы завершали скорбный караван.

— Останови! — крик дочки, будто выстрел,
Заставил резко выжать тормоза.
Среди теней на местности холмистой
Неразличимый кто-то брёл назад.

В руке фонарик — путнику подмога,
Прорезал мрак меж вспышками огней.
— Поможем, папа! — звонкая тревога
Дрожала в просьбе младшенькой моей.

Спасать глупцов в разгаре катастрофы —
То выживания попать инстинкт.
Я вылез из машины, дверцей хлопнув,
На склон, где луч фонарика светил.

В отсветах грозной огненной лавины
Я разглядел: одет не как в поход,
И слишком юн, не многим старше сына.
В ногах парнишки тень — неужто кот?

Меня он видел, не было сомнений,
Но не свернул навстречу, как назло.
Конец времён, а я теряю время.
Поймав, задам по первое число!

Мы поравнялись, но объект спасенья
Смотрел на город, тонущий в дыму.
— Я с вами не пойду, прошу прощенья,
Не думал быть обузой никому, —

Сказав, он смолк, и мы застыли оба.
Чёрт, это было слишком: на краю
Привычной жизни стражи — небоскрёбы
Теряли башни в пламенном бою.

И звезды. Никогда не видел ярче.
Я словно сам летел, как метеор,
И свет вмещал. Мерцанием охвачен
Раскинулся космический шатер.

Я произнёс:
— Не просто мир разрушить.
Пускай огонь, потоп, пускай ледник,
Но лишь бы холод не забрался в души.
Вселенную спасти в короткий миг

Под силу нам — сберечь того, кто рядом,
И верить в лучшее, как верили до нас.
Дружок, я без тебя за руль не сяду,
Бежим, там ждут, умрём не в этот раз.

Он суть момента осознал, похоже,
Да, я нашел хорошие слова.
Мы ринулись назад. Секундой позже
Холм жаркий всполох в комья разорвал.

Свезло — вот доказательство от Бога,
Что не напрасно взял я паренька.
Мы, запыхавшись, вышли на дорогу,
Испачканные, как из рудника.

— Пойдите, — он замешкал у машины,
— У вас найдутся для двоих места?
И, чуть смущаясь, из под куртки вынул
Испуганного рыжего кота.

Считалка

writercenter.ru/profile/S4italka/whois/

Самсонова Катерина

writercenter.ru/profile/SeaCat2401/whois/

Зима Ольга

***

Разреши мне испачкаться в звездах,
Трогать волны полночной реки,
Одинокому, хмурому, взрослому,
Вновь ребенком мне стать помоги.

В тучах видеть коней, на рассвете
Замереть, забыв имена,
Повстречаться с мечтою о лете,
Что глядит на меня из окна.

С синих глаз, что пылают отважно,
Или с волн златокудрой души
Прилетит мой кораблик бумажный,
Он с пропавшего детства спешит

Принести той воды, что напиться
Я не смог, не успел, расплескал!..
Я не знал, что мечте время сбыться,
И найти рядом то, что искал.

Фомальгаут Мария

Коты шуршистые

Закаты быстрые
И окна искрами
Осыпали бульвары сгоряча,
Коты пушистые,
Коты шуршистые
Выходят на охоту по ночам
И так неистово,
И так же искренне
В разлитой над бульварами ночи
Коты пушистые,
Коты шуршистые
Вылавливают лунные лучи
И так расхлистано,
И так расхристано,
И в полночь непроглядную как в бой
Коты пушистые,
Коты шуршистые
Охотятся на звезды за трубой
Под полом визгами,
Под полом писками
Так мыши шебуршатся, шелестят,
Коты пушистые,
Коты шуршистые
Вылавливают в погребке мышат
И норовистые,
И ш-ш-ш-ершистые
У месяца на кончиках рогов
Коты пушистые,
Коты шуршистые
Вышипывают с крыши чужаков.
Так разреши скорей
От всей души своей
Ну, чтобы рассекая тишину
Коты пушистые,
Коты шуршистые
Катили в небе полную луну.

Зима Ольга

writercenter.ru/profile/Zima/whois/

Фомальгаут Мария

writercenter.ru/profile/Fomalgaut1/whois/

Пышкин Евгений

writercenter.ru/profile/gm12358/whois/

Пышкин Евгений

***

Времена не выбирают
Как ты живешь? О чем мечтаешь?
Как часто смотришь на закат?
Как часто в облаках витаешь?
А в осень посещаешь сад?
Поверь, тот сад всегда прекрасен,
Когда багряною листвою
Объят столетний тихий ясень,
Качая грустной головой.

Следа давно уж нет от лета,
И в каждом шорохе листвы
Я слышу зимние приветы,
Я слышу поступь тишины.
И сердце сладко замирает,
И льдинкой застывает кровь,
Но я не плачу, я встречаю
Зимы чарующую новь.

Я вижу вьюгу и метели,
Я вижу солнце на снегу,
И там есть все, как мы хотели,
Как мы мечтали наяву:
Вот дом, одетый белой шалью,
Вот зачарован снежный сад,
И у окна кудель печали
В твоих натруженных руках.

Ты говоришь, а я все знаю,
И потому так мочалив
Январский день за чашкой чая
С медовым ароматом слив.
Ты говоришь, что я витаю?
Что стоит обо всем забыть?
Но времена не выбирают,
А лишь стремятся их прожить.

Ну, а мечтать о солнце, лете,
Иль о желтеющей листве
Дано не каждому на свете.
Лишь тем, кто пожил на Земле.

Мастер на все руки

ОскарOVA Надежда

При отсутствии других свидетельств приходится оперировать единственным. Сэр Артур Конан Дойл утверждал, что иной раз можно прочесть даже сожженное письмо. Мы можем не только прочесть, но и полностью восстановить. Можем размножить в любом доступном воображению количестве. Зачем? Чтобы всегда иметь при себе раритет — написанные от руки строки. На бумаге. Шариковой ручкой. Потому что на этой разлинованной бумаге с синими чернилами — ты. Как доказательство существования, меняющего под себя мир. Но разве не все вы так делаете?

Всегда думала, что мемуары — удел стариков. Когда память спаяет прошлое с будущим, игнорируя настоящее, легко вычерчивать строчку за строчкой, подгоняя схемы под восприятие. Не нужно, чтобы они работали. Нужно, чтобы нравились.

Тут ещё важен элемент искренности. Вера, что дверь открывалась не внутрь, а наружу, хоть сотни раз тянул ручку на себя и проклинал строителей. Но если эта сотня раз была сотню лет назад, а проклятая дверь стоит и по сей день, для рассказчика она откроется только наружу. По хотению.

Мне пора пройти по воспоминаниям. Пока не достигла нужной точки веры или пока думаю, что не достигла. Нужно сделать это здесь и сейчас, поскольку коктейль из фактов и измышлений готов, и не имеет значения, выпью я его или вылью в раковину. В любом случае ничего не останется, да? Так хотя бы ради воспоминаний о вкусе, когда память была лишь компонентом...

1

Помню, что во время нашего первого разговора я оказалась на высоте. Крепкая на вид ветка тополя отломилась, сведя к нулю возможность вернуться, так что пришлось изображать Маугли из советского мультфильма. Сцена с рыжими псами, дубль первый и единственный. Солнце потихоньку сползло за кроны дальних садов, а я распласталась на высоте около двух метров, накрепко обхватив конечностями тоже крепкую на вид ветку, но уже над соседской землёй.

Пёс, пёс, рыжий пёс!

Точнее, псы. В количестве трёх штук. Плохо знакомые с отведённой им ролью, они не сидели под деревом, а без устали описывали круги. На меня не смотрели, и это прибавляло напряжения атмосфере. Словно были уверены — никуда не денется, двуногая. Свалится. Рано или поздно. И были правы. Куда мне деваться?

Рыжеватые, широкоспинные, коренастые, шерсть в разные стороны. Помесь дворняжки с какой-нибудь бойцовской породой, они не останавливались, крутились размеренно, молча. Похожие до невозможности, словно одну собаку запустили ленивой юлой... Каруселька. Была у меня в детстве такая игрушка. Только с медведем.

Художник Оскарова Надежда

От их механического движения голова поплыла, я закрыла глаза. Тут же померещилось, что руки слабеют, разжимаются... Нет, лучше смотреть. В унисон поднимают и ставят лапы. День-ночь, день-ночь... Цирковые солдаты.

Но не одинаковые.

У одного ухо надорвано, у другого шерсть сбоку вытерлась. Стало легче. Есть недостатки и у них. Может, устанут?

Пытаясь отвлечься от напряжения рук, как могла близко к тексту поведала своим стражам историю о рыжих псах. Получилось поучительнее, чем у Киплинга. Тоже, мол, здоровенные были, в себе уверенные. И что вышло? Все умерли!

К сожалению, мне попалась не впечатлительная аудитория.

Непреклонно темно. На земле жёлтым горела золотая китайка, искушение которой и заставило меня ползть к соседу. Обычно он уходил с собаками... И вот она, красавица, лежит, только слезай с дерева, набивай карманы. Похороны за свой счёт.

Киплинг закончился, и я порола отсебятину. Сиквел, как сказали бы сейчас. Маугли-2. Смотрите во всех кинотеатрах. Продолжение, как часто

бывает, получилось беспомощным, но слушатели не зевали.

И вот, когда возмужавший Маугли плевком положил дюжину дюжин рыжих поганцев, зашуршали по листьям шаги. Не глядя на меня — наверное, так у них принято — к собакам подошёл хозяин. Провёл у каждой по лбу, по ошейнику, и стражи золотых китаек покинули пост, отошли в сторону, уселись в рядок на зады. Точно, цирк. Через горящий обруч — слабо?

— Устала? Слезть сможешь? — вот теперь, прищурившись, сосед смотрел на меня.

Ответ был предельно честен.

— Не уверена.

— Я подстрахую.

Кое-как отлепив нижние конечности от коры и перехватив ветку руками, я грациозной гусеницей-переростком плюхнулась на землю. Не совсем, правда, плюхнулась. Подстраховал, не обманул.

Надо было что-то сказать, а что здесь скажешь? Представила себя на месте соседа — то ли смеяться, то ли злиться? А он серьёзен. И спокоен. Стыдно, ой как стыдно! Интересно, когда должен вырасти мозг и появиться ум? Скорее всего, я пропустила этот этап развития.

Проза. Фантастика

— Знаешь, по-моему, тебе не мешает почиститься...

— Простите меня, дядя Лёня! — ну вот, вывралось наконец-то.

— Да нет, я понимаю, так интереснее, — он почесал нос. — Но знаешь, паданцы не очень вкусные. Я тебе ведёрко с собой дам, вчера нарвал... А сказки хорошо рассказываешь. На остроухих не обращай внимания, они к литературе не восприимчивые. Я им и Фолкнера, и Сартра...

Псы сидели вдоль забора и не смотрели нам вслед.

Из китаек мама сделала варенье, одну баночку я отнесла соседу.

2

Теперь, когда моя память обрела точку отсчёта, можно двигаться по системе координат. Декартовой, надо полагать: время, пространство и фантазия...

Сначала уйду в минус.

Если отсчитать два года назад от похода за золотой китайкой, получится время, когда дядя Лёня приехал в наш город. Мне как раз исполнилось десять. Возраст солидный, дата круглая, оттого и запомнила. Потому что вскоре казалось — мы соседствуем давным-давно.

Дом купил на краю города, рядом с нашим, и сразу нашёл свои нишу, ареал и место под солнцем. Сначала устроился в ремонтную мастерскую, а когда предпочтение получило предпринимательство, а не борьба с тунеядством, начал работать на себя. Смотрели, в «Утиных историях» был мастер по безделушкам? Вот это наш дядя Лёня. Телевизор сломался — к нему. Насос водяной полетел — туда же. Мужик на недозволенном сайте вирус схлопотал — к нему вприпрыжку (ну, это уже потом началось, конечно). Игрушки делал разные, приспособления для домашнего хозяйства. Помню, у нас была хитрая штуковина, банки закручивать... Фен у мамы сломался, так он вставил в него какую-то пластинку, долго ещё работал. С феном вообще интересная история вышла, немного позже напишу... Да много чего ремонтировал по мелочи. Машины, конечно, чинил. Особо безнадежные. Доктор Гаспар от физики.

Платили ему кто деньгами, кто натуральный обмен предпочитал... Цену он никогда не называл, а всё ровно знали, сколько надо.

Что ещё? Неразговорчивый, неприметный. Мы

даже не слышали, были ли у его собак клички. Называл их просто «остроухие». Дядя Лёня и его псы. Хоть и сосед, а всё общение: «доброе утро», «добрый день», «добрый вечер», так что я не соврала насчет первого разговора через два года. Если починить что, посмотрит и скажет: «Сделаю». Или молча вещь обратно отдавал, но это редко было. И упрашивать тогда бесполезно.

Слухи о нём ходили разные. В основном, что раньше работал дядя Лёня в каком-то шибко секретном учреждении. Военном, надо полагать. Или шпионов ловил. Или делал прибабасы для Джеймса Бонда. В общем, глупые слухи, неизбежные. Затёртые.

Но как же без них? Пустое информационное пространство требует заполнения. Новых друзей дядя Лёня не обрёл, о старых не рассказывал. Разговоры вёл только о деле, да и то скупое. Родственники не объявлялись. Раньше моего соседа окрестили бы бирюком... Но через год-другой новизна ушла, и слухи пропали. Были кратковременные вялые рецидивы, но на этом всё.

Сама не помню, но рассказывали, что вначале некоторые дамочки строили глазки бесхозному «рукастому» мужику, да без толку. Кокетство он переносил молча, с улыбкой. А улыбка у дяди Лёни, как жалюзи: щёлк — и отгородился. Тоже отстали, потому что смысл? Неуютно дяде Лёне с людьми, так это его дело...

Теперь о фене, пока не забыла. Был один момент... Банальный в общем-то, но запоминающийся. Мне лет семнадцать, и я собиралась на день рождения к подруге. Волосы помыла, надо бы высушить, а свет выключили. Закон подлости в действии. Понятно, что придётся опоздать. Жду просушки, потихоньку дела какие-то домашние делаю, в забывчивости щелкая выключателями. Машинальность из разряда: свет включать бесполезно, посмотрю-ка телевизор. Бессмысленное занятие. Но так я включила фен, а он возьми, да и заработай. Волосы высушила, потом опять попыталась зажечь свет — безрезультатно. Удивилась уже потом, задним числом, поскольку опаздывала катастрофически.

И стало мне интересно, что всё-таки дядя Лёня сделал с феном? Вооружилась отвёрткой, вооразив, будто смогу что-то понять, вскрыла агрегат. Сразу увидела пластинку, которую он поставил. Маленькая, плоская, из блеклого металла, похожего на алюминий. Зачем-то попыталась выковырять, но легко не получилось, а силу применять страшно. Да и что я бы с ней делала, вы-

ковырянной? Закрутила всё обратно и включила фен, не вставляя в розетку. Не заработал.

Хотела как-нибудь провести эксперимент без электричества, но подсоединенным к розетке, да не собралась. Вспоминала, правда, от случая к случаю...

Впрочем, не могу сказать, что произошедшее потрясло меня. Интересно, забавно, но не более. К тому же я была молода и дико спешила жить, поскольку судьбу свою видела однозначно: чада (желательно до трёх штук), муж, работа, домашняя работа, внуки, старость, смерть. Так сложилось у большинства, а я как раз из тех, кто составляет это большинство. Так что мечтать — недалёковидно. Но и терять время, те несколько лет, когда можно быть свободной в чётко очерченных рамках — тоже.

И за хлопотами поступления в институт, сессиями и гулянками тихий сосед дядя Лёня забылся. А свет, скорее всего, просто включили на пару минут, как раз хватило высушить волосы.

3

События сделали виток и приблизились к оси пространства через несколько лет.

Третий курс, зимняя сессия и поминки оной в кафешке, набитой студентами так плотно, что на рассол места не оставалось.

Пила я немного, хоть и веселилась со всеми наравне, так что в грехе трезвости меня не уличили, иначе вряд ли запомнила бы цветастую историю парня с параллельного курса, при помощи которой он, видимо, хотел поразить моё воображение, а затем перейти к активным действиям. Но сам поразился и впечатлился столь внушительно, что уснул, не осилив финал рассказа.

С преломлением на моё воображение детально передать его историю вряд ли смогу, но за сердцевину ручаюсь.

Попытка не пытка.

Заглохшая зимой в просёлках машина — не самое приятное, что может случиться в жизни. День короткий, за бортом минус пятнадцать, дорога более воображаемая, болотные огоньки впереди. Город, деревня? Проще дойти, чем ждать спасателей. Да и есть ли они в этих огоньках? Монетка брошена, один (рассказчик) остался в машине, второй устремился.

«В машине» — это условность. Нужно двигаться, бегать, прыгать сайгаком, дышать на паль-

цы, растирать щёки. Минус пятнадцать не так страшно, но через полчаса уже очень. А через час? Хорошо, что было с собой немного. Умные люди не советуют пить на морозе, а куда деваться?

Вернулись за ним раньше, чем через час. Правда, не на машине, на своих двоих. Хотя в этом плане наблюдалось некоторое разнообразие. В смысле, кто на двоих, а кто и на четырёх. Друг привёл механика «из крайнего дома», а тот притащил с собой рыжих собак. Если заметёт — можно друг друга кушать... Обычно на этой стадии пробивает на чёрный юмор.

Не тратя времени на разговоры, механик сразу приступил к делу. Долго возился, стемнело. Фонарика не попросил. И на ум не пришло ему дать, видимо, и мысли замёрзли. На холоде восприятие меняется. Вроде бы ты здесь, а вроде и нет. И всегда так будет: дорога, машина, три пса, сидящие без движения на снегу. Живые они вообще? Смерть уже не кажется страшной. Если естественно дышать, то не дышать — тоже.

«Сейчас», — сказал механик, разрывая явь. Вытер о снег руки (жуть какая!), позвал одну собаку, отвёл за машину. Потом вроде поговорил с ней, а потом собака начала кашлять. Надрывно, с воем, до рвоты. Друг поумнее оказался, отвернулся, а его словно магнитом потянуло... И вот в полутьме кажется: присел мужик перед собакой на корточки, руку в глотку ей запихнул, а вытащил руку чёрную, блестящую и что-то металлическое вроде держит...

Тут впечатления и переполнили рассказчика. Судя по его присутствию в этом мире, приключение закончилось благополучно, но истории мучительно не хватало конкретики и завершения.

С одной стороны — сумерки, холод, водка, желание повыдываться перед девчонкой. С другой — крайний от дороги дом и рыжие псы... Может это и враньё, но враньё, успешно маскирующееся под правду. И я невольно занесла его в копилку памяти.

4

Дальше. Дальше, но не так, как хотелось бы.

Описав этот случай, я немного слукавила. Вот опишу красиво, и хватит про дороги и машины. О других проще рассказывать, да и случай выстрелил из двустволки... К тому же, вспоминая о себе, я словно всматриваюсь в мутную воду, пытаюсь

Проза. Фантастика

рассмотреть цвет камушков на дне. И чем ближе по оси времени воспоминание, тем больше всплывает мути. Говорят, так старики помнят детство. Вот и я сподобилась.

Но если смешивать компоненты, то пропускать грех, да и немного их, компонентов.

Мне было двадцать шесть, Вальке чуть больше года, и я всё чаще оставляла её с бабушкой, стараясь вернуться к полноценной работе. Ездить приходится много, и постоянные телефонные разговоры, соседки — «мать-кукушка»... а как насчет пожар? Маме и ребёнку? Недосып, нервы и страшная, разбитая, расхлябанная осень с чернозёмом до ушей.

Помню полосы воды, полосы дворников, и знакомые всеми кочками ухабы, ещё пять минут — и Валька, а вот уже закрутило, и листья в стекло под напором ветра, и обратный отсчет в голове: секунд десять, не больше. Не удержу! Удержала. Но засела лихо, самой не выбраться.

Ливень такой, что телефон не работал. Ясное дело. Придётся идти, сапоги в багажнике. Переложила, дура. Зонт есть, но только помешает. Ещё помню: очень хотелось плакать от злости. А идти нужно. Набрала побольше воздуха, словно нырять приготовилась, да и разница-то при столь погожей осени невелика, когда в окно один раз костяшками пальцев — стук.

— Дядя Лёня?

Пришлось потрясти головой, отгоняя морок.

Но морок сел рядом, привычно почесал нос. Наполовину сухой, как под зонтом шёл, только наоборот сухой. Снизу.

— Села? А мы тут гуляем... Трос есть?

Есть.

Гуляют?..

Они вытащили меня в два счёта. Потом думала: на тракторе они, что ли, гуляли? Или средне-чернозёмная дождевая собачья упряжка? Только подцепили и вытащили. Трос дядя Лёня вернул, улыбнулся и так, полумокрым ангелом-хранителем, ушёл.

Повезло. Как далеко не всем везёт. Крестов вдоль дороги у нас не меньше, чем у другого города.

5

Вспоминая, я осознала фактор, который не позволял мне твёрже уцепиться за ось времени, превращая её в хрупкий пунктир. Я пыталась при-

вязать события к своему возрасту, каким-то запоминающимся моментам, к погоде даже, только не к главному герою своих записей. «Неприметный» — правда. И отчасти потому, что «неменяющийся».

Сначала он представлялся мне стариком, как все почти взрослые, но так и положено воспринимать мир девочке в десять лет. Затем — мужчиной в возрасте. Когда исполнилось тридцать, дядя Лёня обернулся мужчиной средних лет, а теперь, в мои сорок с хвостиком, переключался в разряд ровесников. Вроде уже Лёня. Без «дяди». А непривычно.

Но это всегда были лишь мои субъективные представления о нём. Менялась я, сосед же не затруднялся подобными мелочами. Если время и накладывало отпечаток на его внешность, то настолько ничтожный, что, не встречаясь несколько лет, я не замечала изменений.

Так что совершенно напрасно фантасты заставляют своих вечно живущих героев переезжать с места на место. Никто не бросится обличать их и раскладывать костерок напротив ратуши или памятника Ленину. Возрастных изменений человеческого сознания достаточно для изменения окружающих.

Постоянен он был и в привычках. Ежедневные прогулки, порой длящиеся с полудня до заката, проходили в любую погоду и в любое время года. С собаками или (вот оно, моё счастье!) без. Дороги, даже просёлочные, не пользовались у него успехом. Как, впрочем, и луга с полями. А вот в посадках, лесах, пролесках дядю Лёню часто видели грибники. Может быть, глухие чащобы и во все числились в фаворитах, но сведений об этом нет. А в моих воспоминаниях достаточно невольного вранья, и нет смысла разбавлять его предмерным.

Например, сама слышала, как дядю Лёню видели в двух местах одновременно, а расстояние между этими местами до десяти километров. Хотя я и про себя такое пару раз слышала. В провинции допельгангеры не редкость.

А вот то, что любил он на ночное небо смотреть, это подтвердить могу. Сама видела, и не раз. Да у многих такая привычка. Только дядя Лёня в любую погоду смотрел, есть звёзды, нет ли. Без телескопа, просто так.

Собаки... собаки стали настолько привычным аксессуаром соседа, что никого не удивляло их неправдоподобное долгожитие. Десять, пусть даже двадцать лет, но не тридцать же! Причем щенками мы их и не видели... Разумеется, есть веро-

ятность, что умершего любимца дядя Лёня прикапывал в саду, а потом тайно привозил точно такого же «остроухого», но в подобный гротеск верится с трудом. Тем более, что за исключением прогулок по близлежащим лесам, сосед ни разу не покидал города.

И ещё собак боялись. Говорят, бойся не ту собаку, которая лает, а ту, которая кусает. Так вот эти не кусали и не лаяли, являя собой олицетворение молчаливой угрозы. Такая исходит от дикого зверя, внушая обречённость. Ощущение отчуждения. Как в гиперреалистическом рисунке. Видишь яблоко и протягиваешь руку, но получишь лишь бумагу. Похоже, но не то.

О, странностей хватало. Но чтобы проанализировать их, нужно было отвлечься от повседневной рутины или обрести скукой, как бабульки-пенсионерки, существующие ради сплетен. Но таких бабулек на нашей улице не оказалось, а на других улицах хватало своих пересудов, зачем же далеко ходить?

Мой интерес к дяде Лёне объяснялся соседством и любознательностью. А причиной послужили отнюдь не его тайные дела. Причина была диаметрально противоположной — явное бездействие.

6

Этим воспоминаниям всего несколько месяцев. Менее четырех. Поэтому они даются мне с особым трудом.словно я на ощупь бреду через мутный ручей, время от времени наклоняясь за галькой, выбирая подходящую. Каждый камешек — слово. Я знаю, когда и как это было, но боюсь, что если начну описывать своё восприятие, то безнадежно искривлю произошедшее. Воспоминания, как творчество экспрессиониста — пятнами, перехлёстами эмоций, звуками! Я могу так о себе, но не о других.

Попробую написать всё на одном дыхании, знаю, что стоит отвлечься, и тщательно выстроенная система координат закрутится спиралью...

Сначала факты.

Два участка напротив меня были куплены весной одним человеком, объединены, и к лету на них шло крупномасштабное строительство. Обилие материалов, техники и людей. Шумное, многоголосое, тархтящее безумие. В вечернее время особенно сводили с ума маленькие красные погрузчики, которые верещали, сдавая назад.

Несчастье случилось днём, в субботу. Хозяин уехал, и дисциплина последовала за ним. Рабочие в основном молодые часто подшучивали друг над другом, дурачились. Вот и решили, как потом рассказывали, устроить на погрузчиках гонку с препятствиями. По пересеченной работами местности адреналина ради. На интерес. Но с азартом. Победителя оказалось определить легко — им стал выживший.

Теперь что помню: удивление (давно не слышно писка погрузчиков), крики, возрастающие по экспоненте (гонка началась и продолжилась в борьбе), мгновенная тишина (я оглохла?) и тонкий, отчаянный вопль, вонзившийся, как мне тогда показалось, в небо, а на ум сразу пришёл фильм «Пятый элемент». Помню, что вначале я почему-то застыла. Ни до, ни после (тьфу-тьфу) не слышала такого ужасного звука, но была совершенно точно уверена, инстинктом, спинным мозгом, подсознанием, не знаю, чем и как, но без тени сомнения знала — это смерть. Без вариантов. И, уже вооруженная этим знанием, полностью понимая бесполезность своего поступка, выскочила из дома. У своих ворот стоял дядя Лёня и смотрел в сторону крика. Я схватила его за руку, потащила за собой. Чтобы было хоть одно знакомое лицо, когда рядом смерть.

Помню плотное кольцо рабочих, затылки. Мечутся, кричат, тычутся. И вызвали уже и врачей и спасателей, но нет, нужно поднять, обязательно, и давайте помогать, ты зайди вон отсюда, да быстрее, быстрее, он ещё жив! И красная маленькая машина уютно лежит на боку, а из-под неё тоже красным, и вокруг пустота, словно никто не решается зайти за свят круг... А я дёргаю дядю Лёню за руку, потому что он должен помочь, поднять, потому что, потому что нужно! А он осторожно отнимает руку и уходит, и вижу, что псы ждут его на дороге. Может, он за ними? Нет, они за ним. И помню ещё злые слёзы. Да смерть, пусть, но он мог поднять, мог вытащить, потому что вытащил же он тогда меня, и не было никакого трактора.

А потом я пошла домой...

Интерес к соседу? Нет. Тогда была ярость. Он отказал в помощи умирающему. Верила ли я, что эта помощь могла спасти жизнь? Со всей откровенностью — не верила. Но с той же откровенностью признаюсь, что не понимала, как не понимаю до сих пор, его спокойного равнодушия. Как никогда не могла понять опущенные руки и покорность судьбе. Всегда есть «вдруг», и чудеса

Проза. Фантастика

происходят вне зависимости от нашей веры в них, иначе давно бы превратились в упорядоченную систему, утратив право именоваться «чудом». Я понимаю, когда, исчерпав все средства, врачи отходят от больного, но именно исчерпав, исчерпав уже после того, как перестало биться сердце, на очередной попытке вытянуть с того света. Но бросить ещё живого человека? Нет, нет, не пойму никогда.

Возможно, равнодушие было рождено страхом, думала я. По крайней мере, это логично. Станный сосед старается сохранить инкогнито и не демонстрирует некоторые свои способности при скоплении народа. Но... можно было как-то это обставить! Собаки особой породы, впряглись, перевернули... Можно. При желании. Но он не захотел. Так что же это за инкогнито такое? Впервые мне захотелось узнать. И жажда знания, помноженная на ярость, была непреодолимой.

Библиотека у нас в городе никогда, даже в советское время, не пользовалась популярностью по причине крайне скудного фонда, и любителей чтения можно было видеть в ней только один раз. А вот что там хранилось, так это старые подшивки местных газет. Для истории, для растопки ли, кто знает? Были и тридцатилетней давности. Жёлтая от старости пресса. К счастью, наша «Правда» выходила один раз в неделю и содержала один разворот, так что задохнуться в бумажной пыли мне не грозило.

Библиотекарша ястребом стояла за спиной, отслеживая каждое движение, — не до неё.

Итак. Дядя Лёня появился почти сразу после того, как мне исполнилось десять лет. Я родилась в августе, так что большая часть года отпадала. Что искала? Любую странность. Разумеется, не нашла. И только после того, как перелопачены были номера по два раза, в том числе и весь год целиком, и на всякий случай следующий, ко мне вернулась способность рассуждать. Что я хотела найти в старых советских газетах кроме надоев и речей? Сенсации? В официальной прессе? Я вас умоляю!

Всё же для применения навыков мышления следует иметь как минимум ясную голову. Нужен другой источник информации.

Сайт нашего города с начала создания существовал худо-бедно. А всё поинтереснее, нежели «Правда». Я не слишком хорошо разбираюсь в подобных вещах, но запутаться в скудных потоках сведений мне не грозило. «Воспоминания старо-

жилов» отыскивались довольно быстро, туда и моя мама как-то писала. То есть писал, конечно, мальчик-репортёр, но с её слов. Это была самая популярная рубрика на всём сайте, поскольку старички порой резали правду-матку, и весьма рьяную.

Большинство рассказов было о войне или о сравнении прошлой и нынешней жизни, причём по последнему вопросу велась переходящая на личности полемика. Что лучше: кушать мало, но настоящей колбасы или прятать самиздат в шкафу? Вечные вопросы, право слово. В одном из таких споров и нашла я единственное упоминание о «странности», относящейся к интересующему меня периоду.

В рамках дискуссии на тему «и погода сейчас не та, что прежде» некий старожил призывал не впадать в маразм, а вспомнить об «аномалиях», имеющих место и в прошлые годы. И как пример приводил выпавший в августе 1980 года снег. Мол, не просто выпал да растаял, а «лежал весь день, люди по колено вязли, а ничего не помёрзло». Что-то в этом духе.

Имело ли это отношение к дяде Лёне? Неизвестно, но ничего больше я всё равно не нашла.

7

Перечитала сложенную мозаику предыдущих абзацев и подумала: правильно ли выложены узоры? Может быть, это случилось в воскресенье? Или по воскресеньям библиотека не работала? И насчёт красного пятна вокруг погрузчика не уверена. И насчет безапелляционно приведённой мной цитаты. Потом искала её на сайте, не нашла... Но была смерть, и был дядя Лёня, который ушёл, и ждали его три пса. И библиотечная пыль, без сомнения, была.

Хотелось бы списать все эти сомнения на потрясение или шок. Частично — вполне возможно, но не полностью.

Во время нашего второго, уникального для дяди Лёни по откровенности разговора, я тоже оказалась на высоте. Дядя Лёня сидел, я же разговаривала стоя...

Зашла к соседу через день (понедельник или вторник?), вечером, когда поняла, что мне необходимо поговорить начистоту. Ведь даже не здоровалась, симулируя невнимательность...

Дверь нараспашку, летний полумрак, свет не включен, перед дядей Лёней ноутбук внутренно-

стями наружу. Собаки у ног. Увидели меня, встали молча. Закончив рассматривать какую-то деталь, поднял глаза их хозяин.

— Добрый вечер.

Но мне было не до любезностей. Они понижают уровень адреналина, необходимого на поле боя.

— Почему вы не помогли бедному мальчику?

— Почему я должен был ему помогать?

Хороший вопрос, но только если бы я рассуждала логически, как собиралась.

— Вы могли помочь ему, знаю, что могли, но предпочли уйти! Вам настолько наплевать на человеческую жизнь? Или побоялись?

— Помочь ему я не мог, — дядя Лёня почесал нос. — Да и никто не мог. И ещё не могу понять: чего вы от меня ждали и чего хотите теперь?

— Я хочу, — сделала несколько шагов вперед, и псы дали мне дорогу, — я хочу, чтобы вы объяснили, почему не освободили его от тяжести машины? Вдруг, только подумайте, вдруг его могли спасти? Вы испугались, да? Испугались, что навредите себе?

— Присядете? Нет? Хорошо. Ну, во-первых, я понятия не имел, будто должен поднять погрузчик. Зачем? Согласитесь, это совершенно бессмысленно. Мальчик уже был мёртв, знаете такое выражение «травмы, не совместимые с жизнью»? Если бы я что-то предпринял, хотя это сложно предположить, то лишь помешал бы специалистам делать своё дело. Приехали же спасители, врачи, полиция... А во-вторых, я не испугался. Мертвецов и умирающих не боюсь, да и живых не очень... Но вот вы, вы удивили меня. Я видел вас — вы знали, что мальчика спасти нельзя. И не только вы. Но пытались что-то сделать. Зачем это вам нужно?

И смотрел с таким искренним любопытством, что весь мой гнев куда-то делся. Более того — я растерялась.

— Зачем? Скорее, почему, — и улыбнулась, чего от себя не ожидала. — Потому что смириться со смертью не легко. Вот и приходится бороться до конца. Наверное, так.

— Наверное... — задумчиво протянул дядя Лёня. — Но это глупо. Глупо, знаете ли, бороться с неизбежностью. Знаете, если вы не понимаете меня, то я не понимаю вас. Когда я вижу, что могу что-то починить, то обязательно чиню. Но есть ситуации, перед которыми я бессилён. Зачем же тратить на них время?

Это было так странно. Человек, которого я с детства называла про себя не иначе как «мастер по безделушкам», говорит мне о смысле и пользе потраченного времени.

А что делаю я?..

У меня возникло ощущение, что я объясняю рыбе, как дышать воздухом. Рыбе очень интересно, она даже высунулась из воды. Вплоть до жабр. Но не настолько, чтобы вылезти полностью. А я не готова нырнуть к ней.

— А мы тратим, — удручающе банальное признание. — Время и нервы и много-много слов... У вас интересная философия. Не новая, но чуждая мне. Я-то решила, что вы просто струсили, и мертвецы здесь не при чём. Испугались, что люди поймут, кто вы на самом деле.

Дядя Лёня отодвинулся от стола вместе со стулом, чуть заворчали псы.

— А кто я на самом деле?

— Не знаю. Но не обычный человек с обычными собаками. Думаю, вы владеете какими-то технологиями, неизвестными большинству из нас. А вот откуда это знание — тут можно гадать без конца. Я не сторонница теорий заговора, не верю в инопланетян или пришельцев из будущего. Хотя в данном случае может и зря? — думала, он рассмеётся, и ошиблась. Не рассмеялся. Не удивился. Нос по привычке почесал, вот и вся реакция. — Вряд ли вы мне, конечно, скажете.

— Ну, если боюсь, то конечно не скажу. Или у меня есть иные причины не говорить, помимо страха. Или я сам не знаю, кто я. Вы могли бы во что-то такое поверить?

— Поверить — нет. Я потребую доказательств. А вот представить — да, могу. У меня богатая фантазия. Но слишком это...

— Надуманно?

— Бессмысленно.

— Вот видите, вы тоже стали искать смысл.

— Хорошо не жизни, — буркнула я. И это, по сути, автоматическое замечание, паразитирующее словосочетание, позволило осознать, что меня больше (уже? и когда только успела?) не интересует, почему он не помог. Не потому, что узнала ответ, а просто — безразлично. Дядя Лёня, которого я видела почти каждый день в течение долгих лет, был гораздо, в разы интереснее любого умершего мальчишки. И собственная бесчеловечность, выросшая на фундаменте любопытства, показалась мне омерзительной. Нет, не показалась. Была.

— Жизни? Зачем? — опять искренне удивился сосед. Риторически. Ответа не ждал, не интересовал его ответ.

А я очень хотела задать много вопросов, но видела, что для себя дядя Лёня всё выяснил и уже

Художник Оскарова Надежда

отгородился улыбкой, а затем тишиной, и склонился над ноутбуком, готовый заняться более интересным и нужным делом... Но почему бы не попробовать ещё один, интуитивный?

— Скажите, а что вы сделали, когда остроухие повели вас домой со стройки?

— Я сделал тостер.

Что ж, это имело и смысл, и логичный финал.

С порога я обернулась и показала на собак.

— Назовите хотя бы одну из них Серым Братом. Это будет совсем не глупо, поверьте.

Дядя Лёня почесал нос и промолчал.

Это была наша последняя беседа. Я получила ответы на вопросы, которые задала, и не получила на те, которые не задала. Всё верно. Разве не так было задумано?

Некоторая степень определённости — вот что стало результатом этого разговора.

8

Вы пытались когда-нибудь записать разговор с человеком, пусть даже он, разговор, состоялся только вчера? Да что вчера, сразу, как только закончился? Попробуйте. И, скорее всего, поймёте, что способны лишь на общие предложения, упрощённые, да ещё и записанные вашим языком.

А если вы ждёте каких-то определенных ответов или реакции, то вне зависимости оттого, что услышите или увидите, воспримите не так, как хотел бы оппонент.

Ну, по крайней мере, со мной именно так. Этот разговор я переписывала три раза, добавляя и убирая фразы, но не поручусь за истинность какой-то из них.

Сломанный конструктор, право слово...

Например, выходит из записи, что дядя Лёня сразу понял, о ком идёт речь, но так ли это было? И кажется уже, что пришлось объяснять, о каком «бедном мальчике» я говорю... Тем не менее именно так написать показалось мне правильным. Так в какую сторону открыта дверь?

А вот окна у дяди Лёни были открыты настежь, и в промежуток между ветвями деревьев я видела из своего дома, как порой он откладывает работу и замирает, глядя в небо.

И когда один из псов поднялся на задние лапы, так, что я увидела его, в поиске ласки ткнувшегося в грудь хозяину, в шаткую этажерку моей памяти прочно вклинилась фантазия: дядя Лёня крепко прижимает собаку к себе, запускает ей в глотку руку и достаёт нужную деталь для ноутбука... Но ничего такого не было. За это могу ручаться.

Прелесть моего положения в том, что я вольна как угодно плутать по заданной мною же системе координат, по настроению придумывая и встраивая факты, не опасаясь обвинений в лживости. А недостаток моего положения в том, что, будучи полностью свободной впервые в жизни, я не хочу воспользоваться этой свободой. Она мне попросту не нужна. Впору сесть в позу Мыслителя и изречь что-то вроде: мы имеем только то, что нам не нужно.

Я хочу быть настолько правдивой, насколько способна. Пусть наваленные в кучу факты. Пусть я знаю удручающе мало. Но это всё, что могу предложить, и на что могу рассчитывать. Ничего сверх мне узнать уже не дано. Потому что история подошла к концу, а мне осталось добавить две вещи о самом значительном событии в моей жизни...

Видите ли, дети, семья, работа, все кирпичики, из которых и ради которых складывалось моё бытие, так незаметны в общей кладке... Меня никто не запомнит. И в общем-то правильно. Зачем меня помнить? Изменяясь с возрастом, я в конечном итоге остаюсь незаметнее, чем дядя Лёня. Всё чаще размышляю, что он хотел сказать своим «зачем?» о смысле жизни. Его нет и искать бессмысленно? Он настолько ясен, что не подлежит поиску? Я и не хочу искать. И знать, каков он — тоже. Есть или нет было бы вполне достаточно для меня. Опять поза Мыслителя?

В любом случае, перешагнув через половину жизни (давно перешагнув, скорее всего), я осознала, что знаю только одного человека, которого стоило бы помнить. Кирпичик другого цвета. Мой странный сосед дядя Лёня. Совсем не большинство. Знакомство с ним и есть самое значительное событие в моей жизни. Я никогда не узнаю, кто он или откуда. Никогда не пойму мотивов его действий. Иногда я думаю, может, переходя из леса в лес, он путешествовал по всему миру или даже во времени? А не зажигал в темноте свет, чтобы лучше видеть небо, в котором искал что-то знакомое и родное? Или скрывался от людей в чёрном, поскольку своей помощью (бегством, жизнью) нарушил пунктов «цать» тайных всемирных законов?

Предположения бесконечны, в отличие от моей памяти.

Что я хотела сказать?

Первая вещь — это то, что, несмотря на жаркий август, на следующий день после нашего разговора выпал снег и замёл весь город до невозможности открыть двери. Выпал и не растаял, а лежал весь день, и люди по колено вязли, а ничего не помёрзло.

А вторая — дядя Лёня исчез. Пропал вместе с псами. И ни одной вещи от него не осталось. Пару дней приходили к нему за своими вещами, новые приносили. Свои забирали, отремонтированные и сложенные вдоль стены дома. Ну а новые забирать некому было. Через неделю сад зарос сорняками так, словно и не ухаживали за ним. Ещё через неделю и дом стал казаться совсем заброшенным, нежилым. А через месяц и сам дядя Лёня забылся. Вспоминали, был какой-то мастер по безделушкам, а кто и куда делся? И где, собственно, был?

Та штуковина, для закручивания банок, потерялась давно, а вчера я искала, но не нашла старый мамин фен. Тогда и решила записать, что помню. Пока помню. Пока дверь открывается внутрь, а не наружу, пока я не обрела окончательную твёрдость в трактовке событий. За твёрдостью придёт забвение, иначе никак.

Возможно, я уже единственная, кто может засвидетельствовать существование моего бывшего соседа, и только оттого, что прожила рядом с ним дольше, чем все остальные. Возможно, его существование и все порождённые им вопросы и ответы — всё это не важно и никого не заинтересует, и не интересовало никого, кроме меня. И зачем это нужно мне, я тоже не знаю, просто чувствую, что нельзя примириться с этим забвением, и трачу время и нервы, и много-много слов, за правдивость которых не ручаюсь...

Если же совсем забуду про дверь, забуду о существовании этих заметок или потеряю их, то вот:

записи сделаны Татьяной Ивановной Поповой в ночь с 30 на 31 октября 2013 года.

Или, вернее, «когда забуду»? И, сделав наконец-то в доме камин, пушу их на растопку, в числе прочего ненужного бумажного хлама».

И улыбка как жалюзи — щёлк.

Оскарова Надежда

writercenter.ru/profile/oskarova/whois/
samlib.ru/n/nadezhda_o/

Жарисуй мне радугу

Игорь Книга

Витька брёл домой.

Очередная порция «хороших» отметок в школе заставляла его останавливаться, вздыхать, предаваться размышлениям, сочинять оправдательную речь. Особенно за двойки ругала мать, постоянно напоминая, что он обязательно должен поступить в хороший ВУЗ, стать классным специалистом, а не каким-нибудь там чернорабочим. Витька при этом молчал, глядя в одну точку где-нибудь на потолке. А отец делал вид, что его это не касается.

— Получишь диплом и станешь уважаемым, востребованным спецом: менеджером, экономистом или программистом. Да, сынок? — мать говорила ласково, хотя в любой момент могла «взорваться».

— Да. Пап вон два диплома имеет, а торгует рыбой на рынке, — как-то не выдержал Витька.

— Потому что твой пап не сумел найти применение своим знаниям в новых экономических условиях, — невозмутимо парировала мать, искоса метнув испепеляющий взгляд в мужа.

— Не сумел, но семью кормить таки нужно, — пробурчал отец, скрывшись на кухне.

— А я сумею? — вопрос ребенка застал мать врасплох. Она вздохнула и тоже ушла на кухню.

А Витька весь вечер думал. Думал о том, нужны ли ему физика с математикой и все остальные предметы, без знания которых можно торговать на

рынке, работать на стройке или ещё где-нибудь. Да где угодно! А диплом и купить не сложно.

— Двойку, небось, схлопотал? — голос почтальона заставил мальчика вздрогнуть. Мужчина остановил велосипед, открыл сумку, а потом протянул Витьке светло-желтый конверт.

— Письмецо твоей маме из соцслужбы. Держи.

Мальчик молча сунул конверт в карман и побрёл дальше.

— Да не расстраивайся, будет еще на твоей улице праздник.

Почтальон проскрипел педалями мимо, подняв пыль на дороге. А Витька и не расстраивался: привык не вешать нос из-за плохих оценок. Пустяковые это проблемы, как говорил отец. Правда, он совсем о другом говорил.

Мальчик зашел во двор и остановился. Серые девятиэтажки за то время, пока он был в школе никак не изменились. «Хоть бы метеорит какой с неба свалился», — подумал Витька и решил передохнуть на скамейке рядом с песочницей. Обычно там бегала толпа малышни, рядом сидели мамы, бабушки, стояли коляски. Но не сегодня. Сегодня в песке копались двое: Сашка и Олег. И, судя по всему, что-то строили.

— Привет, малявки! — Витька подошёл бесшумно и тяжело опустился на скамейку.

— Привет, — ответил Сашка, даже не обернувшись, продолжая строить крепость.

Художник Бобровская Ира

— Серьезная у вас работа, — пошутил Витька, достав и откупорив бутылку «Колы». — Жажда не мучает?

Дети оторвались от стройки и по очереди отхлебнули из бутылки.

— Спасибо. А ты двойку, наверное, получил? — поинтересовался Олег, присаживаясь рядом.

— Наверное, — Витька похлопал мальчика по плечу. — Вот пойдешь осенью в школу — узнаешь, что это такое.

— А я не пойду, — Олег прищурился и захихикал, Сашка следом за ним.

— Пойдешь, как миленький. Все ходят в школу. Витька часто заглядывал на песочницу. Утром,

когда шёл в школу, и вечером, когда возвращался домой. Здесь можно было спокойно посидеть, подумать, не выслушивая родительских наставлений и нравочений. Дети беззаботно играли, строили песочные замки, и Витька даже в тайне им завидовал. Ведь когда-то и сам таким был.

— А к нам тут принцесса приходила, — важно произнёс Сашка, разрывая песок. — С другой планеты.

— Даже из другой галактики, — добавил Олег, глядя на Витьку.

Витька уже готов был отшутиться, но взгляд у Олежки какой-то странный и уж слишком серьезный.

Проза. Фантастика

— За принцессу — спасибо, — неожиданно раздался девичий голос слева и все трое повернули головы.

Рядом стояла девочка, по возрасту почти как семиклассник Витька. Одета только странновато: длинное серо-голубое вязаное платье, светлые волосы скреплены алым бантом, на ногах такого же цвета туфельки.

— А вам здравствуйте, юный школьник, — звонким голоском добавила незнакомка.

Витька глянул на пацанов: те лишь развели руками.

— И вам, — машинально ответил мальчик, соображая, как девочка могла так незаметно и неслышно подойти.

— Вы не пугайтесь, меня тут нет, это голограмма. Видят ее лишь те, кто находится в непосредственной близости, — девочка говорила серьезно с каким-то необычным «металлическим» акцентом. — Ах да. Вы слышите моего персонального переводчика, поэтому звук немного странный для вашего слуха.

Только сейчас Витька заметил, что изображение незнакомки чуть размытое и как будто дрожит. Мальчик подошел ближе и протянул руку:

— Я Витька.

Девочка улыбнулась, протянув ладонь в ответ:

— Очень приятно, а меня можете называть Мира. На самом деле моё имя не такое простое и звучит по-другому, но на вашем языке лучше так.

Их ладони встретились, Витька тут же отдернул руку: его как будто слегка ударило током.

— Мира от слова мир! — блеснул эрудицией Сашка.

— Верно, — подтвердила девочка. — У меня сейчас каникулы, мама взяла с собой в галактическую разведку. Когда мы летаем по дальним мирам, мне разрешают общаться с детьми некоторых планет, ваша в их числе.

И тут у Витьки zakралось сомнение: в XXI веке наука и техника шагнули очень далеко вперед и вполне возможно, что кто-то их разыгрывает. Где-нибудь неподалеку установил голопроектор и сейчас хохочет от души.

— А чем докажешь, что ты с другой планеты? — вопрос Витьки застал Миру врасплох. Девочка задумалась, не зная, что вот так сразу ответить.

— Ага, — поддержал разговор Сашка. — Покажи нам что-нибудь инопланетное: бластер или машину времени.

Олег засмеялся, Сашка следом.

— Я читала историю вашей планеты, Земли.

Бластеров у нас нет, и вообще оружия нет. А машины времени наша наука не создала, хотя перемещения во времени случаются. Но вы вряд ли поймете, ведь ваша планета еще не достигла уровня «четыре».

Сашка, Олег, а с ними и Витька нахмурились, и теперь Мира рассмеялась.

— Мы недоразвитые? — поинтересовался семиклассник

— Нет. Просто вы немного отстаёте от нас и других планет Содружества. Но мама говорит, что еще при нашей жизни вы сможете достигнуть «четверки».

— Ага, достигнем, — вздохнул Витька. — Особенно с моими оценками по физике и математике.

— Так всё плохо? — сочувственно поинтересовалась девочка.

— Хуже не бывает, — школьник присел на скамью и окинул взглядом двор: нигде никого, никто даже не подойдет и никто не узнает о контакте с инопланетянкой. Если, конечно, их не разыгрывают.

— У меня ничего необычного нет, а показывать наши научные достижения мама не разрешает, — словно услышав мысли Витьки, произнесла Мира. — Я вот сейчас к конкурсу светового рисунка готовлюсь, но вас этим не удивишь, ведь световые карандаши придумали давно.

— Какие световые карандаши? — оживился Сашка. — У нас таких нет. Покажешь?

Девочка хмыкнула, достала из кармашка маленькую жёлтую коробочку и открыла: внутри лежали семь разноцветных, похожих на фломастеры стержней. Или карандашей.

Мира достала один и провела по воздуху: появилась яркая фиолетовая полоса.

— Ух ты! — в один голос воскликнули Сашка и Олег, аж подпрыгнув на скамейке.

— А стирать вот так, — девочка провела рукой по полосе и она исчезла. — Странно, что у вас таких ещё нет. Я смотрела историю Земли: должны быть, поэтому мама разрешила взять с собой.

— Может, где-то и есть, — высказал предположение Витька, — начиная верить, что это не розыгрыш. — Только до нас ещё не дошли.

— Ой! Мне кажется пора: время трансляции ограничено. Спасибо вам за интересную беседу, постараюсь появиться ровно через ваши сутки здесь же.

Изображение Миры несколько раз мигнуло, стало расплывчатым и исчезло. Дети некоторое время сидели молча.

— Вот ведь, кому скажи — не поверят, — пробормотал Сашка.

— А ты никому не говори, — Витька поднялся со скамейки и закинул рюкзачок на плечо. — Пока, малявки. До следующего сеанса связи с дальней галактикой.

Витька хитро подмигнул и направился к подъезду, вспомнив, что нужно придумать оправдание очередной порции доек. Но на этот раз оправдание не понадобилось.

Открыв дверь, мальчик увидел стоящего с мрачным выражением лица отца и уже хотел начать рассказ, но тот молча повернулся и ушёл к себе в комнату. Витька разулся, осторожно заглянул в гостиную: телевизор работал — шёл какой-то сериал, мать дремала на диване, укрывшись пледом.

— Мам, письмо из соцслужбы, — Витька протянул матери конверт, стараясь не смотреть в глаза.

— Вить, я приболела. Ты там, на кухне, сам управься, поешь, как следует, потом сделай уроки. Меня не буди.

Мать повернулась на другой бок, накрывшись пледом с головой, а Витька молча зашёл в свою комнату. Письмо бросил на стол. После встречи с инопланетянкой даже Интернет померк в глазах мальчика, стал менее значительным, неинтересным. Чувствуя вину перед родителями за полученные двойки, Витька твёрдо решил посвятить вечер алгебре и физике. С чего начнём? Орёл — физика, решка — алгебра. Мальчик подбросил монету — выпал орёл.

Витька раз за разом перечитывал параграф, но знания упорно не хотели лезть в голову. Еще чуть погодя он вдруг понял, что думает совсем о другом. Он ждёт следующей встречи с незнакомкой из далёкой галактики...

А метеорит всё-таки упал. На следующий день и как раз во время урока физики. Бабахнуло где-то вдалеке, ударная волна прокатилась по городу, по выбивав стекла в домах. В городе объявили чрезвычайное положение, школьников отпустили домой.

Витька быстро шёл по тротуару, переживая, как там дома, и в этот момент неожиданно появилась она.

— Мира? — удивился мальчик. — Но ты говорила, что через сутки в том же месте.

— Да. Но у нас произошли изменения в маршруте полёта. Поэтому я вычислила, где ты будешь в текущий момент, и направила голограмму сюда.

Мира грустно смотрела на мальчика, и Витька понял: эта встреча последняя.

— А у нас тут метеорит неподалёку упал. Стёкла повыбивало, есть раненые. Мои не пострадали: дома никого не было.

— У вас еще нет противометеоритной защиты. Но появится, в будущем, — девочка попыталась улыбнуться.

— А когда в будущем, тебе, конечно, говорить нельзя, — закончил за неё фразу Витька. — И откуда ты знаешь о будущем? Ведь машины времени не существует.

— Когда мы летаем на большие расстояния, то используем квантово-градиентные скачки, при которых происходит смещение. Эта область нами еще недостаточно изучена, но мама говорит, что вопрос лишь некоторого времени. Ещё при нашей жизни сможем корректировать и управлять временной составляющей.

— Везет вам, — вздохнул Витька. — Живете в интересной галактике, летаете, куда хотите, общаетесь с инопланетянами, путешествуете во времени. А у нас серость, скука, родители думают, как прожить от одной зарплаты до другой, как пристроить меня в институт. Я думаю, как побыстрее вырасти и начать самому зарабатывать деньги.

Витька прислонился к дереву и мечтательно посмотрел на небо.

— Вот метеорит упал — может быть, самое значимое событие за сто лет, за всю мою жизнь.

— Не самое, — девочка улыбнулась. — Я не только попрощаться, но и кое-что тебе сказать. Только ты никому-никому об этом. Договорились?

Мальчик оглянулся по сторонам и удивленно уставился на Миру.

— Договорились ...

***

Витька подошёл к песочнице. Олег и Сашка всё так же сосредоточенно возводили замок. Теперь уже другой: вчерашний кто-то ночью растоптал.

— Привет, малявки.

Дети обернулись, но почему-то промолчали.

— Сказали, что тебя стеклом сильно поранило, ты лежишь в больнице, и мы сидим, думаем, как тебя найти, — растерянно произнёс Сашка.

Витька присел на скамейку.

— Мимо, — засмеялся семиклассник. — Метеорит мимо пролетел, только чуть чиркнул по воротнику. — Мира не придёт больше. Не сможет.

Взгляд Витьки помрачнел, мальчик горестно вздохнул.

Художник Бобровская Ира

— Жаль, — расстроился Сашка, присев рядом.
— А у меня сегодня день рождения. Только праздника не будет: отца срочно вызвали на службу, а мать уехала к бабушке — ему плохо стало. Вот сижу, строю замки.

Витька легонько хлопнул ребенка по плечу.

— День рождения, говоришь. И сколько тебе?

— Семь, — мальчик улыбнулся. — Осенью постою в школу.

— Ну, раз день рождения и семь, то держи, — Витька протянул маленькую жёлтую коробочку.

Сашка удивленно открыл рот.

— Ведь это же... Ведь такая была ... А как, как она передала? Ведь она была голограммой!

От неожиданности Сашка не мог подобрать правильных слов. Ребенок открыл крышку: внутри семь разноцветных стержней. Или карандашей.

— Я обещал Маре всё держать в тайне, никому не болтать. Она без разрешения воспользовалась телепортатором и передала карандаши. А поскольку я уже взрослый, то дарю их тебе. Рисуйте, малявки.

Витька засмеялся, а Сашка попытался провести линию в воздухе. Но ничего не получилось.

— Нужно немного сжать пальцами стержень. Чем сильнее сожмёшь — тем ярче линия.

В воздухе появилась ярко-красная светящаяся полоса.

— Ух ты! — не выдержал Олег. — Дай и мне тоже.

Красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Семь ярких полосок неожиданно слились вместе, в воздухе заискрилась настоящая радуга.

— Да, — одновременно выдохнули дети. — Вот здорово!

— Мне еще никто такого подарка не делал, — в глазах Сашки появились слёзы.

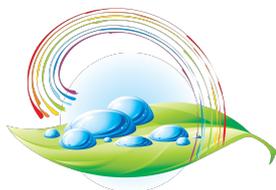
— Рисуй, создавай, твори, — по-отечески произнес Витька и поднялся со скамейки. — А мне домой пора. Сделать нужно много...

Мальчик с важным видом забросил рюкзачок на плечо и зашагал к подъезду.

— Будет скучно — заглядывай к нам, — донеслось вслед с песочницы, но Витька лишь махнул рукой.

И сделать ему нужно не просто много, а очень много. Обязательно разобраться с алгеброй, геометрией, особенно физикой. И нет другого пути. Ведь это он Витька, Виктор Воронин через пятнадцать лет создаст теорию световой графики. Именно он подарит детям Земли световые карандаши.

И тогда на каждой улице, в каждом дворе, в каждом доме засияет радуга..

Игорь Книга (Garry Book)

writercenter.ru/profile/harrybook/whois/

Художник Бобровская Ира

illustrators.ru/users/bobrovskaya

Руизу и лабиринт

Авестас

...Какая аварийная посадка?! Что происходит!... Сине-серый шар в иллюминаторе бешено надвигается справа. Красным мигает надпись на потолке, вою тревоги в такт. Пальцы послушно натягивают шлем, но еле гнутся.

Голос пилота пробивается по внутренней связи:

— ... Народ, входим в атмосферу... потрясёт...

Трясёт так, что приходится сжимать челюсти. Корабль бьётся, как в лихорадке. Мигает в салоне свет. Петюня рядом бледный от ужаса, губы беззвучно шепчут... Ищу взглядом старшего. Тот смотрит в ответ и отворачивается, губы сжаты.

Сине-серый шар уже не шар — огромная плоскость, летит прямо на нас! Гул, рёв... Вспышка на левом крыле. Нас разворачивает, вертит, быстрее, быстрее, мы падаем!.. Вжимаюсь в кресло спиной, чтобы слиться, исчезнуть... И-и толчок, рывок вверх! Невероятным усилием открываю глаза и дышу, дышу... Потом, не торопясь, спускаю ноги и сажусь на кровати. И только тогда выключаю верещащий всё это время будильник.

— Не отпускает тебя та авария? — Артур развил такую скорость по коридору, что я еле поспевал. Приходилось маневрировать меж спящих роботов-ремонтников и пару раз чуть не прыгать через грузовые платформы. Впрочем, не привыкать: сейчас на всех пересадочных станциях работают машины. На нашей из людей — мы с Артуром, диспетчер да в ангаре человек пять.

Артур — добряк, о моём опоздании ни слова. Хоть на наручном вифоне у меня пятнадцать его пропущенных вызовов, а катер со мной на борту должен был отчалить полчаса назад. Накануне вылетов на Минкору всегда так: воспоминания

выбивают из колеи, норовят перекрыть действительность.

Как истый координатор полётов Артур ухитрился листать голотаблицу с расписаниями на ходу. Та роилась у него перед глазами, цифры под пальцами сновали вверх-вниз. Ещё и меня настраивал:

— Не подведи, Андрюх — госзаказ всё-таки. Заинтересовались они там наверху твоими историями о поющих камнях с XZ-3. Ну, ты её Минкорой называешь.

— Кричащих.

— Всё равно. Профессора-физика прислали прямо из Академии. Группа сопровождения — не частники, космофлот самый натуральный. Восемь-ро вояк с капитаном, каково?

— На борту уже?

— Группа — да, мы — тебя ждали. — Артур погасил таблицу и притормозил: дверь в рубку медлила, прежде чем отъехать. — Ты, если не в форме, молчи, я тебя сам представлю. Эх, времени мало...

***

— ... Времени нет! Мы уже сутки потеряли на этой чёртовой планете! Встреча с деловыми партнёрами завтра, и если не успеем... Ты хоть понимаешь, какой контракт может сорваться? Сделка всей жизни!..

— И что я могу? — Пилот вынырнул из технического отсека. — Генератор в порядке, проводка цела, а сигнала всё равно нет.

— Ну так проверь ещё раз! За что вам платят? Тебе и транспортной компании вашей. А чёрт... — Я бессильно пнул опору под брюхом корабля.

Художник Лев Елена

Ветер гнал пыль, сухую серую пыль. Забивал её в уши, в нос, кидал за шиворот. Навязчивым мазевом чернели скалы на горизонте — как только при посадке не зацепили. Боже, как мы падали...

Пустота, засасывающая вниз... Ф-фу — передёрнуло. Оба наших сопровожданца-частника философски курили в тени обуглившегося крыла, поглядывая вдаль. Круглолицый, в очочках, Петюня, мой

Проза. Фантастика

партнёр, устроился на земле, привалившись спиной к опоре, и преспокойно поедал сухпаёк, запивая водой из бутылки. Мне бы такую тупость...

— Пошли сигнал ещё раз. — Я постучал по борту рядом с люком, откуда торчали ноги пилота. — Давай, дружище, ещё разок, пошли SOS.

Он медленно выбрался, пот стекал по его лицу:

— Слушай, отстань. Тридцать раз посылал...

— Ну так пошли в тридцать первый!..

Договорить мне не дали — сгребли за шиворот и припечатали спиной к опоре. Перед глазами возникло лицо Олега — старшего группы сопровождения:

— Слушай сюда, коммерсант. Хорошо слушай. Я нанялся к твоему шефу доставить тебя на эту чёртову встречу. В полной, значит, сохранности. И я тебя туда, сука, доставлю. Если ты, истеричка, мешать нам не будешь. Человек с машиной возится, как умеет, и ты к нему не лезь. Делаем так: он с этого боку корабля, ты — с того, и кто сейчас слово скажет, тому лично выпишу. Уразумел?

И отпустил. Один из сопровождаемых насмешливо подмигнул и стрельнул бычком в землю.

Олег прошёл вдоль борта, остановился возле Петюни. Взял у него бутылку с водой, встряхнул, посмотрел, сколько осталось. И вернул:

— Не налегай на воду, толстяк. Неизвестно, сколько нам тут сидеть ещё...

***

— А... Андрей? Всё в порядке? — Низенький человек смотрит испуганно, вокруг — знакомая рубка: кресла, голоэкраны...

— В полнейшем! — Ответил за меня Артур. Бодро хлопнув при том по спине. — Будьте покойны. Это перед вылетом. Просто у нашего путешественника отношения с XZ-3 свои, особые. Встреча их первая была, скажем... специфичной. Андрей ведь не всегда проводником работал. Так что иногда он, бывает, немножко... мыслями там, в прошлом. Но проводника лучше не найдёте. Знакомьтесь бегом: Евгений, профессор физики. В экспедиции — за научную часть.

Профессор, низенький, со снежирёвым румянцем, подуспокоился, смотрел уже с любопытством. Мою ладонь в перчатке пожал недоумённо, но от вопросов удержался.

— Капитан Аваров Максим. Будет отвечать за вашу безопасность.

Рукопожатие капитана было крепким, пытливые глаза обежали взглядом, оценили, что-то прикинули.

— Раз собрались, — инициативу он взял мягко, но категорично, — может, на посадку? Надо идти...

***

— ... Надо идти, коммерсант! Подъём! — Олег тряс меня за плечо. — Вставай, слышишь?

— А?.. — Как же трудно поднимать голову. Всё плывёт: треклятые скалы, ручейки серой пыли, спины наших... Спины! Сопровожденцы с "лучевиками" наперевес и пилот уже далеко. Петюня мнётся поблизости, под мышкой — пальто и бутылка с водой. Значит, решились.

— Я не пойду. — От сухости во рту язык еле шевелится.

— Пойдёшь, пойдёшь. — Олег сграбастал меня в охапку, пытаюсь поднять. Я отбивался, шипел, словно кот. Сил было мало, но сдаваться я не собирался. Наконец ему надоело — ругнулся и отпустил:

— Чёрт с тобой, пропадай здесь. Жди, пока не сдохнешь. За девять дней на наш SOS ни одна собака не ответила, вода на исходе... Жди.

Его шаги удаляются. Вижу его ноги, затем спину. Рядом маячит спина Петюни. Закрываю глаза. Тишина. Ветер шуршит пылью, несёт её дорожками, отекая вокруг скал...

Снова шаги. Ноги Олега подходят, останавливаются вплотную. "Лучевик" утыкается мне в колено, мигает зелёным и тихонько взывает, давая понять, что включен. Голос старшего спокоен:

— Считаю до трёх. Если на "три" не встаёшь, стреляю тебе в ногу. Сидеть с прожжённым коленом будет вдвойне веселей. Раз.

Я не двигаюсь. Разогретая за день опора греет спину, не отпускает, говорит, что всё будет хорошо, нужно только ещё подождать, здесь, у корабля, родного и безопасного, что непременно найдут...

— Два.

"Лучевик" мигает красным — снят с предохранителя. Как я не заметил раньше, что на корабле стало по-особому тихо. По-мёртвому тихо. Не слышно шагов, голосов, нет движения. От корабля осталась лишь оболочка. Корабль умер...

Раньше, чем Олег сказал "три", моя рука зашарила, ища точку опоры. Вставить было трудно: пыли вокруг намело целый сугроб...

***

Кабина транспортёра дрогнула на ходу. Артур поморщился, снова гоняя пальцами цифры в таблице:

— Танкер. Пристыковываются, как вслепую.

Я улучил момент, когда капитан с профессором обсуждали что-то в дальнем углу, придвинулся к Артуру:

— Передал наверх?

— Передал. — Он тоже перешёл на шёпот. — Ты ожидал эффекта? Что я мог им сказать? Что сезон дождей может начаться раньше и накрыть экспедицию? Метеопрогнозы другие. А приметы твои — ночной воздух, гул ветра в скалах... что ты там ещё наблюдал на XZ-3 в последнюю вылазку... Извини, не аргумент. Здесь аппаратура, электроника.

— Но Аваров при разговоре был?

— Капитан? Был, ясно. Сказал, что против задержки — они с оборудованием через неделю нужны где-то ещё. — Артур вздохнул, свернул таблицу и устало потёр лоб. — Андрюх, я тебе верю. И планету ты лучше знаешь — каждую вылазку туда мотаешься. Хоть перед тем тебе башку всегда наизнанку выворачивает, но я же вижу: ты без вылазок этих жить не можешь. Кто ещё будет пять лет бессменно торчать при XZ-3 на нашей железке, и чтоб на Землю даже в отпуск не слетать. Но как я им...

Кабина дрогнула снова, свет мигнул и погас...

***

... Темнота. Свет вифона скачет в такт бегу, выхватывая куски пещерных стен. Низкий, давящий потолок. Воздуха мало, лёгкие работают, как меха. Пот течёт в глаза и за шиворот. Кто-то стонет рядом. Кажется, Петюня. Где наш сопровождаец с фонарём? Он же был впереди...

— Боже... Где мы уже? — Голос Петюни переходит во всхлипывания. — Они... эти, они где? Ещё нас преследуют? Боже, чья была идея ночевать в пещере...

Чья была идея оставить корабль... Частое "пау" "лучевиков" доносится сзади, вспышки озаряют ход. И другие звуки — присвист с клёкотом... Скорей! Протискиваюсь в узкую щель. Камень давит сверху, грозитя расплющить... Вдруг пол осыпается, кубарем лечу в темноту. И приземляюсь как раз возле ног сопровождаенца. Тот стоит с фонарём, озираясь:

— Целый? Этих тут нет, вроде.

Голос отдаётся эхом, луч фонаря бессильно

шарит в поисках потолка и дальних стен. Следом скатываются остальные.

— Чего застряли! — Олег на ходу перезаряжает "лучевик". — Их там с полсотни, здесь в кольцо возьмут... В любую дырку, бегом! Вы трое снова вперёд, мы прикрываем! Туда!

Ныряю в чёрный ход, оборачиваюсь: во вспышках "лучевиков" из щели за нами лезет чужое, бесформенное. Рассыпается на десятки вытянутых морд. Эти скоро ковыляют по земле, лезут по стенам...

Что это?.. Болью обожгло локоть, затем плечо.

— Пригибайтесь! Они... Ходу, живей!

"Лучевики" фыркают, извергая вспышку за вспышкой. Петюня... Петюня падает на землю. Тормошу его, тяну за рукав, но он не встаёт. Глаза закрыты, из-под затылка течёт тёмная струйка. Я же знаю, что нельзя бросать... Нужно проверить пульс. Где у него пульс?.. На шее не чувствуется. Сердце... Чёрт, я же не доктор! Что-то впивается в спину под лопаткой, расплывается болью. Клёкот с присвистом... Ближе. Ближе!.. Здесь! Поднимаю чей-то упавший фонарь и ползу, сам, вжимаясь в землю, дальше, дальше отсюда, быстрей...

***

— ... Андрюх, всё нормально? — Артур заглядывает снизу в глаза. — Это от толчка контакт выбило. Я протёр глаза.

— Долго света не было?

— С секунду. Пошли, ваш катер подают.

Спусковой катер был укомплектован под завязку. Я и профессор оказались в хвосте. Капитан и вся его команда — восемь военных с "лучевиками" — по бортам.

В момент отстыковки Артур прислал мне сообщение на вифон: пожелал счастливого пути. Бедняга Артур, нянчится со мной, как с дитём. О Минькоре, о той, прошлой жизни я не рассказывал ему никогда. Да и никому другому. Но иногда мне кажется, он понимает меня лучше остальных. И интуитивно чувствует, как каждый раз, когда катер отстыковывается от станции и теряет связь с людьми, меня волной накрывает...

***

... одиночество.

Низкое небо в тучах до горизонта. Серые мачты стволов: слева, справа, впереди, позади... Третий день ничего, кроме них. Или четвёртый? Сколько

Проза. Фантастика

дней назад я выполз из тьмы каменных стен? Другие остались... Все остались, даже Олег. А я выполз. Ноги по щиколотку вязнут в грязи. Будто издаваясь, сушь, что прогнала нас от корабля, сменилась потоками воды. Дождь льёт, не переставая. Барабанит по твёрдой листве, шуршит в ветвях, рябит грязные лужи.

В какой стороне корабль, не знаю. Но найду. Точно. Все эти дни почти без сна — реальность и бред мешаются. Часто падаю. В этот раз, прежде, чем подняться, долго сижу. Зачем вставать? Они прилетят за нами и сами найдут. У нас теперь много воды. Вода снизу, вода сверху... Плещет об опоры корабля, размывает скалы на горизонте. Я и усталость растворяемся в ней...

"Вставай, коммерсант!.." А? Да! Иду. Уже иду. Цепляясь за ветки, подтягиваюсь, чтобы подняться.

Похоже, целый океан решил пролиться с неба на меня одного. Ты дурак, Олег. Говорил я тебе. Поташил нас в такую даль. А нужно было ждать у корабля. И всё разрешилось бы. Они прилетят, и мы успеем... Это вы там, Михаил Борисович? Я задержался, виноват, непредвиденные обстоятельства. Но ведь встреча ещё не началась, правда? Вы дождались нас? Это прекрасно, это замечательно. Господа, имею честь представить вам новый проект... Вот они: слушают, выстроившись в полукруг, смотрят во все глаза. Огромные сине-серые глаза без зрачков, и ниже две пары поменьше.

Михаил Борисович распускает правую клешню на три костяных пальца, перебирает ими, советуясь с коллегами. В левой, направив на меня, держит длинную трубу. Конец её — словно распахнутый огненный глаз, только светит зелёным. Он спрашивает что-то на стрекочущем языке. Высокий офисный стул под ним переступает перепончатыми лапами, щёлкает зубастым клювом. Это же очевидно, господа: учитывая растущие расходы на техническую комплектацию... Но ему неинтересно. Он спрыгивает, подходит вплотную, смотрит глазами без зрачков. Затем собирает пальцы в клешню и, коротко замахнувшись, обрушивает мне на висок...

***

— ... Та самая авария?

— Что?

Катер чуть трянуло. Профессор смотрит внимательно, всем видом демонстрируя сочувствие.

— Говорю, последствие той самой аварии? — он кивнул на мою руку. Я и не заметил, когда снял перчатку.

— А... нет, просто ожёг. — Перчатку натянул обратно. — Гораздо позже.

Он сочувственно покивал, но взгляд его был неожиданно цепким.

— Я читал о вас, Андрей. Снимаю шляпу: восемь лет на неисследованной планете в одиночку — это... Вы прямо новый Робинзон. Одно досадно — вы не обнародовали ничего из того, что произошло. Ни слова, с момента аварии. Это странно. Я не нашёл...

— Ух ты!

— Гляди, гляди...

По салону прошло движение, все потянулась к иллюминаторам по левому борту. На этом расстоянии Минкора разворачивалась во всей красе: серебристые пятна материков завихрялись на тёмно-синем фоне. Облака снежными перьями ползли по поверхности.

— Красота... — выдохнул кто-то.

Капитан, будто невзначай, прошёлся пальцами по голопанели: локализация биообъектов, уровень потенциальной опасности. В воздухе возникла, покрутилась под разными углами жилистая фигура: треугольная голова, три пары усиков, клешни. Команда притихла.

— Вы сталкивались с ними? — Профессор кивнул на картинку. — Жаль, я не биолог. Нет, что бы там ни писали, считаю, разумная жизнь на XZ-3 возможна. Уверен, эти существа по-своему коммуницируют меж собой. Быть может, даже мыслят! Вступают в подобие отношений. Как по-вашему, способны они к общению сигналами по принципу речи?

***

— ... Мир лучше войны, зачем нам ссориться? В ручье довольно воды для обоих, а затем пусть каждый пойдёт своей...

— Заткнись. — Держа логмара на прицеле, аккуратно обхожу его по кругу. Поглядываю по сторонам: густые заросли не движутся. Тропинка за его спиной тоже пустует. Нет, похоже, он здесь один. — Держи руки дальше от поводий... и от оружия.

Незнакомый илшар под седлом шипит, переступает перепончатыми лапами, но без команды не нападает. "Око пламени" у меня в руках светится зелёным еле-еле. Один заряд остался, если не меньше.

— Послушай...

— Тихо. Провизию, съестное — всё, что есть — бросай на землю. Вернёшься в дамран, скажи

своим: пусть оставят мой след. Три цикла звёзд я жил среди вас и под вашей волей, но теперь наши пути разошлись. И я убью любого...

— Ц-ц-ц... Так ты беглый. — Логмар сидел в седле неподвижно, но его срединные усики ходили ходуном — он старался распознать мой запах. — И вижу, причислил меня к местному клану Нембру. Но ты ошибся: мой клан Рейнган живёт на той стороне хребта, здесь я проездом. Взгляни на браслет.

Я мельком скопил глаза: действительно, родовой браслет у него был оранжевым с голубым, а не серо-зелёным, как у Нембру. Только это мало меняло дело.

— Хорошо, езжай с миром. Но провизию оставь. — Я кивнул на его седельную сумку. — Медленноними и брось на землю.

Логмар не двинулся с места:

— Это не та сумка, что тебе нужна, голоднейший из грабителей. Здесь мои инструменты. Я лекарь.

Слишком красноречиво две резные рукояти выглядывали из-за его спины. Мечи джамхара со скальпелем не путаешь.

Он уловил мой взгляд:

— Да, лекарь-джамхар. Райчи-Игбар-Видящий, лекарь при первой верховой сотне Рейнтган. Наше войско разбило мгорлов и загнало их в норы у Варнгских скал пять дней назад. Теперь мы возвращаемся домой. Неужели Нембру ни о чём не слышат? Послушай, я еду к семье и не хочу крови. Сумка с провизией с другой стороны. Если хочешь, я отстегну её.

Логмар опустил левую руку. Я напрягся. Плохо: мне ни черта не видно, что он делает...

— Стой, не шевелись!

Поздно. Илшар сделал молниеносное движение вперёд — я едва успел отскочить. Упругое тело логмара ринулось сверху, выбив у меня "око", оба мы — кубарем по траве... В какой-то момент шестиглазая физиономия заслонила небо. В ямку меж ключиц впилось острое, сверху — лапа на резной рукояти.

— Странное ты существо. — Логмар не спешил, его срединные усики дрожали, обнюхивая вблизи. — Клянусь, интересней всех тех образцов в Лимборнском паноптикуме. Откуда шрамы на шее?

— Не твоё... дело. — Говорить с лезвием у кадыка вообще неприятно, да ещё острые колени давили на грудь. — Спроси у своих Нембру.

— Нембру не родня мне. Ха, их лекари до сих пор берут кровь методом Исина-Испытателя, неу-

чи. И у тебя, похоже, брали её много раз. — Покосившись, он оттянул мне рукав, обнажив внутреннюю сторону локтя. — И много раз вводили что-то. С одной стороны и... да, с другой тоже. Хотел бы я знать смысл сих операций.

— А вот это тебя совсем не касается. — Его меч и вся ситуация начинали меня раздражать. — Хватит испытывать меня на прочность. Или слезай, или... или делай уже что-нибудь!..

Какое-то время он пристально смотрел на меня, потом его челюстные усики начали дрожать. Мелко-мелко, как натянутые струны. Логмар смеялся.

— Что, тебе действительно всё равно? Вот так, безразлично, жить сейчас или умереть? Почему же минуту назад ты грозился убить меня ради пары лепёшек и десятка солёных фруктов? Нет, медлительнейший из стрелков, ты любишь свою жизнь сильно и трепетно. И я оставил бы тебе её, если б ты попросил... Ну?

Я молчал.

— Что ж, если тебе и впрямь всё равно...

Лезвие впилось в кожу... и отпустило, давление на грудь исчезло. Логмар встал, посмеиваясь. Не торопясь, поднял моё "око".

— Давно же ты скрываешься по лесам — всё израсходовал. — Размахнувшись, он зашвырнул тубус в чашу. — Что ж. Кто б ты ни был, ты нерасторопен, как мгорл при свете дня, глуп, как целая стая гязу... но ты мне любопытен. И хотя указ Вседержавшего запрещает всякое действие, поощряющее разбой, не думаю, что нарушу его, если предложу тебе... разделить со мной трапезу. Но только в обмен на подробный рассказ о вашей нежной дружбе с Нембру и обо всём...

***

— ... Это то место? Ау, Андрей! Оно или нет?

Размытое пятно материка прямо под нами. Похоже. Слишком похоже. Даже на таком расстоянии.

Голос пилота по внутренней связи:

— Внимание, готовимся к вхождению в атмосферу. Немного потрясёт...

— ... Народ, входим в атмосферу... потрясёт...

Стоп, всё нормально. Это не тот корабль, не тот момент. Вифон, где вифон? На нём часы и календарь. Главное — удержаться в реальности, в здесь и сейчас. Первый толчок. Второй... Пошла мелкая дрожь...

... Корабль бьётся, как в лихорадке. Мигает в салоне свет....

— ... Андрей? Вы как?

Не хочу, не туда! Не в тот момент!.. Пальцы впиваются в подлокотник. Я не там, я здесь — на борту... На борту чего? Какой сейчас день?..

... Вспышка на левом крыле...

Сколько можно! Переживать снова и снова...

***

— Сам ты не справишься. Помочь? — Логмар наклонился в седле, протянул клешню. Я медлил, пытаюсь выбраться в одиночку. Тогда твёрдое и ребристое само сжало мою ладонь, потянуло, и грязь с чмоканьем отпустила-таки мой ботинок.

— Да, кричащие камни... — Тронув поводья, логмар продолжил путь. — Кричащий камень, когда полон сил, заглушает голоса всех камней и металлов, близкие его природе. Голос твоего корабля, видно, таков. А в долине, где вы сели, поселение камней велико, и все они в добром здравии. Так что твои братья не услышат тебя, даже пролетая над головой.

Болтая, он преспокойно покачивался в седле. А я тащился бок о бок с его илшаром, отклоняя мокрые ветки деревьев и стараясь не соскользнуть снова с узкой тропинки в грязь.

— Я спрашивал не о том. Ты знаешь дорогу туда или нет?

Логмар досадливо дёрнул усами.

— Послушай. За это время мгорлы разобрали твой корабль на куски и растащили по норам. Пыль и грязь от дождей покрыли остальное. Твои братья давно поставили по тебе похоронный камень. Если какой корабль и прилетит и будет искать тебя там, то, сев, не взлетит, как и твой. Для чего стремишься в то место?

Не для чего, а почему. Потому что идти больше некуда.

— Видел ты бега рицзу?

Логмары заговаривают на отвлечённые темы, чтобы выразиться иносказательно. Если б я не знал этого, то за очередное издевательство сдёрнул бы его, наконец, с седла. Конечно, я видел бега рицзу. Любимое развлечение логмаров: зверька запускают в лабиринт из запутанных ходов, где за каждым поворотом может скрываться

смертельная ловушка. Иногда её можно предугадать по скрытым подсказкам, иногда — это дело случая. Выигрывает рицзу, который выходит первым. И конечно, остаётся в живых.

— Любопытная игра, правда? — Логмар был явно вдохновлён этой темой. — Иной рицзу бежит без оглядки, суётся во все закоулки. Такой часто выходит первым, но и первым теряет голову. Другой идёт осторожно, обнюхивая дорогу. Побеждает редко, но иногда единственный доживает до выхода. А ты... Ты похож на совсем глупого рицзу, который скребётся в ту дверь, через которую впустили его в лабиринт. Теряет время, ждёт под ней и может умереть с голоду, если добрая судьба не погонит милостивым пинком...

Я не выдержал. Выбросив руку вверх, поймал логмара за сухую голень, дёрнул, и тот, перекувырнувшись, оказался на земле. Илшар хищно зашипел, разворачиваясь для атаки... но был остановлен окриком Райчи-Игбара. Отряхиваясь, тот не спеша поднимался с земли. Челюстные усики его подрагивали:

— Если бы двадцать циклов назад... Мгорл тебя раздери, и кто будет отмывать мне перевязь? Так вот, если бы принимая свои первые клинки джамхара, я не поклялся не поднимать меча на безоружного... Ты потерял бы уже много крови через дыру в горле. Нет, надо будет всё же сдать тебя в дамране за разбой. Однако, горячий рицзу, — он сбавил весёлость, — что так задело твоё самолюбие? Взгляни на свой путь: ты потерял корабль, лишился попутчиков, скитался, терпел голод и боль, но ты всё ещё жив. Неужели после всех милостей судьбы, толкающей тебя вперёд, ты будешь стремиться назад? Подумай, чем кончится этот путь. А лучше собери остатки ума и обдумай моё предложение...

***

Пылевое облако от посадочных сопел катера поклубилось ещё немного и улеглось. Сели. Тяжело зашипев, отъехала в сторону первая дверь, вторая. Трап, пожужжав, ткнулся в землю. Эх, хорошо... Утренний ветер шуршит в кронах деревьев, треплет волосы. Дробно перестукивается серебряная листва в ближайшей роще. И небо, огромное небо после долгого заточения в железной коробке.

— Вездеход готов. — Эдик, дежурный по станции, докладывал с кислым видом. Неформальное противостояние между скромными "старожилами"

и элитными группами, прилетающими для разовых миссий, никогда не перестанет быть.

Водитель подогнал вездеход, открыл монолитную заднюю дверь. Пока шла погрузка оборудования, Эдик подошёл за огоньком.

— Какие прогнозы сверху?

— Нормально, вроде. — Один из сопровождающих, дымя сам, дал ему прикурить.

— Самые благоприятные. — Профессор растерянно поглядывал по сторонам.

— Шесть к одному, что застрянем.

Эдик мрачно повернулся ко мне. По-моему, если б мог, он давно б уже добился моего отчисления или сбежал бы с Минкоры сам.

— Накаркай ещё. Вот если б эти прогнозы твои дурацкие не сбывались каждый раз, я б уже знаешь что... Я б уже написал наверх, чтоб тебя сюда ни ногой. Тебя, кстати, говорят, по медкарте вообще в космос пускать не должны были. Ты свою эту... реабилитацию психическую недопрошёл. Чёрт с тобой, всё испортил. Пойду ещё раз на барометр гляну.

Профессор тревожно запереминался:

— Но ведь экспедицию не могут перенести?

Я вздохнул:

— Если б могли.

— Погружайсь!..

Вездеход мягко покачивался на ходу, словно кораблик на волнах. Густые леса со стволами-мачтами остались позади. Редкие островки деревьев да голый песок, да скалы бежали за нами. Профессора было не узнать — будто гончая на подступах к лесу. Он без конца вставал, выглядывал то в одно, то в другое окно и тормозил меня:

— Вы узнаете это место? Мы уже там?

Ещё бы я не узнавал. Трудно забыть скалы, которые видел дважды, испытывая каждый раз шквал эмоций. В первый — отчаяние и полную обречённость. Во второй — бешенный восторг...

***

— ... Он работает! Работает! Райчи, старый ты богомол, это лучший день в моей жизни! Радиоузел... то есть, голосовое горло моего корабля работает! Сынок твой старший — молодец, дорогу как по компасу нашёл. Когда его зрелый возраст? Предлагаю назвать Следопыт. Рику-Игбар-Следопыт, а? Зоркий парень: корабль за восемь лу углядел, а от того лишь половина из-под земли торчала. Еле отрыли. Я боялся, радиоузел по дороге

промочим, ливни в горах... Но здесь проверил — работает! Правда, батарея... сердце его уже начинает замедляться. А до этой молчащей горы Синар по картам ещё дней двадцать пути. Но если там и впрямь ни одного кричащего камня, то эта штука споёт ещё так, что любой корабль услышит!.. Надо спешить. Когда отправляемся?... Райчи? Слышишь меня?

Он сидел на циновке у столика для деловых бумаг, безучастно перебирал свитки. Я опустился напротив:

— Случилось что?

Он протянул розоватый листок. Читать их каракули я так и не научился, но письмо взял и даже развернул.

— Что здесь?

— Мгорлы. Прорыли новый ход. Сегодня ночью вышли на поверхность в тылу Юго-Восточного гарнизона. Никто не ожидал. Двенадцать братьев погибли.

Медленно, осторожно я сложил листок и положил на столик.

— Твоя боль в моём сердце.

Он встал, подошёл к стене. Начал снимать оружие и проверять, вынимая из ножен.

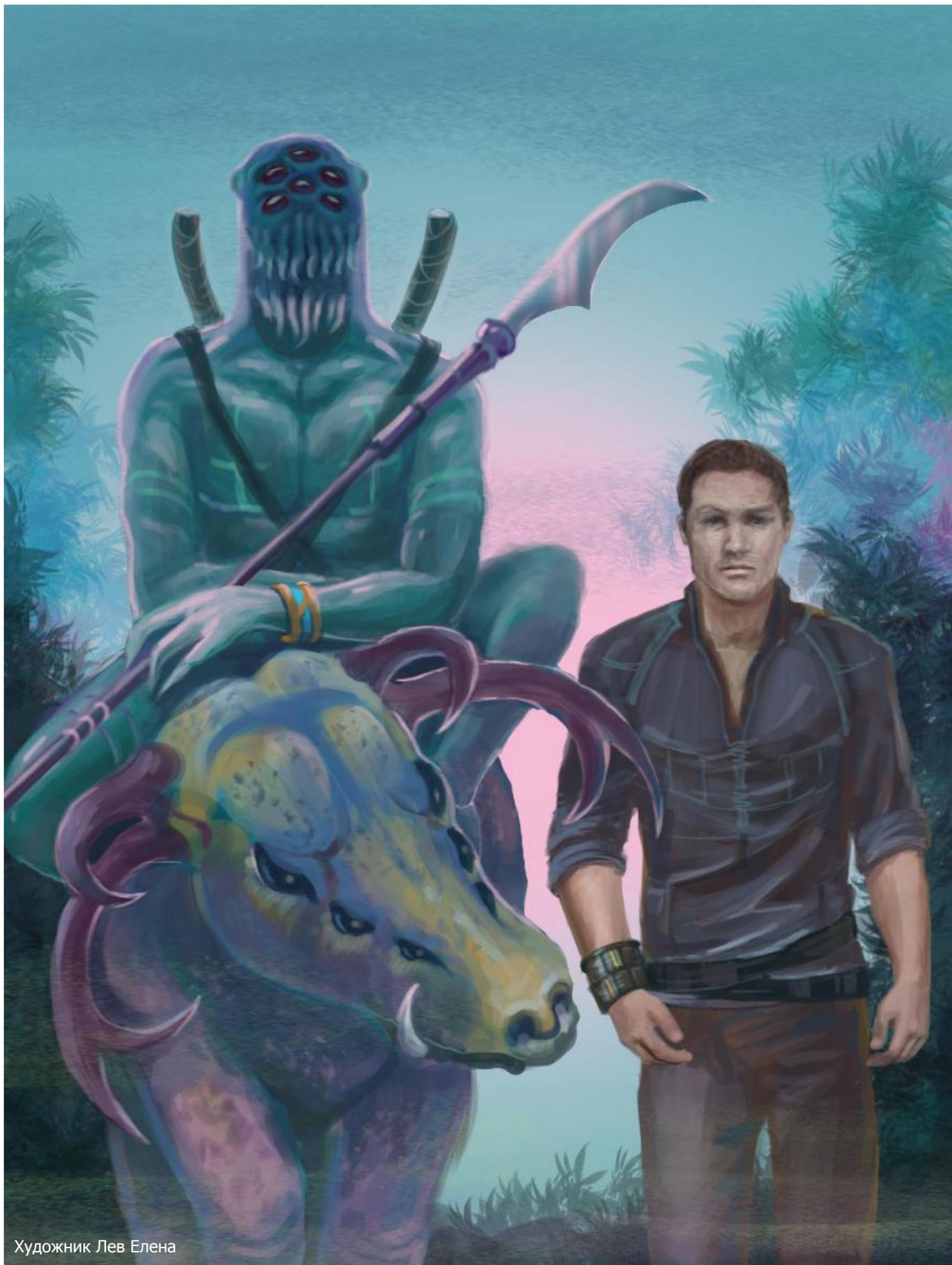
— Я должен вернуться на службу. Шумбар-Игбару-Воитель созывает зрелых мужей — явиться верхом и с оружием. Мгорлы стали выходить всё чаще. И всё ближе к дамрану.

— Эй, погоди!.. — Я подскочил вслед. — Ты, конечно, вернёшься, но после того, как проводишь меня на Синар, верно? Мы договорились! Ты клялся на Вечном Пламени! Целый цикл звёзд я терпел твои учёные издевательства, ты исследовал мою кровь, как хотел, а теперь, когда твой черёд...

— Ничто не отменит клятвы, данной на Вечном Пламени. — Он развернулся с обнажённым мечом. — Когда в ста лу от дамрана не останется ни одного мгорла, я отведу тебя куда хочешь, хоть бы пришлось всю дорогу нести на руках. Но сейчас... Ты знаешь, чем грозит уклонение от зова Старшего в войске.

Знаю. Достаточно пожил среди логмаров. Позором и изгнанием из клана. Вычёркиванием имени виновного из Книги Памяти. И выселением с семьёй на Дикие Земли. Если только, чтобы смыть позор, он не шагнёт сам в Вечное Пламя — так поступают чаще всего. И Райчи поступит. Четыре жены и двадцать шесть детишек, из которых десяток ползает и скачет сейчас вокруг нас... Он шагнёт.

Крошка Линмур прыжком оказалась у меня на

Художник Лев Елена

плече, ожидая лакомства или, как бывало, весёлой игры. Но в этот раз я безжалостно ссадил малявку на пол. Та, обиженно пискнув, забилась под стол. В кабинете стало вдруг тихо. Звуки кух-

ни с первого этажа долетали в окно: треск огня в очаге, грохот посуды, мирный стрекот бесед, писк детворы. А на столе мастерской этажом ниже лежал добытый радиоузел, и зелёная лампочка ми-

гала, отсчитывая секунды... До того момента, когда погаснет.

— Ты слишком торопишься, горячий рицзу, — донеслось из-за спины. — Откуда тебе знать, что узкий ход, который ты выбрал, ведёт к выходу?

— Я знаю, какой ход выбрал мне ты. И на него не согласен. Ни ради путевого письма, илшаров, отряда сопровождения и... что там ещё предлагал мне в дорогу Совет Пятерых? Не хочу. Ни ради сохранения жизней твоих братьев. Хоть и делю твою боль за них.

Одним могучим рывком меня развернуло на пол оборота. Никогда ещё не видел Райчи в таком гневе.

— Ты... боишься за свою жизнь? Ты, чьё тело может исцеляться от ран? Который, словно мгорл, может срывать даже кости! Нембру жестоко тебя испытывали, но разве повод отворачиваться от клана, что тебя приютил? Взгляни, что творится: слухи о тебе, раздутые впятеро, добежали до дальних морей. Лекари всех дамранов пишут прошения выслать им капли твоей крови, надеясь выделить фермент заживления. Другие кланы присылают послы с просьбой стать под наше знамя, если его будет держать Исцеляющий Раны. Ты — символ! Совет Пятерых готов вручить тебе мечи джамхара без испытаний, если согласишься вступить в клан. Ты, словно гвоздь, можешь скрепить войска против мгорлов. Но вместо этого ты хочешь уйти! Вот суть твоей расы — различать лишь собственный путь. Узкий, одинокий, никуда не ведущий...

— А теперь слушай ты. — Почувяв недоброе, Линмур зашла под столом жалобным писком. Я и сам видел, что дело неладно, но остановиться не мог: — Вы и мгорлы воевали всегда: сколько я здесь и сколько меня не было. Этой войне нет конца. И эта война — ваша. Вся эта планета, мгорл её сожри, — ловушка, куда я попал случайно. Злая ошибка звёзд! И всё, что нужно — эту ошибку исправить! Повернуть вспять, будто всего этого и вас не было никогда! Разве я не выстрадал это право!..

Писк Линмур нёсся уже на весь кабинет. Остальная малышня, будто заразившись, выли и пищали на все голоса. В окно впорхнула одна из жён Райчи. Подхватила троих самых мелких, пролопотала что-то успокаивающее остальным и выпорхнула вниз, в сторону кухни.

— В таком случае, — голос Райчи был холодно спокоен, — никто не мешает тебе отправиться её исправлять. Изволь, я прикажу собрать тебя в дорогу...

***

И-да... Вот он, конец пути.

Гигантские уши локаторов вращались, вылавливая флюиды скал. Компьютеры попискивали, побряхтывали и выдавали сигналы, понятные из нас лишь Евгению. Тот сновал от экрана к экрану, стучал по тактильным панелям и чувствовал себя, похоже, Всевышним в момент создания Вселенной.

Сопроводенцы от нечего делать курили и болтались вокруг.

Капитан нашёл меня наверху рядом с наблюдателем. Вид оттуда открывался, пожалуй, впечатляющий.

Дымя сигаретой, он долго стоял рядом. Наконец заговорил:

— Нравится?

В тишине голос прозвучал громковато.

— Я за тобой с посадки наблюдаю. Знаешь, что заметил. Сколько мы здесь — ты, считай, ни разу не отключился. Не "выпал", как раньше. Интересно.

Я толкнул ботинком обломок скалы — тот затарахтел вниз.

— Некуда выпадать.

— Капитан! — Военный, выставленный наблюдателем, помахал рукой.

Я подоспел к нему чуть позже Аварова.

— Что там? — Капитан отобрал у него флексивизор, направил на горизонт.

— Вот, — военный ткнул в серое пятно в небе. — Был приказ докладывать о любых изменениях, в том числе и погодных...

— Тьфу ты... Виденеев, хоть бы головой думал. Какие погодные изменения с одного облака?

Я завладел флексивизором, выставил максимальное приближение. Затем — минимальное. Левый ракурс, правый.

— Никаких, — ответил за рядового. — Плохо то, что это облако движется к нам без ветра. И то, что это не облако. Труби тревогу. Мы ещё успеем укрыться в вездеходе. Оборудование придётся бросить. Времени в обрез. — Отдал прибор капитану. — Поверь, это не галлюцинация.

Он решил не сразу. Целую чудовищно долгую минуту смотрел в флексивизор. Наконец, чертыхнувшись, нажал кнопку наушника.

— ... срочно покинуть позицию... — неслось, пока я скакал вниз по камням. Туда, где гудели, попискивая ящики.

— Евгений! Жень, уходи!.. Оставь это, потом заберём.

Проза. Фантастика

— Угу. Идите. — Он, казалось, не слышал. Взгляд бегал от экрана к экрану.

Вездеход спешно сдавал назад, подбираясь поближе. Небо начало темнеть.

— Что за хрень... — Рыжий сопровождаец задрал голову.

— Жень, ты не понял. Здесь опасно.

Он вырвал у меня локоть.

— Это ты не понял. Такой возможности больше не будет! Годы, годы труда... Не-ет, мы ещё посмотрим, господин Панкратов, кто разбирается в магнитных токах!..

Темнота густела на глазах. Сверху, пока отдалённо, стали доноситься свист и гвалт. Команда собиралась вокруг, пятясь, направив "лучевики" вверх.

— Не стрелять! Максим, скажи, чтоб не стреляли! Жень...

Бурая масса в небе стала снижалась, расплываться на точки. Шум уже приходилось перекрикивать. Кто выстрелил первым, я не видел. Голубая вспышка взметнулась вверх, облако дрогнуло и ожило. Стало разворачиваться, пошло вниз...

— В вездеход!..

Вспышки мелькали одна за одной. Что-то кричал Максим — не слышать. Хватит церемоний: планшет вырван из рук и отброшен. Евгения пришлось обхватить сзади под локти и поволочь. Он боролся, вырываясь. Кто-то взялся мне помогать, вместе втащили в вездеход. Максим втиснулся последним, захлопнул дверь. Взвыл мотор. И началось.

Маленькие тела бились о борт и распластывались об окна. Разевали пасти, скреблись острыми зубешками. Жала на длинных хвостах стучали, пытались пробить стекло. Вездеход вилял и подпрыгивал на камнях — водитель ехал, похоже, на одном радаре. Нас бросало, как корабль при шторме. От гвалта и свиста хотелось оглохнуть.

— Глуши мотор!.. — Едва держась на ногах, я барабанил в кабину.

— Что это за твари, твою...

Бурые кляксы покрывали стёкла. Едкая вонь начала просачиваться даже в салон.

— Да глуши же мотор! Максим...

Евгений тихо плакал, вжавшись в угол. Жало стукнуло у самой его головы, звёздочкой разошлись трещины. Он даже не вздрогнул.

Над ухом:

— ... в вентилятор пролезут?..

— Ма-аксим! Скажи водителю! Пусть глушит мотор!

— Спятил!..

— Нет! Это гязу...

Доорать не успел. Подскочив на невидимом бугре, вездеход ухнул носом влево и вниз и замер. Взревел, заворочал колёсами. И так и остался. Гязу забили с удвоенной силой.

Протолкавшись, я добрался до Максима:

— Пусть заглушит! Нам не уезжать надо — укрыться! Они реагируют на движение и тепло! Сейчас вездеход для них — огромный зверь! Остынет мотор — сами отстанут!

Он, наконец, понял, нажал кнопку наушника...

Ещё долго после того, как вездеход, смирившись, умолк, гязу остервенелым дождём бились в борта и о крышу. Скребились у днища, царапались, штурмуя отверстия. Бурая жижа толстым слоем налипла на окна и даже не пыталась стекать. Мы сидели в полумраке, молча, сопровождаенцы — беспомощно сжав "лучевики". Гязу стучали и стучали, но стук становился слабей...

А потом снаружи донёсся другой шум — поднялся ветер. И застучало по-иному. Пошёл дождь. Обычный дождь, который шуршал даже как-то по-дружески и потихоньку, не спеша, отмывал окна. Где-то в недрах машины ещё поскреблось и затихло.

Дождь шелестел, шептал и шумел час, два... Сгущалась ночь. Водитель и Максим по очереди пытались связаться с базой. Без ответа. Продолжались эти попытки, скорее, от безысходности: что связи не будет, я объявил сразу.

— ... Ты же говорил, на этом расстоянии от камней электроника ещё работает.

— Она и работала, пока не пошёл дождь. Теперь камни напитаются влаги, набрались сил и будут кричать... в смысле, глушить сигнал, пока не высохнут. До конца сезона плюс дня три-четыре. Дней двадцать всего...

— Сколько!.. — Кто-то из команды выругался.

— Может, раз всё знаешь, то и план есть?

— План — ложиться спать. Всё равно ночь. А утром оставить вездеход и идти до базы пешком. На помощь лучше не рассчитывать: если пришлют миникатер, он застрянет тут с нами. Идти надо сейчас, пока дорогу совсем не размыло.

Рыжий покрутил головой, будто на бред больного. В группе запереглядывались, кто-то насмешливо цыкнул.

— Пешком...

— Набери ещё раз. — Максим устало кивнул водителю.

Евгений так и сидел в углу. Механически, сняв

очки, тёр стёкла и глядел в отсутствующую даль. Я нагнулся к нему через сидение:

— Жень, слышишь? Мы вернёмся. Знаешь, иногда лучше уйти, чтоб потом вернуться. Говорят, каждый круг, который мы делаем, — часть одного большого пути. Не я придумал.

Он перевёл на меня отстранённый взгляд:

— Ты ни-че-го не понимаешь.

В салоне зажётся свет. В контрасте с ним тьма за окнами стала совсем чёрной. Под вялый говор я пристроился на сидении, вытянул ноги, надвинул капюшон на глаза и предоставил суматошному миру кружиться дальше без меня.

***

... Жарко. Горячий воздух вздымается вверх — туда, где стены залы расходятся, обнажая небо. Зелёные языки пламени гудят, вырываясь из бездны сквозь широкую щель в каменном полу. Зал полон, продираюсь меж костяных панцирей. Райчи! Не валяй дурака, скажи им! Это несправедливо, они должны знать! Может, он и слышит, но не реагирует. Одинокая спина словно колеблется на фоне огня.

Один из Пятерых встаёт с высокого кресла. Надевает венец Несущего Слово — Совет объявляет своё решение. Да послушайте же меня! Он не виноват! Почтенный совет, дайте сказать! Это я, я! Я покинул дамран по своему почину... Да, я знаю, что не сын клана и волен в своих шагах, не о том речь. Райчи бросил войско из-за меня! Я ведь не знал, что Бидхарский путь заняли мгорлы. Ваши разведчики провели того же дня, но я-то ушёл ещё утром! Райчи отлучился перехватить меня в пути, не более! Если б я стал там на ночлег... Да когда он нагнал меня и мы вдвоём улепётывали из долины, едва ли уже не было поздно. День был на исходе, мы гнались за последними лучами, изнуря илшаров. А из низин, где была тьма, уже нёсся клич мгорлов. Судите справедливо!..

Говоривший слагает венец. Они совещаются долго, склонившись, соприкасаясь усиками. Теперь Райчи совсем близко. Потому что перед огненной щелью стоим мы оба. Воздух навстречу — раскалённый, трудно дышать. Райчи может видеть меня, если повернёт голову. Но не поворачивает. Один из Пятерых снова в венце. Решение Совета: каждый подвластен законам лишь своего клана... Это как истолковывать? Райчи понимает раньше. Поднимает руку с родовым браслетом, сжимает его челюстями, крепко, до дрожи. И перекусывает.

Снимает, широко размахнувшись бросает в огонь. И качнувшись вперёд...

***

— Кто-то идёт!

— А?..

Сквозь шелест дождя — новый звук. Шлёпанье лап, причём не одного десятка.

— Полная готовность. — Капитан вполголоса.

Сопровожденцы мигом рассредоточились по окнам, "лучевики" на взводе. Надо отдать им должное — реагировали быстро.

— Пойдите... — Я отчаянно пытался проснуться. — Они не нападут — просто ждут, пока мы заговорим первыми.

Максим обернулся:

— Знаешь, кто это может быть?

— Да кто тут может быть в такое время и в такую погоду... — И прежде, чем меня остановили, распахнул дверь и вывалился под дождь. Бр-р, мерзость... Поднял пустые руки, пошёл на шум: — Мир! Мир, братья! Андрей-Игбар-Однорукий, сын клана Рейнтган. Кто старший дозорный?

— Говори со мной, — донеслось из темноты. — Джирун-Маглав-Стойкий. И третий дозорный отряд Восточного Гарнизона Рейнтган. Что случилось? Великая миссия пришлых увязла в грязи?

— Какая осведомлённость. Верно, дозорные Рейнтган давно следят за нами, а? Весь путь следом шли? Что ж, будем считать, наша встреча угодна звёздам. Раз уж вы здесь, братья, не будет пары дюжин илшаров вытащить повозку из грязи? Думаю, до утра, пока дождь не размыл дорогу, ещё можно.

— Нельзя. — Худая фигура отделилась от общей массы. — Дорога уже размыва, а повозку твою и три дюжины не сдвинут. Придётся ждать конца дождей и вырубать колёса из грязи, когда засохнет. Кто б ещё мог попасть в такое дерьмо мгорла, как не Однорукий...

— Райчи, ты?..

Он. Ещё больше высох и похудел, не так проворно двигались усики. Но это был Райчи. На этот раз я малость таки отдал ему худые бока, пока он общекотал меня усиками.

— Наделать шуму, переполошить всех гязу в округе и застрять в грязи — узнаю родственную тебе кровь. Стоило так тщательно скрывать ваше пребывание на Минкоре. Шесть дамранов по обе стороны хребта ждут, пока вы закончите свои секретнейшие манипуляции и уберётесь, наконец.

Проза. Фантастика

Наш лагерь недалеко. Скажи своим: спать лучше в сделанных для того шатрах, а не в тонущем в грязи сундуке. И пусть повыключают огненные мигалки... пока сами не обожглись.

Хорошо. Сидеть у огня, пить горячий терпкий кхимар и слушать дождь. Который шуршит в листве и стучит по крыше шатра. С час назад моя команда, наконец, улеглась, выбрав самый дальний шатёр и выставив часовых. Ох, и дискуссия была перед тем...

Райчи, распустив клешню на пальцы, сжимал пиалу и глядел сквозь огонь. Держался так же твёрдо, будто не было пяти лет. Хотя первые серые пятнышки проглядывали уже на панцире.

— ... А ты? Что семья, здоровы? Жёны, детвора? Всё ещё двадцать шесть?

— Уже двадцать восемь. — Он с гордостью вздыбил ворсинки на усах.

— Что так скромно? У второго советника, я слышал, вчера был пятьдесят третий.

Он бесшумно рассмеялся:

— Редко бываю дома.

Дождь угомонился, перешёл в мелкую морось. Тяжёлые капли скатывались с веток и с редким стуком падали на крышу шатра. На браслете Райчи — двойная зарубка — знак Дважды Рожденного. Его имя в Книге Памяти отмечено чёрным. Его сыновья никогда не займут высших должностей в войске. Жёны и дочери смогут сидеть на службе в Храме Благочестия лишь на последних местах. Но это был Райчи. Он сидел здесь, и это было главное.

— Знаешь, Рiku взялся хранить твои мечи джамхара.

— Отдай ему один.

— Нельзя — традиция. Оба твои, даже если к одному ты никогда не притронешься... Однорукий.

***

... Плавающий жар от огня.

— ... Принимая звание сына Рейнтган, клянусь нести его с честью и доблестью. Пусть поглотит меня Вечное Пламя, если подниму клинок джамхара на безоружного или пролью невинную кровь. Если отступлю в бою или покину пост, или послушаюсь старшего по званию. Или если оставлю свой клан до того, как падёт последний в краю мгорл. И в том присягаю...

Прошу прощения, почтенный Совет. Я знаю традиции и чту закон. Но нельзя ли прибавить к присяге обет от себя? Благодарю.

Да, так пусть поглотит меня Пламя, если, сколько живу, для лечения ран, изготовления снарядов, выявления болезней или изъятия крови... — ибо кровь моя принадлежит клану со всеми её свойствами на благо и исцеление братьев в священной войне против мгорлов... — так вот, пусть поглотит меня Пламя, если для этой процедуры позволю хоть одному лекарю на Минкоре прикоснуться к себе, кроме Райчи-Игбара-Видящего, сына клана Рейнтган. Таково моё слово джамхара. И в том присягаю на... — Закрепляющий акт — коснуться огня. Отступить некуда. Медленно закатаю рукав. Жар будто из самого пекла. Кажется, или Райчи чуть повернул голову? — ... присягаю на Вечном... — Это неправильно, так нельзя! Это традиция логмаров, но у них костяные клешни! А у меня — мягкая горящая плоть!.. Райчи смотрит. Все смотрят. Где-то мигает зелёная лампочка, отсчитывая секунды. Мечется на развилке загнанный рицзу. — ... присягаю на Вечном Пламени...

***

— Какой же ты дурак, что сжёг тогда правую руку. Не мог присягнуть левой?

— Это всё, что тебя беспокоит?

— Что ж ещё? Не я же бесстыдно загнал в угол Совет Пятерых и навязал им свои условия. Правда, и застрял потом до конца войны, ещё на два цикла.

— Зато признай: я продвинул вашу науку. Иначе когда б логмары собрали первый аккумулятор для радиоузла?

— Никогда — это никому не нужно. Как твоя жизнь дома?

Я грел пальцы о бока пиалы.

— Ты был там?

— Один раз. Сразу.

— Вот как. Дай угадаю: момент возвращения оказался не таким, как грезились здесь. Всё изменилось. Братья по клану вдруг стали чужими, смотрели странно, не понимали твоих речей. Войти в прежнее русло не удалось. Что ж ты хотел, бедный рицзу? Выходя из лабиринта, никто уже не тот, что на входе. Я видел, как ты объяснялся со своими. Спорю на ус, ты не рассказывал им о нас. Ни им, ни кому другому — ни слова о том, что здесь пережил. Пытался в начале, но бросил — не мог объяснить. И с тех пор так и болтаешься меж здесь и там. Двум мирам в твоей голове тесно, но ни один не отпускает.

— Ты видишь слишком много, Видящий.

Он умолк. Я поймал его лукавый взгляд:

— Стойкий выделил десять братьев с илшарами проводить вас завтра до лагеря. Пойдёте через пустой тоннель под Варнгскими скалами. Мгорлы оставили его давно, мы ходим, сокращая путь.

— Смеёшься?

— Нет.

Пиала в руках нервно завертелась, грозясь выпасть.

— Если другой вариант?

— Месить грязь на сутки дольше, обходя долину кругом. Стойкий не обрадуется. Не говоря о твоих братьях.

Сухо стукнув, пиала скользнула на пол. Я нагнулся поднять. Райчи наблюдал внимательно.

— Сдаётся мне, рицзу до сих пор бродит в тёмном лабиринте.

— Что б ты понимал. Это не тот тоннель, но стены, воздух — всё то же самое...

— Те же стены, тот же воздух... Но не тот же ты. Не можешь жить прежней жизнью — рви с ней полностью, и с её страхами тоже. Если б я мог, подпустил бы вам в тоннель парочку мгорлов, для полноты впечатлений. Пора выходить из лабиринта. И закрывать за собой дверь.

Всегда ненавидел, когда он пытался лечить мне голову. Пусть даже по дружбе.

— Если уж говорим о страхах, — я не мог не парировать, — что случилось с Рейнтган? По дороге я слышал разговоры в отряде. Что мгорлы снова вышли из-под земли, и вы отступаете. Что жён и детей будут вывозить к Диким Землям. С каких пор вы сдаётесь так быстро? Неужели ожили ночные страхи логмаров перед Тьмой из Глубин?

Он отставил пиалу и поднялся. Медленно прошёл к выходу, отодвинул полог, впуская шум дождя и прохладу. Перед тем как уйти, обернулся:

— Это не страхи — жизнь. Времена изменились. Мы бьёмся одни, прочие кланы защищают снова каждый себя. Да, мы оставляем позиции. Покидаем дамраны, где прожили столько циклов. Наши семьи залягут в сырых низинах, откуда когда-то взошли в горы. Эту битву Рейнтган проиграл. Но ты не тревожься: идя к началам, мы продолжаем идти вперёд. Это цикл. История. Я говорил тебе: каждый новый круг — часть пути.

— И-эх, прощай, зверюга!.. — Виденеев хлопнул илшара по крупу и отпустил. Тот огрызнулся напоследок и потрусил к поджидавшим в отдалении логмарам.

Эдик встречал нас в дверях с "лучевиком" на

взводе. По окнам в аналогичной позиции угадывался весь состав охраны.

— Это компания с вами, что ль?

— Дай пройти...

Вымотанные сопровождаенцы протискивались в помещение. Максим, судя по звукам, дорвался, до рабочего вифона. Евгений остался снаружи. В последние сутки он вёл себя странно. И сейчас сел под дождём на ступеньки, надвинул поглубже капюшон и смотрел вслед удаляющемуся отряду. Порой переводил задумчивый взгляд на скалы вдали или на серебрянную листву, купающуюся в струях дождя. Оставленное без присмотра оборудование мокло.

Эдик перевёл взгляд на меня:

— Что стряслось? Наверху — полный шухер, выслали два спасательных миникатера... И что за зверь с тобой?

— Пусть будет. — Я похлопал илшара по скользкой шее и обернулся: отряд маячил ещё в тумане дождя. — Эд, по дружбе, передай Аварову, что скажу. Пусть отлетают самое позднее завтра. В этот район пока не соваться: грядут большие разборки между местными. Станция может не уцелеть. Сами тоже валите. Разрешения сверху лучше не ждать.

— А ты?

Подтянувшись, я запрыгнул в седло.

— Я здесь, пожалуй, нужней буду. Интересно, как оно — менять историю. Слушай, было у тебя такое: кажется, чего ты всю жизнь хотел, куда стремился, вроде, не ты сам решал? Шёл, как по коридору, думал, эти стены куда-то ведут. А потом понял, что никуда они не ведут и вообще, не кончаются. И выйти из них иначе нельзя, кроме как ломать к чёртовой матери. Было, нет?

Рука Эдика потянулась к вифону. Но вдруг зашевелился Евгений. Встал во весь рост, стянул капюшон и подставил лицо струям дождя, позволяя им течь в глаза, за шиворот...

Илшар успел чуть отбежать, когда Эдик вышел из ступора:

— Стоять! Стой, ребят позову! Вернись сюда! Артур предупреждал, что за тобой смотреть надо...

— Ну так смотри! Вооружись флексивизором! — Я помахал ему рукой. Было легко. Внутри прыгал и щекотал мальчишеский задор.

Да, с Артуром нехорошо. Я заставил илшара вернуться.

— Вот, передай ему. — Сняв вифон, бросил Эдику. — Больше нечего. На словах скажи... Не

Художник Лев Елена

знаю что. Хотя нет, знаю. Передай: рицзу вышел из лабиринта. Он не поймёт, но всё равно пере-

дай. Всё, жду в следующий заезд! И не вздумай смениться!..

Эпилог

Ветер нёс пыль. Серые дорожки текли, огибая скалы, бесконечной рекой до самого горизонта...

— Нет, не вижу. — Женщина лет тридцати поднялась, отряхивая колени. — Могу лишь сказать, что это братская могила. Текст на камне довольно стандартный: "В память о чести и доблести...". И судя по дате, действительно последний период освобождения края Рейнтган от мгорлов. Имена почти все сохранились, но его я не нахожу. Ты уверен, что он похоронен здесь?

Пожилой профессор наморщил лоб:

— Больше негде. Остальные памятники я уже осмотрел. На связь с тех пор он не выходил, поисковая экспедиция следов не нашла — что остаётся? Похоронные камни хранят след каждого. Логмары трепетно относятся к посмертной памяти, это часть их культуры. Уникальной культуры, постигнуть которую не хватит жизни... Что ж, нет так нет. Из нас двоих ты — космолингвист. Прости, что зря притащил сюда, Эмма.

Женщина улыбнулась, скрестила руки на груди.

— Если это связано с экспедицией, после которой ты так безжалостно забросил физику, то не зря. Не поднимись такая шумиха вокруг ваших приключений, не начнись потом исследования XZ-3 — о чём бы я писала сейчас диссертацию? Правда, кафедра физики до сих пор оплакивает твой уход и засыпает меня письмами на твоё имя. Больше них тебе пишут только твои космоэтнографы. А ты не верил, что случай движет историей.

Профессор раздражённо отмахнулся:

— Что он там движет... Просто рассказ девяти-рых здоровых парней из спецгруппы и заслуженного олуха из академии восприняли всерьёз. А рассказ свежеспасённого Робинзона, избитого впечатлениями до полуадекватности, — нет. Вот и вся история. Кто-то говорил мне что-то про путь — не помню. Там и тогда я понял одно: Минкора не похожа на другие планеты. Ни на что не похожа... Идём, Эмма Евгеньевна. Не то опоздаем на связь и твоя мать меня убьёт.

Женщина вздохнула, подняла с земли плащ. Ещё раз на прощание обошла кругом памятник.

— Па-ап? Это что? Я думала, логмары не хоронят с собой животных.

Рельеф памятника не давал чёткой картины. С трудом угадывались контуры логмара, восстающего из огня, пучеглазые головы монстров. Прочие детали терялись. Но среди размытых линий, словно причудой скульптора, вырисовывалась чёткая фигурка: длинный носик, глазки — безухая мордашка, тянущаяся на свет.

Профессор подошёл ближе:

— Это рицзу. Игровой зверёк. Странно, что он здесь. Выгравирован чётко — похоже на особый заказ. Может, символ? Философский намёк на то, что жизнь — игра. Или нечто подобное?.. Сделайка пару снимков.

... Сопла катера дунули напоследок, вздымая облако пыли. Набрав высоту и вычертив с рёвом белый след, катер уменьшился до точки и исчез в вышине. Маленький рицзу смотрел ему вслед, вытянув мордочку и будто принюхиваясь. Узкие глазки щурились, словно зверёк только что вышел на свет, долгое время проблуждав в темноте.

Авестас

writercenter.ru/profile/Nonsens/whois/

Художник Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Звёзды, которые нам светят

leto

Памяти Рэя Брэдбери

По мотивам рассказа "Здесь могут водиться тигры"

— Фнуля, а что у нас с кредитными картами?
— спросил однажды вечером Скоррт, шелестя газетой в кресле около окна.

— Штуки две или три осталось, а что?

— Отгрызи мне пару сантиметров по длинной стороне.

— Ты задумал что-то важное?

— Нет, я задумал нечто великое.

— О-о?.. — Черные глаза Фнули округлились, а тонкий голос зазвенел от волнения.

— Я хочу купить письменный стол писателя Кая Разумбери, — гордо сказал Скоррт.

— Но стол ведь ОГРОМНЫЙ. Зачем он нам?

— Фнуля, ты любишь сказки Разумбери так же, как я?

— Спрашиваешь! — Фнуля так старательно закивала головой, что иголки на её рыжеватокоричневой спине пришли в движение.

— Тогда представь себе: бесконечная зимняя ночь, в плюшевом небе блестят замёрзшие брызги молока, наш дом по самую макушку укрыт пуховым платком из снежинок, только дымок из трубы показывает, что он тихонько ды-

шит, а мы с тобой, поджав тёплые задние лапы, спим под письменным столом самого Кая Разумбери. Разве ты этого не хочешь?

— Конечно хочу, Скоррт! Это будет самая лучшая зимняя спячка!

— Ты всегда меня понимаешь, — растроганно шмыгнул носом Скоррт и уткнулся в газетный лист, то ли внимательно читая раздел объявлений, то ли стесняясь непрошенных слёз. Минутная стрелка негромко топала по кругу, оставляя за собой точки чёрных следов.

— Скоррт? — опустив разноцветное вязание через некоторое время позвала Фнуля. — А если стол не уместится в наш дом? Я хочу сказать, что он наверняка сюда не уместится, — оглянувшись, добавила она.

— Да, пожалуй, с этим могут быть проблемы. — Скоррт озабоченно нахмурил мохнатый лоб.

— А если поставить его на улице вместо летней беседки?

— Отличная идея! — просиял Скоррт. — Под ним можно будет прятаться от дождя и не надо будет прикрываться лопухами, чтобы добежать

Художник Лев Елена

Проза. Фантастика

до старого сарая. Он повёл носом, отчего усы на мордочке задвигались в разные стороны. — Я вижу только одну проблему: пока никто не продаёт стол Кая Разумбери.

— Жа-а-алко, — разочарованно протянула Фнуля.

— Жалко — это не то слово. С тех пор, как в нашем гнезде появились листы из той книжки, я мечтаю прикоснуться к какой-нибудь из его вещей. Эти мелкие чёрные буквы гораздо занятнее букашек, что толпами бессмысленно слоняются по огороду, хоть и сильно на них похожи. А бумага такая тёплая, когда в неё заворачиваешься, в ней так сладко засыпать, что мне кажется, все вещи Разумбери должны быть очень приятными на ощупь и исключительно вкусно пахнуть.

— Да, пахнуть звёздами.

— Фнуля, посмотри, как скучно мы живём. Бегаем, разглядывая то, что под ногами, выслеживаем мышей, вытаскиваем из земли червяков и никогда не смотрим в небо. Даже осенние листья умеют летать и видят гораздо дальше нас. Так ведь вся жизнь пройдет мимо.

— Пролетит, как железный самолёт.

— Еще быстрее — как ракета. А Разумбери летал к звёздам, поэтому был такой умный. Про него даже в Победетии написано, под пятном от яблочного варенья.

— Где?

— Это имциклопедия такая. Ты её на стол вместо скатерти постелила.

— Ааа...

— Фнуля, я знаю, как попасть к звёздам! Нам нужна железная ракета.

— Ты что? Они же для ЛЮДЕЙ. А мы ёжики.

— Ну и что? Если я ёжик, я не должен летать? Не могу мечтать? Обязан всю жизнь сидеть под лопухом, как последний слизень, пока другие оставляют следы своих лап на далёких планетах? — Скоррт, волнуясь, шагал по комнате и размахивал сложенной газетой. — Что мы будем рассказывать нашим детям? Сколько мух засохло от скуки, пока мы перекапывали огород в поисках самого толстого червяка? — он остановился и серьёзно посмотрел ей в глаза:

— Фнуля, какая сказка тебе нравится больше всего?

— Про планету с тиграми.

— Давай туда и полетим. Ты ведь хочешь увидеть тигров?

— Очень хочу. Но я боюсь далеко уходить от дома.

— Фнуль, ну давай полетим, а? — жалобно попросил Скоррт. — Даже Разумбери летал в ракете, а ведь он был совсем старым.

— Совсем старым? — недоверчиво переспросила Фнуля.

— Конечно! Ведь он носил очки!

— Ну, тогда ладно. А как мы узнаем куда лететь?

— Это очень просто. На листках из той книжки должно быть название планеты. А в большом зелёном ведре для мусора наверняка найдётся старое расписание автобусов до космопорта. Ты ведь не боишься летать?

— Нет, наверное. Но я очень боюсь автобусов. Я читала, что много ежей гибнет под колёсами.

— Не переживай, мы просто не будем подходить к этим ужасным колёсам. И надо взять с собой воду: вдруг долго не будет дождя, — Скоррт обнял Фнулю и аккуратно поцеловал в чёрный нос.

Это был удивительный вечер. Сердца бились сладко и тревожно, чуткие усы ловили пролетающий ветер, лапы были готовы сорваться с места вслед за белым пухом засыпающих одуванчиков, а над головой между листьями старой яблони поднималась огромная жёлтая луна. "Как же мы жили раньше, когда у нас не было мечты?" — думали они, теснее прижимаясь друг к другу и запрокидывая головы вверх. А звёзды дразняще подмигивали в зеленоватом сумеречном небе, маня к себе, как ягоды земляники в густой летней траве.

***

Скоррт и Фнуля сидели в коробке и тряслись то ли от страха, то ли вместе с внутренностями грузового звездолёта, мощные двигатели которого толкали корабль к намеченной цели. На пакетах с сухими макаронами сиротливо лежала давно опустевшая бутылка из-под воды. Время от времени Фнуля тоскливо поглядывала на неё, облизывая пересохшим языком потрескавшийся нос.

— Идут! — прошептал Скоррт. — Я их отвлеку, а ты закатаешь банку за ящик с консервами.

Фнуля обречённо кивнула.

Щёлкнул выключатель. Помещение камбуза наполнилось светом, тяжёлыми шагами, звуком сдвигаемой мебели и громкими голосами ЛЮДЕЙ.

— Может, по пивку? — спросил низкий мужской голос.

— А что, повод есть? — удивился голос помоложе.

— Ну так! Юбилей: десять лет, как летаю на этой посудине, — ответил первый.

— Доставай, — хрипло поторопил третий.

Хлопнула дверца большого холодильника, на столе звякнула посуда. С коротким тихим шипением вскрылись вакуумные упаковки и поплыли дразнящие запахи колбасы, хлеба, мясных и рыбных консервов. Стукнул по доске нож, нережая хлеб.

— А до этого ходил техником на пассажирских. Собачья работа, скажу я тебе, ни минуты покоя. То ли дело здесь. Тихо, спокойно, никто толпами не ходит, ничего на память не откручивает. Больше всего любили "Не влезай — убьёт" и "Слушай капитана, как маму родную". На пассажирских не успевали таблички менять: коллекционеры замучили, только отвернёшься — опять что-нибудь пропало. Кажется, что ерунда, а уходит на неё уйма времени.

Скоррт осторожно выглянул из укрытия. Голос принадлежал человеку в синем рабочем комбинезоне и коричневых ботинках на толстой подошве. Большая рука держала ломоть хлеба с толстым куском розовой колбасы. Скоррт сглотнул.

— На грузовых свои заморочки, — возразил хриплый. На нём тоже был комбинезон, под светом лампы в волосах поблёскивала седина. — Вот практикант, небось, хочет попасть на работу в пассажирские перевозки, на какой-нибудь туристический лайнер, — он повернулся к молодому парнишке в клетчатой рубашке и отхлебнул из банки. — Да? — парнишка кивнул. — А зря. Там никогда ничего серьёзного не случается. Всё давно заезжено и одна суета. Подумай сам, кто же повезёт туристов на неизведанную или опасную планету? А мы, работяги, летаем. Настоящие опасности здесь, у нас.

При слове "опасности" Скоррт тяжело вздохнул, выскочил из укрытия и побежал к людям.

— Глянь, ёжик! — ошалело протянул техник в коричневых ботинках.

Все зашевелились, старший резко встал, задев стол. По столешнице, выплескивая недопитое содержимое, покатались банки, одна или две с глухим стуком упали на пол. Скоррт бросился под ноги молодому, чудом успел проскочить между огромными кроссовками и протянутыми к нему длинными руками, снова пробежал

по открытому месту, привлекая к себе внимание. За спиной тяжело бухали ботинки, гремели голоса. Скоррт отчаянным рывком добежал до стеллажей с припасами, прополз под низкими ножками до самой стены и затих. Сердце громко колотилось, едва не выскакивая из груди.

— Оставь, сам вылезет, если не померещился.

Рука с растопыренными пальцами пошарила в тесной темноте, замерла, совсем чуть-чуть не дотянувшись до поджатых лап, и исчезла.

Фнуля тихо всхлипывала и дрожала в объятиях Скоррта.

— Все хорошо, все позади. Попей, — уговаривал он. Смотри, я уже проковырял дырку. Вот так банку наклоним, и можно пить.

— Ты тоже пей, только это не сок, — капли дрожали на усах, шерсть на шее Фнули намокла.

— Да какая разница, главное, что теперь не умрём, — Скоррт с наслаждением ловил губами тонкую струйку.

— Здесь даже мышей сроду не водилось, — в отдалении басил техник. — Может, с оборудованием попал? У космодромных вечно бардак на погрузке.

— Главное, чтобы в пункте назначения незваных гостей не оказалось, — рассудительно добавил хриплый голос.

— А что, могут быть и опасные? — поинтересовался молодой.

— Так я ведь о чём толкую? Это тебе не туристические линии от курорта до курорта. У нас планеты всякие попадают. Сейчас вот передали, что вокруг рудника хищников развелось немерено. Так что ты далеко не уходи. Сдадим оборудование, обратный груз возьмём — и домой.

Люди поговорили ещё немного и ушли. Скоррт и Фнуля успели поесть, напиться, до краёв наполнить заветную бутылку и оттащить её в грузовой отсек, где они обитали с момента отлёта. Теперь они блаженствовали, сидя на штабеле из коробок и перебирая взятые с собой листы сказок. Они увлеклись и не слышали приближающихся шагов. Когда вспыхнул яркий свет, Скоррт и Фнуля испуганно замерли, вцепившись лапами в бумаги с буквами.

Вошедший тоже замер на мгновение, потом покачал головой и пошел прочь, хрипло приговаривая себе под нос:

Проза. Фантастика

— Читающие ёжики, надо же. Точно померещилось. И в глазах двоится. Все-таки в космосе пить вредно.

Время тянулось медленным плавным ручейком. Делать было нечего. Фнуля уже в третий раз распускала и перевязывала жилетку. Её неудержимо клонило в сон.

— Люди такие странные. Ругают свою работу и проводят на ней всю свою жизнь. И не верят своим глазам, — вяло рассуждал Скоррт.

— Фнуля, я вот всё думаю, если Кай Разумбери столько путешествовал, когда же он писал свои сказки?

— А может во время путешествий и писал? Больше всё равно нечем заняться.

— А как же тогда письменный стол? Ты думаешь, он каждый раз брал его с собой в ракету?

— Это вряд ли. — Фнуля зевнула, прикрыв рот лапой.

— Но тогда это получается не настоящий письменный стол. И мы правильно его не купили. — Скоррт помолчал. — Дома, наверное, уже рано темнеет. И трава пожухла. Помнишь, как мы с тобой убежали от падающих яблок? Оно, огромное, летит, а ты отскакиваешь в сторону и смеёшься, когда оно шлёпается на землю рядом с тобой. Ух и страшно было тогда. Но весело. Я люблю, когда яблоки лежат на земле и пахнут вкусно сразу и летним теплом, и осенней прохладой. А потом целыми днями идут дожди, а дома печка. Кипит чайник, шерстяные носки щекочут лапы, а в вазе на столе сушёные вишни. Я взял с собой горсть, хочешь? Фнуля, ты меня слышишь?

— Можно я посплю немного?

— Фнуль, ты только совсем не засыпай, не надо нам спать так далеко от дома.

— Я совсем чуть-чуть. — Фнуля снова сладко зевнула и прикрыла глаза.

Но тут корабль задрожал и навалилась тяжесть. Лапы опускались и не хотели шевелиться. Стало трудно двигать головой, нос потянуло вниз, к животу, захотелось лечь, закрыть глаза и замереть. А потом снова стало легко и наступила тишина. Прилетели.

***

Металлические захваты большого погрузчика методически перемещали контейнеры из недр корабля на залитую бетоном землю. Погрузчик

поменьше забирал ящики с оборудованием и прочими грузами и сортировал их, раскладывая кучками на отведённые места.

Улучив момент, когда никто из людей их не видел, Скоррт и Фнуля выбрались наружу и откатились от ящиков в траву за пределами площадки. Свежий ветер разогнал остатки сна. Поднявшись на задние лапы, ежи шевелили носами, лоя приметы незнакомого места. Все напоминало космодром: металл, пластик, запах масла, шум техники. К этому примешивался странный вкус ветра и далёкие раскатистые звуки грома.

— Я никогда не пойму людей, — ворчал Скоррт, пробираясь по оставленной бульдозером коле. — И что такого они нашли в космосе? Похоже, что все планеты одинаковы.

— Все, где есть люди?

— А где их нет, людей-то? В этом мире людей гораздо больше, чем ежей. А везде, где есть люди, обязательно находится мусор. Вот от птиц или, скажем, кошек никогда не бывает столько отходов.

— Это потому что у нас мало вещей, и мы ими не разбрасываемся.

— Я не об этом. Стоило ли лететь так далеко, чтобы спотыкаться о консервные банки?

— Скоррт, ну ты же прекрасно знаешь, что люди не умеют вовремя остановиться и всё делают с запасом. А ты просто хочешь спать, потому и ворчишь.

— Да, я хочу ворчать. А почему бы не запаковать что-нибудь хорошее?

— А разве всё хорошее, когда полежит, не превращается в плохое? Ну сколько могут храниться припасы? Вот и ты, как я посмотрю, со временем не становишься лучше, особенно когда ругаешься.

— Люди, наверное, тоже постепенно портятся от скуки, ведь они живут почти бесконечно. Наверное, когда им становится совсем нечего делать, они отправляются путешествовать, чтобы не прокиснуть.

— Ты знаешь, а мне жаль людей. Они проводят так много лет в своих каменных и железных муравейниках, что забывают, что можно просто жить. Бегать по мокрой от росы траве, поднимать с земли упавшие сливы, заваривать чай с только что сорванным малиновым листом, — Фнуля аккуратно обходила разбросанные обломки пластика.

Вскоре вытоптанная земля и примятая трава

вывели на наезженную дорогу, но разглядеть окрестности мешали низкие, набухшие влагой тучи и морозящий дождь. Каменистая дорога забирала всё время вверх, в горы. Дыхание сбивалось, и разговоры сами собой сошли на нет. Проявляясь из-за дождя и тумана, путь всё теснее обступали скалы.

— Куда же мы с тобой забрались?

Фнуля шмыгнула носом.

Скоррт перехватил поудобнее сумку. Натоптанные, сбитые о камни лапы болели, спина устала. Сердце глухо стучало, голос звучал хрипло и незнакомо. «Стоило ли вообще так далеко убегать от дома?» — подумал Скоррт, глядя на осунувшуюся мордочку Фнули.

Тем временем дождь закончился, и ветер сдувал тучи, отгоняя их обратно на плато к посадочной площадке. Широкою седловину перевала миновали молча. Дорога повернула, открыв вид на соседнюю долину.

Вдалеке щекотали небо заснеженными вершинами горные цепи. Как корона, обрамляли они берега бесконечного, до самого горизонта, озера. Завернутое в зелёные шелка трав, его огромное зеркало безмятежно блестело под пробивающимся сквозь тучи солнцем.

Скоррт и Фнуля замерли от восторга, а потом с радостным визгом и фырканием заторопились, побежали, покатались вниз — по дороге, потом не разбирая дороги, огибая камни и путаясь в траве, которая становилась все выше, зеленее, сочнее.

Остановились только увидев на своем пути жука. Чёрного, лоснящегося. Вкусного. И червяки под кустами с мелкими желтыми ягодами оказались толстые, жить можно. А какие красивые здесь были деревья: с гладкими стволами, ровными кронами, свободно тянущие ветки в небо, чтобы прикоснуться к облакам. И воздух — чистый, умытый дождём, с лёгким запахом неведомых трав и цветов.

Скоррт и Фнуля вышли к озеру. Бесконечная гладь воды отражала небо с плывущими остатками туч, и мир казался то ли перевернутым, то ли безграничным.

— Мне кажется, что я лечу, — восхищенно прошептала Фнуля.

Она зажмурила глаза, раскинула лапы в стороны и закружилась, что-то напевая себе под нос. Дохнул теплый ветер, и мир вдруг наполнился звоном кузнечиков, щебетом неведомых

птиц, листва деревьев зашелестела, и даже облака как будто поплыли быстрее.

Они играли в траве, пока не побежали вечерние тени, окрашивая небо в прозрачный сиреневый цвет. В наступающих сумерках сели у самой кромки воды. Уходящее солнце подсвечивало облака тёплым золотом, постепенно приглушая его до мягких оттенков топлёного молока, налитого на лиловое блюдце озёрной глади. А потом между тучами показались звёзды. Скоррт и Фнуля всматривались в незнакомые созвездия, пытаясь отыскать далёкую точку, где остался их дом.

— В детстве я думал, что летом ночи короткие, потому что светят звёзды. Ближе к зиме они опадают, как листья и ложатся на землю снежинками, а оставшиеся наверху почки не могут осветить бесконечную зимнюю ночь. К весне звёзды прорастают и сумерки наступают всё позже и позже. Я лежал и ждал, когда стемнеет, чтобы посмотреть, подросли ли звёзды за день. А мама удивлялась, почему я так долго не сплю.

— А я думала, что снежинки спускаются с неба, чтобы укутывать нас одеялом во время зимней спячки. И прятала их в варежку, чтобы сохранить, ведь весной тоже бывает холодно и мёрзнут лапы, а летом так хочется прохлады. Интересно, а здесь бывает зима?

— Может быть и нет. Меня уже не так тянет спать, как обычно осенью.

— Хорошо здесь, — вздохнула Фнуля. — У тебя чего-нибудь вкусного не осталось?

— Будешь сушёные вишни? — порылся в сумке Скоррт.

— Давай. Ой, рассыпала. Ну и ладно, я их полью, пусть цветут, когда вырастут. Иначе как узнать, когда весна, если зимы совсем нет?

Вода тихо плескалась у самых лап, тёплый ветер ласково ерошил шерсть, травы качались над головами.

— Красиво. Как же здорово, что Разумбери придумал всё именно так. Наверное, и тигры где-то ходят, — Фнуля мечтательно вздохнула.

— Я иногда кажусь себе таким маленьким и никчёмным, — помолчав, тихо сказал Скоррт. — Вокруг столько прекрасного, а мы совсем обычные, коричневые, ничего не умеем. Зачем мы живём?

— Наверное, чтобы любить всё это. Я не знаю.

— Эх, лодку бы сейчас. Я читал, что здорово

Проза. Фантастика

ходить под парусом, — сложив лапу козырьком, Скоррт щурился, глядя в темноту у горизонта.

— Что ты, Скоррт! С лодкой нам точно не управиться. Да и откуда она здесь. Разве что осталась от Разумбери.

— Интересно, а ёжики здесь водятся? Представляешь, если мы будем первыми?

Ночь убаюкивала. На волнах качались звёзды, над головами — травы, всё дышало спокойствием и тишиной.

Следующие дни они ловили жуков, грелись на солнце и ровным счётом ничего не делали. По утрам озеро куталось в туманы. С первым щебетом птиц туман начинал таять, и зелёная щетина леса, казалось, подступала ближе к воде, чтобы увидеть своё отражение. Солнце проводило тёплой ладонью по верхушкам деревьев, и они расправляли ветви, тянули их ввысь и в стороны, подставляя ветру и птицам. Днём в озеро смотрелись облака и казалось, что силуэты гор парят в небе. Скоррт отважно бродил по отмели, распугивая стайки головастика, а потом подставлял мокрый живот солнцу. Тёплый песок у кромки воды запестрел следами лап. Поляна покрылась тонкой вязью тропинок.

Лишь однажды ветер нагнал волну. Атласная гладь воды пошла складками, волны заострились, потемнели, побежали к берегу, перекачивая и смывая мелкие камни, шурша и выглаживая песок. А потом снова выглянуло солнце.

Охотиться здесь было сплошным удовольствием. Фнуля и Скоррт быстро набирали вес, иголки весело топорились в разные стороны.

— А ведь здесь неплохо. Не остаться ли нам тут жить? — задумчиво произнес однажды Скоррт. Фнуля радостно прокатилась клубком по траве.

— Только надо уйти подальше от людей и выбрать место для дома.

Утром, когда птицы начали снова по своим делам и пересвистываться разными голосами, Скоррт и Фнуля собрали нехитрые пожитки и двинулись навстречу неизведанному.

— Фнуля, мы с тобой настоящие отважные путешественники, — Скоррт бодро шагал вдоль берега, размахивая веткой.

— Что ты, Скоррт, какие же мы путешественники? Если настоящий путешественник попадёт в грозу, он не остановится и пойдёт дальше, а мы ведь спрячемся под дерево, правда? И настоящие путешественники всегда ночуют только

на земле, под открытым небом. А я знаешь как хочу домой, в наше тёплое гнездо?

— Ты, Фнуля, не переживай, будет у нас дом. До зимы мы три раза успеем его построить. Если, конечно, здесь есть зима.

Они брели сквозь зелёные заросли, и ветер пел над головами, перебирая листву деревьев. Берег озера становился все более крутым, пришлось забираться выше, туда, где над обрывом росли синие цветы. Фнуля не выдержала и набрала семян из отцветших побегов. Зато и озеро было отсюда очень хорошо видно. Когда солнце начало припекать и пора уже было подкрепиться, они вышли на странный белый луг. Издалека казалось, что на траву легло большое белое облако. Когда Скоррт и Фнуля подошли ближе, они увидели, что среди травы покачиваются на толстых ножках огромные пуховые одуванчики. Скоррт пробирался между стеблями, раздвигая и наклоняя их, а Фнуля подбрасывала белый пух, прилепляла его себе на ключие бока, свернувшись клубком, каталась по лежащим на земле одуванчикам. Скоррт заливался смехом, глядя на торчащий из белого кома коричневый нос и блестящие бусины глаз. Фнуля раскланивалась и пыталась танцевать, сдувая с усов легкий пух. А потом солнце закрыла тень и рядом встали огромные мягкие лапы.

— Тигры! — Фнуля восторженно запрокинула морду вверх.

Их было несколько. Высоких, мощных, закрывающих небо своими большими головами, нетерпеливо бьющих хвостами с чёрными шерстинками на концах. Самый крупный из зверей наклонился, приблизив бархатный нос к Скоррту, который стоял ни жив ни мертв, а потом к Фнуле. Фнуля поднялась на цыпочки и зажмурила глаза. Длинные усы дрогнули от тёплого дыхания. Тигр приоткрыл пасть, высунул огромный язык и провел им по беззащитному мохнатому животу. Фнуля приоткрыла один глаз, потом другой, ухватила огромную морду за мех на щеке и поцеловала огромный нос. Зверь фыркнул и сел на задние лапы. Стая неторопливо обошла странных незнакомцев, развернулась и плавным мягким шагом двинулась в сторону горной цепи у горизонта. Скоррт и Фнуля заморожено смотрели им вслед. Вдалеке послышался грозный рык.

— Скоррт, здесь действительно водятся тигры! Настоящие тигры! Какие они красивые!

— Если здесь водятся тигры, может, и лисы здесь есть?

— Скоррт, ты что! Не говори это слово, даже не думай об этом! — она беспокойно оглянулась. Травы между одуванчиками качали рыжими метёлками. Упавшее дерево было похоже на притаившегося хищника. Большие валуны пестрели охристыми пятнами. Кого прятали они за своими каменными спинами? В какой-то момент показалось, что в зарослях мелькнуло что-то рыжее.

— Бежим! Скорее!

Кубарем скатились они с обрыва, промчались, мелькая лапами, по песчаному берегу, задыхаясь, забрались в гору и прошли перевал. Тяжело, из последних сил дыша, скатились к бетонной площадке. Погрузчик примерялся захватом к последнему контейнеру.

Солнце медленно садилось в фиолетовые тучи.

* * *

— Слышь, я думал, что померещилось, — седой техник в синем комбинезоне задумчиво поскрёб подбородок. — А ведь и вправду ёжики.

На дне коробки с образцами среди обрывков бумаги, перепутанных ниток и пуха лежали два колючих тельца. Седой повертел коробку в руках, тронул ежей пальцем. Те не дрогнули.

— Эх, бедолаги. Получается, они весь рейс с нами отлетали. А новую планету так и не увидели. Ну а что делать, перегрузки и для людей тяжелы, не только для ёжиков. Вот оно, понимаешь, как бывает.

— Что в журнале-то писать?

— Напиши чего-нибудь. Что подмокло или повреждено при погрузке. Груз в порядке, только упаковка подпорчена, даже акт не обязательно составлять.

— А с этим что делать? — второй техник ткнул пальцем в коробку.

— Что тут теперь сделаешь? — вздохнул седой. — Эй, практикант, иди сюда. Отнеси их... куда-нибудь. Сам сообразишь, в общем. Вместе с коробкой забирай, её теперь только выбрасывать.

Прижимая к себе закрытую коробку, практикант вышел на площадку космодрома. Здесь, вдали от посадочной полосы, было тихо. Деревья еще не распустились, но солнце пригревало в полную силу. Он подошёл к огромному блестящему бункеру утилизатора и наступил на педаль. Крышка с лязгом приподнялась, внутри

механически заурчало. Парнишка помедлил. Открыл коробку и потрогал ёжиков. Запаха разложения не чувствовалось. Тельца были мягкими и прохладными. Казалось, ёжики просто уснули. Он аккуратно разжал пальцы с когтями, маленькая ладонь оказалась розовой. Другой кулачок не разжимался. Он провёл пальцем по торчащим в разные стороны иглам, погладил коричневую шерсть. Снял ногу с педали утилизатора и, перепрыгивая через весенние лужи, двинулся к лесу.

Снег только стоял, обнажив прошлогодние листья, но в тени и в низинах еще лежал нездраватыми залежами. Парнишка выбрал сухое место, не видное с тропы. Поставил коробку на землю, закидал отломанными ветром ветками, слегка присыпал листьями и аккуратно, выбирая места посуше, пошёл по тропинке к автобусной остановке, которая проглядывала между деревьев.

Весна оказалась дружной и неожиданно тёплой. Неделю грело солнце, а потом пошёл дождь. Сначала робко, потом смелее и чаще устремились к земле прозрачные капли. Они падали на голые ветки с набухшими, готовыми лопнуть почками, смывали с них зимний сон. Намокшие стволы заблестели ожившими красками. Капли зашуршали по старым листьям, прижимая их к земле. Вода собиралась на выцветших листовых пластинках, стекала по поверхности, просачивалась между листьями, пока не промочила их бурый слой насквозь, до самой почвы. Дождь все шёл и шёл, таяли остатки снега, влага растекалась по земле, впитывалась в неё, пробуждая новую жизнь.

Сквозь осеннюю прель полезли тонкие стрелки молодой зелени. Она пробивала себе дорогу, протыкая старые листья, раздвигала их, огибала лежащие на земле ветки. Чуть слышно, тише, чем падают капли дождя, лопались почки. Прорастали упавшие по осени семена. Земля оживала после зимней спячки. Пригорок покрылся мелкой россыпью мать-и-мачехи, оцетинился зелёными иголками травы. Только там, где лежали наломанные сухие ветки, трава была старой, коричневатой-белой, и торчала в разные стороны. Да и не трава вовсе. Это выполз ёжик и подслеповато щурит заспанные глаза. Как восхитительно пахнет весной! Вот и жук пробежал, очень вкусный жук. И ещё один.

— Фнуля! Весна! Просыпайся!

Художник Лев Елена

Коричневый клубок развернулся. Фнуля зевнула, потянула затёкшие лапы. Разжала онемевшие пальцы и удивлённо посмотрела на зёрнышки:

— Скоррт! Это было на самом деле! — и крепко прижала к груди промокшую сумку.

Дом показался маленьким и старым, яблоня — огромной, а куст смородины был окутан нежным ароматом разворачивающихся листьев.

Оставляя мокрые следы, они зашли в дом и завернулись в тёплые пледы. Разожгли огонь, вскипятили чай. Фнуля перестелила скатерть и достала прошлогоднее варенье. Грея лапы о покатые бока чашек, вдыхали родной запах дома. Внутри разливалось тепло. Стрелки часов медленно перешагивали с одной точки на другую.

— Надо же, здесь написано, что Разумбери никогда не летал на звездолёте, — Скоррт под-

черкнул когтем строчку на бумажной скатерти.

— Не может быть. Откуда он тогда узнал про тигров? Они ведь были настоящие. И пятна у них на боках были очень красивые.

— Какая теперь разница. Главное, что без него мы вряд ли куда-нибудь выбрались бы.

— Это точно. Мне и сейчас кажется, что все это нам приснилось, — Фнуля хлопнула себя по лбу и выбежала из кухни. В чулане послышался грохот падающих лопат и граблей.

Стрелки часов с каждым днём неслись по кругу все быстрее, ведь дел было невпроворот. Время всегда летит быстро, когда есть чем заняться. Вот уже вишни присыпали дорожки круглыми белыми лепестками, одуванчики сменили жёлтые головы на лёгкие воздушные звёздочки. Скоррт гонял мышей из старого сарая, а Фнуля возилась в огороде.

— Фнуля, а ты знаешь, что один путешественник объехал весь свет за восемьдесят дней?

— Восемьдесят дней? Это ужасно много, целое лето. Даже и не думай. Сначала надо вымести пыль и навести в доме порядок. Иди лучше посмотри, как расцветают синие цветы. Скоро и на наших вишнях у озера будут ягоды.

— Когда это ещё будет? — присвистнул Скоррт.

— Когда ежата подрастут, — дернула носом Фнуля и решительно упёрлась лапами в бока:

— Но перед этим тебе придется отремонтировать дом!

Бегали букашки, щебетали птицы, а высоко-высоко в небе, среди облаков, широко раскинув крылья, парил самолёт.

лето

writercenter.ru/profile/letto/whois/

Художник Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

*Рассказ посвящается Эстасу Тонне,
гитаристу-виртуозу, трубадуру современности*

Песня золотого дракона

Михалевская Анна

— Девушка, эй!

Уличный музыкант что-то протягивал мне. На пальцах мозоли от струн, на запястьях ряды браслетов, ветер полощет белую рубашку, спутанные рыжеватые волосы падают на лицо. Светло-голубые, почти прозрачные глаза смотрят на меня с жадным интересом.

— Это ошибка!

Я отвернулась и пошла восвояси. Не до му-

зыкантиков, когда жизнь разбивается вдребезги. Вчера проводила мужа в командировку, а сегодня мне ответил в трубку женский голос. Весь день как в дурмане. Шеф грозит увольнением: заказчик недоволен, мол, дизайн — убожество. А я смотрю на макет сайта, вижу вместо экрана лицо мужа и понимаю — ничего уже не исправить...

— Ведь это ваш ключ?

Художник Каллиопа

Художник Argentum Agata

Запыхавшийся музыкант тронул меня за локоть, я недоуменно уставилась на маленький, будто игрушечный ключ. Не мой, конечно! Но... Я остановилась. Куда спешить? Дома ведь пустота. Теперь я совсем одна. Впору жалеть, что кошку раньше не завела.

— Спасибо... — Чуть коснувшись шершавых пальцев, я взяла ключ.

— Оставайтесь! — Гитарист улыбнулся, в сумерках блеснули глаза.

Он уселся по-турецки прямо на булыжники площади, и я неловко опустилась напротив. Поймала удивленные взгляды прохожих, поежилась. Наверное, думают, я сошла с ума. Вспомнилось детство. Тогда я рисовала везде: на стенах домов, на асфальте улиц, на полях тетрадей. И не боялась косых взглядов.

Музыкант откинул с лица волосы, глянул исподлобья, будто на что-то решаясь, и наконец осторожно коснулся струн. Дрогнули палочки благовоний, зажатые у грифа, дым поднялся вверх, лицо гитариста окутала пелена.

— Песня золотого дракона, — тихо сказал парень.

Сердце ёкнуло. И сквозь коросту суеты на-

чало проступать детское воспоминание. Рыжая чешуя, перепончатые крылья, летящий силуэт на стене гаража. Музыка стала осязаемой, я жадно глотала каждый звук и не могла напиться. Снующие вокруг прохожие превратились в игрушечные фигурки. Настоящими остались только мы двое и крошечное пространство между нами, звенящее от забытых, невысказанных чувств. Расправляя крылья, я взмыла за драконом, пьянея от забытого ощущения свободы. Нелепой фантазией казалась теперь замужняя жизнь, работа в тесном офисе, безликая квартира. Бег по кругу, обвинения, упреки, страхи — там, на высоте, это виделось таким мелким...

Не знаю, сколько мы просидели, держась друг за друга взглядами, но в какой-то миг я почувствовала, что осталась одна. Гитарист исчез, и только его музыка до сих пор звучала во мне.

Я поднялась и побрела по ночному городу, то и дело поглядывая в темное небо: не мелькнет ли где-то отливающий охрой хвост.

***

Художник HerbstRegen

Сбросив у порога туфли, добрела до спальни, опустилась на пол и, подражая гитаристу, села по-турецки. Казалось, так я снова почувствую его присутствие. Залезла в сумку, вытащила подарок. Повертела в руках блестящий ключик. Я по-прежнему не знала, в какую скважину его вставлять. Может, уличный музыкант меня разыграл? Увидел в глазах безысходность, сказал пару теплых слов — много ли надо отча-

явшейся женщине? Остальное я придумала сама. Немеющей рукой потянулась к кошельку — нет, все на месте...

И в этот миг я перестала думать о случайностях. Одну за другой я открывала дверцы шкафов, оттаскивала мебель от стен, на пол летели ящики с бельем, коробки, книги... Я нашла ее за комодом: старая пыльная шкатулка, лет десять назад сама ее туда затолкала.

Забывая дышать, я вставила ключ, услышала щелчок. Осторожно подняла крышку и принялась перебирать карандашные наброски. Слезы капали на бумагу, размывая лицо рыжеволосого парня. Я выдумала его давным-давно, но у меня не было друга вернее. Я рисовала под перебор струн и звук его голоса, рисовала то, о чем он пел. И если не давался силуэт, он вел мою руку. Если надо мной смеялись, он делал смех неслышимым. И если я не верила в себя, то верил он.

***

Я окинула взглядом площадь, по привычке высматривая глаза цвета неба и солнечные блики на золотистой чешуе. Раз в год прихожу сюда, подолгу брожу в толпе, хоть знаю: та встреча была первой и последней. Мне все еще не хватает неба и солнца, но теперь их в моей жизни гораздо больше. Я нашла нового мужа — он совсем не похож на того музыканта, но временами в любимых глазах мелькает знакомое выражение. Прежнюю работу бросила, теперь иллюстрирую книги со сказками.

Опустившись на колени, достала из сумки мелки и принялась рисовать на асфальте силуэт, повторяя давний набросок. Я слишком спешила вырасти и забыла о своей мечте — делать рисунки живыми. Но в детстве точно знала, что когда-нибудь встречу своего друга. И это будет только начало.

Художник SEN

Люди недоуменно оглядывались, но мне было все равно. Больше не отступлю от мечты, какой бы глупой она ни казалась другим. Жизнь останавливается, когда за спиной не чувствуешь крыльев.

Положив мелок, я поднялась, глянула на свежий рисунок. Блеснули в дымке голубые глаза, и над площадью поплыла песня. Песня золотого дракона.

Михалевская Анна

writercenter.ru/profile/berdandi/whois/

Эстас Тонне (Estas Tonne)

www.youtube.com/watch?v=7gphiFVvtUI

www.youtube.com/watch?v=WGTxqhSN8bE

Художник Каллиопа

writercenter.ru/profile/calipso/whois

Художник Argentum Agata

writercenter.ru/profile/argentum/whois

Художник HerbstRegen

writercenter.ru/profile/HerbstRegen/whois/

Художник SEN

writercenter.ru/profile/KuraiAkuma/whois/

Художник Самсонова Катерина

Зауэр Ирина

Баллада крысолова

Нет дара ценней бескорыстной услуги,
За все, что бесплатно, заплатишь сполна...
Когда-то я крыс собирал по округе,
И славные были тогда времена!

Как выбор был ясен и прост — или-или:
Зерно сохраняя, ты крыс не жалей.
Порой за работу мне даже платили,
А чаще забыть торопились о ней.

А ныне — что делать! — все карты смешались,
И нет больше пыла, нет зла и добра.
Вы, милые дети, мне даром достались,
И вас я бесплатно сведу со двора.

Лишь так помогу я богатым и нищим,
Кто верит в благую, но лживую весть:
Что сердце стать может пороков жилищем,
Но кайся — простятся и ярость и лесть.

Попросишь прощенья — очистишься сразу,
И прежним, безгрешным, продолжишь свой путь...
Но только водой не излечишь проказу,
Хоть совесть свою так легко обмануть.

Пороки — не крысы, страшнее намного,
Но способ привычный смогу применить:
Вас всех соберу и отправлюсь в дорогу,
Чтоб в море соленом грехи утопить.

Не хнычьте! Ты, Леня, вы, Печаль с Клеветою,
Жестокость, Безволие, Неправедный суд.
Детьми притворяться — коварство пустое,
Ни слезы, ни хитрости вас не спасут.

Играй, моя дудочка, громче и тише,
Натягивай крепче призывную нить!
Вот только один никогда не услышит,
Последний порок — неуменье любить.

И проклят я буду с работой своею,
Глупец, посягнувший на «право грешить»,
За то, что не сделаю сердце добрее,
Пороки лишь в нем помогу задушить.

А может, продать вас за цену любую?
Вот только не в золоте будет цена.
За праведный гнев и за веру слепую
Слезами и кровью все платят сполна.

Но что это? Кто там, в толпе оголтелой?
Чьи лица мелькают, чисты и светлы?
Надежда и Милость? Что с вами мне делать?
Уменье прощать? Но откуда здесь ты?

Я звал только то, что зовется грехами,
Что сердце и душу жестоко клеймит.
А вижу, они затерялись меж вами,
Любовь, Доброта, Снисхождение, Стыд.

...Из ваших ладоней, упрямые дети,
Я истину пью, словно воду с горсти:
Порок истребив, не спасти добродетель,
И зло уничтожив, добра не спасти.

В изменчивом мире все истины новы,
Как та, что сейчас я случайно открыл:
Для крыс не всегда вам нужны крысоловы,
Какое бы благо наш труд не сулил.

Свободу свою вы как знамя несете,
И я не посмею за вас выбирать.
Но если однажды назад позовете,
То сами решите, кому мне играть.

Зауэр Ирина

writercenter.ru/profile/Lita/whois/

Самсонова Катерина

writercenter.ru/profile/SeaCat2401/whois/

Абрамова Елена

Вечер

Тихий вечер размышляет обо всем прошедшем.
О тебе и обо мне, и о всех ушедших.
Загорелись фонари, месяц в небо вышел.
Тонкой ленточкой зари запад кто-то вышил.
Тени синие легли, в воздухе прохлада.
Синий час моей земли... Свет включать не надо!
Что дописано, что нет, довершать уж поздно.
Льют на землю тихий свет золотые звезды.
Завтра будет новый день, а сегодня вечер.
Струны звонкие задень, и затепли свечи.
Посидим с тобой вдвоем, в перезвон гитары
Мы любовь свою вплетем, и сердец удары.
Ночь заглянет к нам в окно, как большая птица.
За окном — темным-темно... Что-то нам приснится?..

Прогулка

Мне нравится гулять среди полей,
Вдыхая травянистый аромат.
Вдали от суеты и от людей,
Как в детстве, поискать волшебный клад...

Мечтая, утопать среди цветов,
Плести венки — и представлять себя
Царевною полей и ручейков,
Прекрасной феей солнца и дождя...

Средь многотравья пестрого идти,
Раскинув руки, ощущая ветер.
И голос свой в степной простор вплести,
И крикнуть: "Я живу на этом свете!"

Потом, сорвав цветок, шептать над ним,
Наивно веря в силу заклинанья.
Чтоб летним теплым вечером одним
Любимый кто — то прошептал признанье...

Художник Каллиопа

Абрамова Елена

Корабль Земля

Гроза идет над синью моря,
Сердито плещет океан.
И, со стихией грозной споря,
Несется мячик по волнам...

Нет, то не мяч, а шар хрустальный,
Зеленый... или голубой.
Но кто рукою беспечальной
Швырнул его в простор морской?..

Какая хрупкая игрушка!..
Его о скалы разобьет!
Но нет, не мяч, не безделушка, —
Наш шар земной летит вперед!..

На нем — леса, моря и страны,
Пустыни, реки, города...
Он мчится вскачь по океану,
А в океане — не вода,

А время, бурная стихия.
Волне подобен каждый век.
Гремят раскаты грозные...
Земля свой продолжает бег...

А с нею — мы, по океану
На корабле Земля плывем.
Неведомому Капитану
Штурвал свой в руки отдаем...

Волна идет вслед за волною,
За веком — новый мчится век.
Сколь беззащитен пред судьбою
Венец созданный, человек...

Зауэр Ирина

Песенка ловчего душ

Мир устроен не так, как считается
Тем, кто любит варенье и мед.
За мечту, что бесплатно сбывается,
Срок платить все равно настает.
Мудрых сказок напрасно не слушали,
Ныне жесткая правда в ходу:
Я охотник за вашими душами
И однажды за вами приду.

Но не сразу. Мне спешка заказана,
В деле тонком я верный знаток.
Для души, что игрушками связана,
Ловчий выберет правильный срок.
От трофеев своих подустанете,
От лихих ежедневных охот,
И однажды вы ждать перестанете —
И дождетесь. Как время придет.

Вы же сами азартно сражаетесь
За награду любую подчас.
До меня вы легко поднимаетесь —
До себя опускаю я вас.
Портят жизнь вам печаль и сомнение,
И любая игра хороша,
Если только подарит забвение,
Если сладость получит душа.

Всем по вкусу печенье медовое,
Каждый любит, к чему он привык.
Но растет из несладкого новое,
Из препятствий. Иное — тупик.
Только вы разбавлять не умеете,
Сладость с горечью страшно мешать...
И в глаза мне смотреть не посмеете,
За себя позволяя решать.

Так что жалобы ваши не слушаю,
И в ответ только это скажу:
Я охотник за вашими душами,
Как детей их от вас увожу.
... Если все-таки вы повзрослеете,
Разных правд совместите края,
Вот тогда победить вы сумеете,
И меня, и себя. Как и я.

Абрамова Елена

writercenter.ru/profile/0003930elena/whois

Зауэр Ирина

writercenter.ru/profile/Lita/whois/

Художник Каллиопа

writercenter.ru/profile/calipso/whois/

Любовь и/или смерть

Фингерова Ирина

Когда мы познакомились, мы еще существовали порознь. Хорошее это было время; оно принадлежало лишь нам, и мы могли есть столько орехов, сколько нам заблагорассудится. Зубы у нас были крепкие, молодые. Мы предпочитали фисташки, кешью, может быть, миндаль. Грецкие орехи — эти маленькие протеиновые полушария — были ненавистны нам обоим еще задолго до того, как мы впервые встретили друг друга.

— Господин Свеча, не отведают ли Вам этого изумительного лакомства?

Я шел по улице, когда ко мне обратился звонкий, дребезжащий от заискивания голос. Я оторвался от размышлений и пристально посмотрел на источник звука. Маленькая зеленоглазая дикарка глядела прямо мне в глаза; в руках у нее был серебряный поднос, на нем располагалась чаша, из которой доносилось мерное бульканье. Меня нисколько не удивило,

Художник Argentum Agata

что девчонка знает мое имя. Как никак, она находилась внутри меня и несмотря на то, что она не знала столицу Кении (впрочем, как и я), кое-что ей следовало знать.

— Что еще за лакомство? — небрежно, не слишком заинтересованно осведомился я.

— О! Господин Свеча! Совершеннейшее безумство! Огненная саламандра. Динамичная. Пляшет прямо у вас во рту. Концентрат пламени!

Я прищурился. Я всегда прищуривался, когда мне было интересно, но я пытался убедить себя в обратном.

— А чем, дитя мое, прикажете тушить ваше лакомство?

— Лакричные конфетки. Такие противные, что любое безумие умчится.

Я не стал торопиться с ответом, но и мешкать тоже не стал. Поскольку, как я уже ранее упоминал, все это происходило внутри меня, время обращалось в категорию весьма субъективную. Оно было склизким медлительным слизняком, случайно оказавшемся в моем уютном домашнем тапочке, и вечно пыталось от меня ускользнуть, но я знал все его движения наперед и успевал схватить до того, как оно исчезнет. Девочка стояла и улыбалась. Сама невинность. Неужто лакомство, предложенное этим ангельским созданием, может таить опасность? Ерунда!

— Давай свою саламандру. И запомни, я не господин Свеча, а госпожа!

Девочка опешила, я сунула руку в чашу и тотчас же почувствовала легкий укус. Какая сладостная боль. Саламандра вскочила на мой указательный палец, еще погруженный в чашу, прыжок — и вот она уже на моем запястье; я аккуратно извлекла руку из чаши и поднесла ко рту. Я улыбнулась, приоткрыла рот. Мгновение — и блаженство наполнило меня.

Я почувствовала, как начинаю таять, менять свою форму, избавляться от лишнего, как из меня выдавливается дурное, как бесчисленные слои грязи отшелушиваются от меня, и я тотчас же становлюсь легче. Что за дивная сладость! И вправду. Может, стоило взять две конфеты?

— Лакричную! — простонала я, — скорей! Пламя слишком яркое! — и протянула руку, чтоб девчонка вложила туда антидот.

Не раздумывая, сквозь эйфорию, сквозь жар, исходящий из моей груди и опаливший мои волосы, сквозь негу и патоку я умудрилась найти свой рот. Зубы не хотели разжиматься, впускать ее — ту, что все разрушит, — но я заставила их. Мгновение — я снова стою на улице возле зеленоглазой дикарки. Меня немного пошатывает. Вне всякого сомнения, я стала старше на десяток лет.

— Merci, — говорит она мне по-французски, — au revoir, madame la candelabre!

— Я — Господин, а не госпожа, сколько можно! — немного раздраженно ответил я.

Мы немного устали, огненная саламандра оправдала наши самые смелые ожидания. Она всколыхнула воды из самых глубин, нырнула в самое нутро, сдвинула дыханием своим тектонические плиты, под которыми были похоронены наши тайны — тайны, которых мы боялись, — наши демоны, которых мы не выпускали наружу. И несмотря на весь этот разгром, хаос, вакханалию, мы чувствовали себя очень живыми и слегка проголодавшимися. Это прекрасное, упоительное чувство. Мы молоды и прекрасны. Мы будем жить вечно. Вечно — вместе, вместе — вечно. Ничто не могло омрачить тот момент, но мы бы не были с собой честны. Теплый нежный ветерок шептал на ухо: «Время не принадлежит тебе, не принадлежит», выбоины в мостовой спешили навстречу твоим каблукам, пытались остановить: «Остановитесь, не торопитесь жить!».

Их безмолвные крики не могли быть услышанными, но они рождали смутное зловещее предчувствие и я знал, я знала, мы знали, когда-нибудь — я, она, он, — мы сгорим дотла. Непременно. Но разве это важно? Все сгорают дотла. А до тех пор мы будем гулять по набережной, пока ноги не отвалятся, и дышать свежим морским воздухом. Что может быть полезней, чем свежий воздух? Разве что только немного орехов.

Фингерова Ирина

writercenter.ru/profile/NikkoNozomi/whois/

Художник Argentum Agata

writercenter.ru/profile/argentum/whois/

Жа абордаж!

Решетняк Сергей

Было грустно и обидно, как никогда в жизни. Ваня медленно шёл по пыльной дороге на окраине деревни. Возвращаться домой не хотелось. Мама обязательно пожалеет, а вот отец... Он не будет ругаться, просто покачает головой и молча уйдёт. Очень не хотелось читать разочарование в глазах папы.

А ещё вернуться в таком виде означало признать поражение. Согласиться с клеймом труса. И ладно бы по делу обозвали. Так ведь нет, из-за глупости. Вот нужно было Димке придумать построить плот и играть в пиратов!

Каждый раз, когда Ваня думал о пиратах, он вспоминал ночные кошмары. Так разве же объяснишь это ребятам? Одно дело испугаться плыть на плоту по реке и совсем другое — испугаться снов. За это его бы и вовсе засмеяли: страшных снов только малыши боятся.

Мальчик был так увлечён своими мыслями, что не заметил, как дорога свернула вбок и серой лентой убежала в бескрайние степные просторы. Позади остались и деревенские домики, и причал для лодок, и суетящаяся возле него детвора. Ваня стоял один на вершине холма и смотрел на море пожелтевшей от палящего солнца травы. Под самым холмом еле слышно журчала река; она делала крюк и уносилась в лес на горизонте.

Ваня боялся одиночества. Когда рядом никого нет, кто защитит от монстров, приходящих из снов? Чувство беспомощности навалилось на мальчика, его начала бить мелкая дрожь.

— Эй, малец, чего дрожишь? Напугал кто?

Ваня начал озираться по сторонам. Чуть ниже того места, где он стоял, была скамейка, сколо-

ченная из поваленного ствола дерева. На ней сидел дед Егорыч и неспешно курил папиросу через мундштук.

— Что молчишь? — Егорыч снял выдавшую видды кепку и вытер платком пот с лысины.

— Ничего я не боюсь, — с вызовом бросил Ваня, но подумав, добавил: — Кроме ночных кошмаров.

— Эко дело! Кошмаров и взрослые боятся. Это не делает их трусами. Страх вообще штука нужная. Он не даёт людям глупости делать.

— Тогда кто такой трус?

— Трус? — старик почесал затылок. — Это тот, кто не может победить страх.

— Значит, я трус, — расстроено протянул Ваня.

— Знаешь, в детстве я тоже боялся страшных снов. Просыпаешься весь в холодном поту, зубы стучат, и всё мерещится что-то.

— Но ты же справился со своим страхом, дедушка?

— Справился. Но не в одиночку, — Егорыч вытащил из мундштука оуток, осторожно затушил его и бросил в траву. — Тогда в деревне старостой дед Данила был. Он мне и рассказал, как с кошмарами справиться. Свистулька у него волшебная имела. Её-то я и получил в подарок. Вещица оказалась непростой: если положить на ночь под подушку, то, когда попадёшь в кошмар, нужно свистнуть в неё, и тут же приходит спасение.

— Здорово! Вот бы мне такую свистульку!

— Так за чем же дело стало? — Егорыч полез во внутренний карман выцветшего пиджака и вытащил крошечный деревянный свисток, вырезанный в виде дельфина. — На, держи! Мне, старику,

он уже ни к чему, а тебе ещё послужит. Только уговор: потом обо всём расскажешь. Завтра тут тебя ждать буду.

— Спасибо! — Ваня схватил подарок и понёсся со всех ног домой.

***

Ваня не мог дождаться ночи, чтобы сразиться с ночными кошмарами. С волшебной свистулькой они казались не такими страшными.

Мальчик сидел возле открытого окна и рассматривал подарок Егорыча. Свистулька легко умещалась в ладошке. Даже не верилось, что такая безделушка может защитить от чудищ из снов.

Небо вспыхнуло алым заревом заката. Одинокие облака окрасились сиреневым цветом и стали похожи на огромных китов. Ветер теребил ветки стоявшей напротив окна берёзы. Шелест листьев усыплял словно колыбельная. Солнце медленно опускалось за горизонт. На мгновение огромный

красный шар запутался в кроне, пронзая её лучами света. Так и чудилось, что это не солнце, а штурвал парусника. Луч упал на ладошку, и свистулька блеснула подобно золотому пиастру.

Ваня потянулся и зевнул: пора ложиться. Уже в кровати он бережно положил свистульку под подушку, закрыл глаза и принялся ждать кошмаров.

Сильный ветер наполнял паруса и гнал корабль по пенным волнам к неизведанным далям.

Ваня стоял на палубе потрёпанного, но ещё крепкого корабля и сжимал руками штурвал. Вокруг суетились матросы, одетые кто во что горазд. Общим был лишь откровенно грязный вид всех без исключения нарядов. Особенно отличался засаленностью костюм лысого верзилы, мечущегося по палубе и раздающего команды вперемешку с затрещинами и пинками.

Откуда-то Ваня знал, что это боцман.

Мальчик поднял голову и увидел, как над ко-

Художник Бобровская Ира

Художник Бобровская Ира

раблём развеивается «Весёлый Роджер». Он был на пиратском корабле!

— Справа по борту галеон! — послышалось из вороньего гнезда[1].

— Э-ге-гей! — загалдели матросы и бросились к бортам поглазеть на будущую добычу.

— Ваши приказания, капитан.

Ваня обернулся. Рядом с ним стоял лысый боцман. Во взгляде читалось предвкушение боя. От нетерпения рука сжималась и разжималась на эфесе висящей на поясе сабли.

— Пиастры. Пиастры, — затараторил сидящий на плече мальчика разноцветный попугай.

Сомнений быть не могло. Боцман обращался именно к Ване. Это был тот самый сон, которого мальчик так сильно боялся. Кошмар всегда заканчивался одним и тем же: корабль шёл на дно. Тонул из-за него... И поделаться ничего нельзя. Даже если отдать команду не преследовать галеон, всё равно погони не избежать.

— Догнать! Сегодня у нас будет добыча, три тысячи чертей!

Голос мальчика прозвучал громко, но не очень уверенно. Оставалось надеяться, что команда не

заметила нерешительности своего капитана.

— Курс на галеон! — уже смелее продолжил Ваня.

Он хотел скомандовать: «Права руля!», но не знал вправо или влево крутить, чтобы корабль повернул в нужную сторону. На счастье, боцману этого хватило. Он тут же раздал команды, огромная машина развернулась и понеслась вдогонку галеону.

Корабль летел словно стрела. Он буквально скользил по водной глади, едва её касаясь. Нос, украшенный фигурой скелета, разбивал морские волны, обдавая экипаж брызгами.

Расстояние между судами сокращалось. Ещё немного — и корабли бы поравнялись. Боцман готовился выкрикнуть: «На abordаж!».

Впереди показался скалистый остров.

Сменив курс, галеон на всех парусах нёсся к острову. Пиратский корабль не отставал. Команда так увлеклась погоней, что не заметила, как остров исчез, а морская гладь оказалась усеяна острыми, как акулы зубы, скалами. Оставался лишь узкий проход фарватера, по которому и неслись охотник и жертва.

— Карамба! — завопил матрос из вороньего гнезда. — Смотрите! Смотрите! Галеон! С ним что-то не так.

Пираты снова облепили бортики, пытаясь понять, что стряслось.

На глазах корабль стал меняться. Пухлое брюхо подобралось, палуба удлинилась, покрытое свежим лаком дерево кормы стало трухлявым и поросло коростой мха и тины. Паруса, ослеплявшие своей накрахмаленной белизной, истрепались и окрасились в серо-зелёный цвет.

— Святая дева Мария! Это «Летучий Голландец»! Нам конец! Мы все умрём! — запричитали матросы.

Одни стояли словно в оцепенении. Другие ошалело метались по палубе. Кто-то с мольбой смотрел на Ваню и ждал его команд. Но мальчик сам не знал, что делать.

— Полундра! Разворачиваемся! — пришёл в себя боцман.

— Смотрите! — снова оживился матрос из вороньего гнезда. — Кракен[2]всплывает!

Вода забурлила, покрылась белой пеной, и на поверхности появились вначале щупальца огромного моллюска, а затем и голова с большим глазом.

Команда застыла на месте. Корабль оказался в ловушке: впереди «Летучий Голландец» разворачивался к пиратам кормой, и было видно, как открываются оружейные люки, позади поджидал Кракен, а по бокам блестели на солнце скалы.

Ване захотелось убежать, спрятаться, забиться в трюм и не вылезать, пока всё не закончится, но каждый раз корабль либо топил «Голландец», либо он попадал в щупальца Кракена. Если мальчик пытался провести пиратскую шхуну через скалы, судно разбивало об острые камни.

Матросы стали бросать на Ваню косые взгляды.

— Полундра! Свистать всех наверх! — орал во всю глотку боцман.

Пираты не особо его слушались: собрались в кучку и о чём-то оживленно спорили.

Ваня посмотрел на бывший галеон.

«Голландец» сделал неудачный залп, после чего развернулся и пошёл навстречу пиратскому кораблю. Позади размахивал щупальцами Кракен, будто подзывая добычу к себе. На небе появились грозные тучи, словно предвестники скорого шторма.

Мальчик машинально засунул руку в карман и нащупал свистульку. Как он мог забыть про свой волшебный талисман!

Ваня достал свистульку и свистнул в неё что было сил. Ничего не получилось. Он попробовал ещё раз, а потом и ещё, но свисток молчал.

От кучки моряков отделился матрос и направился к нему. В его руке было что-то зажато. Неужели чёрная метка?

И в этот момент Ваню осенило. Каждый раз, когда он пытался сбежать от опасности, та наступала на него. Но что, если не бежать от неё, а идти навстречу? Хуже ведь всё равно не будет. Это он точно знал. Атмосфера нагнетала ужас, но мальчик неожиданно осознал, что больше не боится.

Ваня ещё раз дунул в свистульку. На этот раз громкий протяжный звук пронёсся по палубе. Матросы все как один посмотрели на своего юного капитана.

— Свистать всех наверх! Курс на «Голландца». Мы идём на бордаж!

Моряки не верили своим ушам. Они с ужасом смотрели на корабль-призрак.

— Три тысячи чертей! На бордаж! — вторил хозяину попугай на плече.

Пираты заколебались. Нападать на корабль-призрак — страшно, но было стыдно признать, что птица, и та оказалась смелее их.

— Чего ждём, висельники? Капитан отдал приказ. Выполнять, или мне самому вздёрнуть вас на рее?! — проревел боцман.

В следующий миг он загорланил залихвацкую песню:

Вот рассеялся туман, неизбежен бордаж.

Эй, смелей же! Капитан, их корабль будет наш!

Флаг торговый на корме, трюмы полнятся вином.

Джонни! Сид, готовь заряд, мы опустим их на дно![3]

Матросы воодушевились. В один миг они бросились по своим местам, дружно напевая куплет песенки:

Встань, встань солёной стеной

За спиной ветер и крики чаек

Хэй, экипаж, за мной

Нас опять земля встречает!

Корабль летел навстречу «Голландцу». Пираты обнажили сабли и готовились к бордажу. В глазах не было больше страха — лишь азарт и предвкушение.

Художник Бобровская Ира

Хэй, экипаж, за мной
Нас опять земля встречает!

Ваня пропел последние строчки песенки и крутанул штурвал, заходя в бок кораблю-призраку. Стоило судам поравняться, он первым прокричал: «На абордаж!». И в тот же миг «Летучий Голландец» исчез, рассеялся как туман поутру.

Пираты непонимающе смотрели на то место, где только что был корабль-призрак, а потом зашлись радостными воплями.

Ваня тоже хотел прыгать и кричать от восторга. Но вдруг сообразил, что они в ловушке. «Голландец» завёл их в тупик: впереди и по бокам были скалы, позади поджидал Кракен.

Мальчик полез за свистулькой, но она снова молчала, оставив его один на один с бедой.

Ваня вертел волшебный предмет, пытаясь понять, что он делает не так. Всё оказалось проще простого. Свистулька работала лишь после того, как он сам решался на что-то. Но что можно поделать с морским чудовищем? Кракен просто раздавит их, как щепку. Стоп! Они же во сне! А значит, даже невероятные вещи возможны.

Мальчик ловко крутанул штурвал и повел корабль навстречу новой опасности. Кракен возвышался над поверхностью и размахивал щупальцами. Пираты с ужасом смотрели, как корабль летит в пасть к самому страшному морскому монстру.

И едва не столкнувшись с Кракеном, корабль взмыл в воздух. Скрипя снастями, судно пронеслось между щупалец моллюска и устремился к облакам.

Ваня победил свой кошмар!

***

Егорыч поджидал Ваню на холме. Еще у подножия мальчик приветственно махнул рукой. Старик жестом пригласил его подняться и присесть рядом.

— Ну что, малец, вижу тебе есть, что рассказать.

— Есть!..

Старик молча слушал, выдыхая облака табачного дыма и изредка ухмылялся.

— Молодец, малец! — старик похлопал мальчика по плечу.

— Дедушка, сегодня с утра мне почему-то кажется, будто всё вокруг стало другим.

— Хе-хе... Это ты изменился! Можно не верить в себя и вести корабль на рифы, а можно поднять его в небеса...

Ваня заворожено смотрел на старика. Он не до конца понимал его слова, но знал, что сделал всё правильно.

— Спасибо, дедушка, — Ваня протянул свистульку. — Она не сразу сработала. Может, волшебство выветрилось?

Егорыч громко рассмеялся.

— Не было никакого волшебства. Это самый обычный свисток, я его вчера ножом вырезал. А историю про старосту так и вовсе выдумал.

— Но во сне же было волшебство?!

— Было, Ваня, было. Всё это время оно жило в тебе. Свистульку оставь себе. А теперь беги. Твои друзья наверняка уже построили плот. Думаю, им пригодится настоящий пиратский капитан. — Лукаво подмигнул Егорыч.

---

[1]Наблюдательный пост на мачте судна в виде прикрепленной к ней на известной высоте бочки. В бочке находился наблюдатель.

[2] Легендарное мифическое морское чудовище гигантских размеров, головоногий моллюск, известный по описаниям исландских моряков, из языка которых и происходит его название.

[3] Здесь и далее слова из песни «Пираты Карибского моря» группы «Дом Ветров».

Решетняк Сергей

writercenter.ru/profile/Sergey_Reshetnyak/whois/

Художник Бобровская Ира

illustrators.ru/users/bobrovskaya

Рисующий на воде

Марк Шейдон

...Он рисовал лёгкими взмахами кисти линии на воде. Иногда он выводил слова странных песен, иногда то были причудливые завитки, в которых угадывались картины... если бы кто-то видел их. Но, конечно, никто их не видел, ведь они исчезали, едва тонкая кисть отрывалась от поверхности воды. Когда он рисовал, то линии были цвета чёрной гуаши, а вода озера словно застывала под его прохладным дыханием: он рисовал очень быстро, так что стремительно пролетающие возле него стрекозы и мушки-однодневки казались ему зависшими в воздухе. И ему нравилось воображать, что они задерживают свой полёт, чтобы понаблюдать за ним; хотя он прекрасно понимал, что ни мушкам, ни стрекозам нет до его картин абсолютно никакого дела. Просто когда он рисует, замедляется время... а может, это его взмахи кистью слишком быстры — куда за ним угнаться неповоротливым стрекозам!

Иногда он переставал рисовать и смотрел в небо, любуясь другими картинами — теми, что собрал-художник, ветер, создаёт из облаков. Ветер был его товарищем... впрочем, то была не дружба — просто они понимали друг друга. Хотя именно ветер из прихоти стирал с водной глади его чёрно-гуашные, любовно выведенные узоры... и смеялся, думая, что сердит его, так небрежно, в долю секунды, разрушая плоды его трудов. Но художник не сердился. Он незаметно улыбался краешком губ, потом ложился на спину и грыз травинку, подставляя лицо ветру. Он понимал: ветер не желает ему зла, он просто играет — на свой лад.

И ему казалось забавным, что все, кто посмеивается над ним: и стрекозы, и мушки, и ветер, и даже пчёлы, которые, как ни крути, намного умнее всех прочих, вместе взятых, — не видят главного... Но впрочем, он и не стремился сделать всё видимым. Дойдя до скользкого отзвука этой мысли, он выплёвывал изгрызенную травинку, улыбался своей затаённой улыбкой и снова рисовал тонкой кистью причудливо завивающиеся линии на поверхности воды.

Иногда ему задавали вопросы; но все спрашивали совсем не то, и он не отвечал. Когда вопрошающие проявляли настойчивость (редко, но и такое бывало), он делался немного грустным и уходил. Не потому, что вопросы раздражали его, просто он не знал ответов. И чем отличаются правильные вопросы от неправильных, он не знал. И думать об этом не собирался. Картины на воде были куда интереснее.

А однажды, под вечер, когда всё уже становится мягко-лиловым и сумеречным, но у горизонта ещё разлиты отблески закатного солнца, у озера появился блуждающий огонёк. Он бесшумно подлетел на хрупких широких крыльях цвета заката и молча следил за тем, как очередная картина возникает из-под тонкой кисти.

Когда совсем стемнело, и его крылья засветились бледно-золотым, совсем как звёзды, он устроился на ветке — над тем особенным местом, где художник любил лежать и жевать травинки. И, засыпая, тот видел в ветвях его свет — совсем рядом, — и мог воображать, что это звезда, специ-

ально к нему спустившаяся с небес, чтобы стать только его звездой, его собственной и навсегда.

Но это были очень мимолётные мысли... он никогда прежде не хотел звезду только для себя — ведь они все принадлежали ему. И никому. И если бы художник стал рисовать об этом картину, то она получилась бы радостная, ведь художнику нравилось, что звёзды — для всех.

И всё-таки ему приснилась одна звезда, с хрупкими переливающимися крыльями... та, что сияла для него одного из ветвей и поблёскивала где-то за левым ухом, когда он рисовал... только этого сна он не запомнил.

А когда тонкая кисть в его длинных, вымазанных в чёрной гуаши пальцах выводила странные буквы несуществующего языка на поверхности во-

ды, блуждающий огонёк прилетел снова, и снова молчаливо наблюдал, бесшумной закатной искоркой посверкивая возле художника — где-то за левым ухом.

— Их так много, — спустя какое-то время проронил огонёк, внимательно следя за лёгкими стремительными взмахами кисти. — И все ужасно красивые, — он застенчиво улыбнулся. — А другим ты позволишь увидеть их?

Прозрачная рука художника на миг застыла, и вместо завитка тонкого, как волос, вышел другой, хотя и не менее прекрасный. Он завершил эту картину, и потом ещё несколько, и ветер стирал их с поверхности воды в одно мгновение... точнее, лишь он думал, что стирает их; но художник и огонёк знали, что картины не пропадут никогда, и вместе тихо смеялись над ветром. Очень-очень тихо, краешками губ. Ведь они не хотели, чтобы ветер заметил это и обиделся.

В эту ночь огонёк вновь мерцал в листве над тем особенным местом в траве, где любил отдыхать художник. И вторую ночь тоже, и все, что были потом. И даже тот, кто любил звёзды свободными и для всех, ощущал непривычное тепло где-то возле пальцев, вымазанных чёрной гуашью... или в кончиках перьев невидимого крыла... или в мире снов. Да и не всё ли равно — ему просто было тепло. Он стал иногда напевать забавные странные мелодии, и от одних огонёк смеялся, а от других ронял в траву слёзы цвета бледного золота; а ветер кружился поблизости, делая вид, что не слушает... и даже стрекозы иногда замирали поодаль и озадаченно переглядывались, шевеля усиками и не понимая, что с ними... Пчёлы понимали, конечно. Но они успели привязаться к художнику и не собирались никому его выдавать.

Правда, он перестал рисовать свои картины на воде — но зато теперь он рисовал их на прибрежном песке, и на широких кленовых листьях, и на лепестках ромашки и пухе тополей... и даже на облаках. В конце концов, чем он был хуже ветра?

Марк Шейдон (RhiSh)

writercenter.ru/profile/gm12358/whois/

Семь лет и семь дней

Зауэр Ирина

По дороге, заросшей до превращения в узкую тропинку, шел человек. Лианнат глядела на него из окна башни, отчаянно жалея о том, что солнце зашло и темнеет так быстро. Девушка боялась поверить в то, что видит, боялась ошибиться, приняв за человека причудливую игру вечерних теней. Но нет, все-таки это был человек. Он шел, ведя за собой лошадь; иногда человеку приходилось останавливаться и выбирать обходной путь, но направлялся он к замку, окруженному зарослями шиполиста — колючей стеной, в которой не было просвета. Лианнат надеялась, что это не остановит странника, как не остановила заросшая дорога. Она шептала идущему: «Не сворачивай! Пожалуйста, только не сворачивай!» — и он не сворачивал.

Темнота сгущалась. У странника не было с собой никакого огня, он останавливался все чаще и чаще. Лианнат мысленно поругала себя за недобродливость, на ощупь нашла на шкафу масляную лампу, зажгла ее и поставила на окно. Свет лампы был слаб и трепетен, но это был единственный свет в округе. И странник заметил этот маяк. Вспыхнула, озарив идущего к замку, звездочка яркого белого света. То был не факельный, но какой-то волшебный свет, который сопровождал теперь каждый шаг странника. И чем ближе он подходил, тем ярче сияла эта звезда. Лианнат с отчаянно колотившимся сердцем наблюдала за его приближением, пока стена шиполиста не скрыла идущего от ее взгляда.

Теперь ей оставалось только ждать. Лианнат знала, как нелегко придется человеку, задумавшему прорваться через колючие заросли: когда-то она сама пыталась выбраться наружу, но не смогла... И прошло немало времени, прежде чем де-

вушка услышала треск ветвей, негромкие сухие удары и человеческий голос. Тот, кто прорубался к замку, неумело и неловко проклинал Последнего Демона и его рогатую супругу, создавшую все, какие ни есть на свете, опасности, буераки и колючки. Девушка подхватила с окна лампу и бросилась во двор — встречать гостя.

Лианнат опоздала. Когда она спустилась, гость стоял в замковом дворе, свободном от шиполиста, и выдирали колючие веточки из конской гривы и собственного плаща. В свете звезды, что пылала на его груди, девушка смогла хорошо рассмотреть гостя. Он был не старше Лианнат — юноша лет семнадцати, с по-взрослому упрямо сжатыми губами и длиннющей челкой, золотистой, как первый луч солнца. Оставив наконец бесполезные попытки избавиться от колючек, он вытер рукавом мокрое от пота лицо, размазав по нему грязь и пыль, и звонко чихнул. Девушка невольно хихикнула и только после этого гость, ослепленный сопровождавшим его сиянием, понял, что не один здесь. Юноша прикрыл ладонью светоч на груди и нашел взглядом стоявшую у дверей второго, непарадного входа девушку.

— Ваше Высочество?

Лианнат смутилась от слов гостя, который отчего-то принял ее за принцессу, хотя платье на ней было самое простое. А он, кажется, истолковал ее смущение по-своему:

— Вы не рассердитесь на меня? Я позабыл взять запасной костюм, а этот истрепался в дороге... Простите мне мой неподходящий вид и разрешите остаться.

— Конечно, оставайся, — согласилась девушка немного растерянно. — Ты... вы, наверное, голодны и устали?

— Да, очень, — признался юноша, отчего-то краснея. Маленькая звезда под его ладонью светила все слабее и наконец погасла. Юноша, заметив это, вздохнул, огляделся, ища местечко для своего коня, и как-то угадав, где находились когда-то конюшни, направился туда, взяв скакуна под уздцы. Через несколько минут до Лианнат донеслись звуки неловкого падения, неразборчивое бормотание и звяканье сбруи. Из конюшни гость вышел еще более растрепанным и смущенным: солома запуталась в волосах, а перепачканные руки он то и дело пытался спрятать за спину. Не дойдя нескольких шагов до Лианнат, он остановился и пробормотал:

— Извините, там было темно и я...

Девушка вздохнула; она должна была дать гостю лампу — тогда он не упал бы, споткнувшись обо что-то в темноте. Во второй раз попеняв себе за недогадливость, девушка одолела разделявшее ее и гостя расстояние, деликатно вынула солому из волос юноши и взяла его за руку.

— Идемте, я провожу вас. И кстати, как мне вас называть?

— Кориен... принц Кориен, сын короля Лознниса.

— А меня зовут Лианнат, — она не посмела сказать «принцесса Лианнат». Сейчас важнее всего был накрытый в одной из комнат стол, а не правда о ней.

... А правда была в том, что Лианнат не была принцессой. Она была служанкой, девочкой на побегушках, для которой всегда находилось дело в огромном замке, пока он был обитаем. Обычно она работала на кухне, выполняя приказы тех, кому вздумалось что-то ей приказать. Придворные и слуги рангом повыше просто не замечали ее, и девочка-сиротка, которой тогда было десять лет, бегала с поручениями, мыла, скребла и чистила все, что только нуждалось в этом. Ни на что другое времени у нее не оставалось. Даже короля с королевой Лианнат видела только два раза: замок был огромен, а, кроме того, ей запрещено было попадаться на глаза королевской семье.

Лианнат опасалась, что принц споткнется на высокой лестнице, но все обошлось, и только пыльный рыжий плащ, который он снял и нес в руках, то и дело цеплялся за резные завитушки перил, за статуи и рамы картин, что висели в коридорах. Картины привлекали внимание принца Кориена, он часто останавливался и рассматривал их. Лианнат тоже любовалась картинами, хотя видела их не раз. Одна была ее любимой: каменные ступени, ведущие к тихой заводи и легкая тень на поверхности воды — отражение пришедшего. Лианнат, когда она смотрела на картину, казалось что это — ее отражение, что она была когда-то в таком вот месте и на самом деле это ее собственная память или сон...

Обед был вкусным и сытным: картофель тушеный с мясом и овощами, лепешки и сыр, а на сладкое — вкуснейшее яблочное варенье. Лианнат несколько стеснялась свой стряпни, пока не заметила, с каким аппетитом принц уплетает ее. Он и в самом деле был ужасно голоден, хотя и старался не показывать этого.

— Я думал, вы голодаете, — признался он, закончив с десертом. — В замке, конечно, осталось немало припасов, но за столько лет они должны были испортиться... — Принц смущенно замолк, и девушка подумала, что сильнее изобилия его удивило то, что принцесса умеет готовить. Принцесса, может, и не умела, но Лианнат недаром столько времени работала на кухне.

— На припасы в кладовых время как будто и не действует, — сказала она, — лед на леднике не тает в самую жару, тепло не уходит, даже если раскрыть настежь все двери. А зажженный в камине огонь будет гореть очень долго, но тепла почти не даст. Наверное, это часть наложенного на замок колдовства. Как шиполист, который

Проза. Сказка

окружает его стеной, а границу двора не пересекает... Да и много ли нужно одному человеку?

В этом не было ни капли лжи, но Лианнат почему-то все равно почувствовала себя обманщицей. Обманывать робкого, краснеющего через слово принца было ужасно стыдно.

— И что ты думаешь обо всем этом? — спросила она несмело.

— Я думаю, что вы очень необычная принцесса, — не моргнув глазом, ответил Кориен. — Оставшись одна, не отчаялись, хотя семь лет и семь дней это очень долго. Но скоро они закончатся и ваши родные вернутся.

— Мои родные?.. — повторила Лианнат очень тихо, но он услышал.

— Разве вы не знаете, как и почему оказались здесь совсем одна? — спросил юноша удивленно.

— Знаю, но... Расскажите, что знаете об этом вы.

— Хорошо, — на время оставив привычку краснеть, юноша словно стал вдруг совсем другим человеком, и это необычайно шло ему. — Вот как об этом говорят: не далеко и не близко стоял замок, в котором жили король с королевой, шесть принцев, шесть принцесс и еще одна, самая младшая из всех. Никто не говорил почему-то «у короля и королевы тринадцать детей», а только «двенадцать и еще одна». И вот однажды ветер принес во двор королевского замка черную тучу. Из нее ударила слепящая молния, и когда дым от огня, зажегшего камни двора, рассеялся, перед окнами королевского замка стоял низенький скрюченный человек с мрачным лицом. Одежды его были темны, как безлунная ночь, тонкие пальцы сжимали железный шар, а глаза горели желтыми огнями.

«Слушайте! — закричал он так, что не было никого, кто не услышал бы. — В этом мире под солнцем я проклинаю весь королевский род, всех, кто ему служит, всех кто служит их слугам и землю, по которой они ходят! Так говорю я, Чародей-Без-Имени, и проклятье мое — наказание за содеянное вами зло, от которого мое сердце превратилось в камень!»

«Что же мы сделали тебе?» — спросил король, невольно отступая перед горем, звучавшим в словах неказистого чародея-карлика.

И Чародей ответил, сжимая в руках черный железный шар...

...И Чародей ответил, и голос его был резкий и тонкий, как голос ребенка, из последних сил сдерживавшего слезы:

«Однажды король и королева охотились на

медведя, огромного красавца с шелковистой шкурой и умными глазами, который, будучи окружен со всех сторон, заговорил человеческим языком, моля о пощаде. Король удивился чуду, но не пощадил зверя, и медведь пал мертвым от метко пущенных стрел. Этот зверь был моим сыном, который любил гулять по лесу в облике медведя. Три года и три дня я искал его и не мог найти, и только пролитая кровь сказала мне правду. Три года и три дня мне не было покоя... Чужая жестокость погубила мое дитя, но она погубила и вас, жестокие. Вы заплатите вдвойне за каждый день и час моего страдания, и еще год и день я отниму у вас. Семь лет и семь дней вы проведете в самом жестоком из миров, какой только я смогу отыскать для вас, а через этот срок вернетесь, чтобы молить о прощении за сотворенное зло. И если вы будете искренне горевать о погубленной жизни, я прощу вас. Если же нет... тогда я отправлю вас на самое дно Бездны еще на семь лет и семь дней. И клянусь небом и тем огнем, что сжигает меня, вы научитесь ценить жизнь и быть милосердными!»

И маленький тщедушный человек махнул рукой.

— И Чародей-Без-Имени взмахнул рукой. В одно мгновение королевский замок и его окрестности опустели, и вокруг замка встала стена шиполиста, что должна была охранять дворец, в одной из зал которого лежала на полу медвежья шкура. И только одно живое существо осталось в замке — самая младшая, тринадцатая принцесса. Она была на той охоте и просила отца-короля не убивать медведя, а потом горько плакала, жалея его; поэтому проклятие Чародея не коснулось ее, но ей было суждено прожить в одиночестве семь лет и семь дней, ожидая возвращения остальных.

Юный принц умолк и потянулся к стеклянной чаше с соком, чтобы освежить горло.

Лианнат безмолвно наблюдала за ним. Все было так, как он рассказывал: и страшная молния чародея-карлика, и ужасные его слова. В этом было бы еще больше правды, будь оставшаяся в замке девушка, пожалевшая убитого медведя, дочерью короля. Только вот у королевской четы было лишь двенадцать детей.

— Значит там, снаружи, все-таки знают, что в замке осталась... остался человек? — тихо спросила девушка, неожиданно для самой себя ощущая, как важен для нее ответ. — То есть все эти годы...

— Да, знают, — очень спокойно и очень серьезно ответил принц, — вы хотели спросить, почему тогда до сих пор никто не попытался вас освободить? Я не могу ответить за всех, но... если бы вы

только видели все это со стороны — странный и страшный замок, окруженный колючей стеной. Кажется, нет ничего более враждебного и жуткого. Если долго смотреть на него, то глаза слепнут. А если подойти ближе — сердце начинает останавливаться.

— А как же тогда ты?..

Юноша взял в ладонь маленькую вещицу, висевшую на кожаном шнурке поверх камзола.

— Этот амулет оберегает от всяких чар. К тому же придворный волшебник наложил заклятье и на мой топорик... — принц почему-то снова смутился. — Прорубить мечом такие заросли я бы не смог.

Только теперь Лианнат вспомнила о светоче, озарявшем ему путь.

— Это твой амулет светился в темноте?

Юноша кивнул.

— Можно мне посмотреть?

Он через голову снял кожаный шнурок с амулетом и протянул Лианнат. Девушка рассмотрела изящную и очень красивую вещицу — серебристое зеркальце, на поверхности которого застыли хрустальные капли, похожие на крошечные маленькие бутончики, готовые раскрыться...

— И что ты собираешься делать теперь? — спросила она, возвращая юноше амулет.

— Если вы пожелаете, я выведу вас отсюда... но, наверное, вы хотите дождаться возвращения остальных?

Лианнат подумала о подзатыльниках и тычках, грязных котлах и сковородках, и о своем обмане без обмана. Когда-то она ждала, что те, кто ушел, вернуться, ждала любого, кто сумеет пробиться сквозь колючую стену, и вот один человек сделал это. Но он пришел не для того, чтобы спасти Лианнат-служанку. Он пришел за принцессой...

— Я не знаю, — ответила девушка. — Прежде всего тебе нужно хорошенько отдохнуть после долгой дороги. И, пожалуйста, говори мне «ты», ладно?

Давно уже стемнело, и звезды за окном подмигивали тем, кто до сих пор не спал.

— Ладно, — легко согласился принц, — а если дорога, которую я прорубил, зарастет, я прорублю новую.

Лианнат, не разделявшая его оптимизма и не посмевавшая спросить, знает ли принц, когда же истекут семь лет и семь дней, проводила гостя в чистую комнату, и сама отправилась спать.

Новый день оказался на редкость солнечным и ярким. Непривычный шум привлек внимание про-

будившейся Лианнат, она выглянула в окно и увидела своего гостя. Принц Кориен усердно махал топориком, нападая на толстенный ствол шиполиста, протянувшего колючие ветви над мостовой замкового двора. Шиполист отчаянно сопротивлялся. Перейдя в нешуточную атаку, юноша оступись, избежав падения просто чудом, но сильно оцарапал руку о подвернувшийся шип.

— Ой! — невольно вскрикнула Лианнат и кинулась вниз, прихватив со столика кувшин с водой и длинный лоскут материи.

— Доброе утро Ваше Высочество принцесса Лианнат! — поклонился юноша, не обращая внимания на кровоточащую царапину. — Какой славный день сегодня, правда?

— Не такой уж славный, если для тебя он начался с битвы, — она поспешила промыть и перевязать его царапину. — Ты так неосторожен!

— Но ведь эту битву я выиграл! — с хвастовством так и не выросшего мальчишки возразил он.

Девушка шумно вздохнула.

— Я бы не назвала это победой. Шиполист и не заметит, а у тебя долго еще будет болеть, пока не заживет. И чем тебе не угодило это дерево?

— Ничем. Но надо же мне на чем-то упражняться... — он оглянулся на ствол, отмеченный зарубками, и покраснел. — Шиполисты — такие странные деревья. Наросты на коре похожи на лица любопытных детей, ветки иногда ломаются от одного касания, а иногда их очень трудно срубить даже зачарованным топориком. И над землей не выступает ни одного корня, словно у шиполистов нет корней.

— Может, и вправду нет, — заметила Лианнат, — это же колдовские деревья. Пойдем, я приготовлю завтрак.

Когда они пересекали замковый двор, юноша остановился у страшной черной отметины, там, где каменные плиты двора словно расплавились от невыносимого жара.

— Наверное, здесь стоял Чародей. А та шкура... она еще цела?

Лианнат кивнула.

— Лежит в кресле у камина. Потом покажу тебе, если захочешь.

Так получилось, что до самого вечера они вдвоем бродили по замку, рассматривая опустевшие комнаты и залы, поднимались и спускались по длинным лестницам, тайным и явным. Принцу все было интересно, и вначале серьезный, вскоре уже

Проза. Сказка

он вел себя так, словно никогда не бывал в замке, но долго мечтал об этом. Его восхищала искусная резьба на перилах лестниц и на стенных панелях, чудесные многоцветные витражи и высота, с которой Лианнат и Кориен смотрели на мир, поднявшись на самый верх одной из башен. А совершенно очаровали его коридорные светильники в виде крошечных замков с овальными окошками и крышами-колпаками из цветного стекла.

Лианнат не упустила случая сводить Кориена в библиотеку, когда он признался, что отчаянно любит читать. Юный принц восхитился расписанным цветами купольным потолком библиотеки, но к полкам с книгами подходить не стал.

— Здесь столько замечательных книг, — ответил он, когда Лианнат удивилась его поведению. — Только начни читать, и будет уже не оторваться. И получится, что я бросил тебя в замке одну, отправившись в путешествие по миру фантазий.

Единственная книга, к которой юноша прикоснулся, лежала на столике раскрытой: кто-то читал, да так и оставил ее обложкой вверх. Кориен перевернул книгу, прочел, шевеля губами, и улыбнулся.

— Что там? — спросила Лианнат, блуждавшая у полок — когда-то ей довелось работать в библиотеке и старый хранитель книг научил ее читать.

— Стихи. Можно я прочту тебе?

Девушка кивнула и, оставив блуждания, уселась на скамейку. Принц с книгой в руках подошел и сел тоже.

— Здесь все исполнено значенья,
Простое кажется сложней...
Но, может быть, в каскаде дней,
В водовороте и круженье
Событий, замкнутых в кольцо,
Мелькнет, как луч, твое лицо?

Ты встреться мне на тех ступенях,
Ведущих вверх, бегущих вниз,
Где на перилах сон повис —
Незванный гость, нежданный гений,
Где я коснусь, забыв покой,
Твоей руки своей рукой...

Луна... без грусти, без тоски
На ней, как на цветке, гадаю —
Не отрываю — открываю
Серебряные лепестки.
Надежду, как цветок, храня,
Я верю — ты найдешь меня.

Лианнат поймала взгляд принца, положившего книгу обратно на стол — так же, как она лежала до этого — и улыбнулась ему.

— Ты хорошо читаешь.

Юноша покраснел — но совсем чуть-чуть, почти незаметно.

— Разве стихи можно читать плохо?

— А если это плохие стихи?

— Плохих стихов не бывает. То, что плохо написано — это что угодно, только не стихи.

Лианнат фыркнула.

В конце концов она вспомнила о своем обещании и показала ему медвежью шкуру, лежавшую в кресле в одной из маленьких комнат.

Юноша осторожно тронул не потускневший за эти годы мех и вздохнул.

— Жалко, что уже ничего нельзя поправить. Гнев похож на шиполист — такой же колючий и несговорчивый, и так же ранит каждого, кто к нему приблизится. И он не бывает справедливым.

— Жизнь несправедлива, — возразила Лианнат. — Разве правильно было вместе с королем наказывать и тех, кто не принимал участия в охоте? Чем провинились старые герольды и юные пажи? В чем виноваты повара на кухне и служанки, приставленные приглядывать за королевскими кошками?

— Да, — тихо ответил юноша, — но Чародей все-таки пощадил тебя.

Лианнат незаметно вздохнула.

Вечером пошел дождь. Колючая стена покачивалась под порывами ветра и скрипела. Девушка нашла для принца подходящий костюм взамен того, что был безнадежно испорчен шипами, и убедилась, что рыжий, весь в прорехах плащ легче выбросить, чем латать все эти дыры.

— Далеко ли отсюда твой дом? — спросила Лианнат, когда они сидели вдвоем у окна, слушая шум дождя, поскрипывание стены шиполиста и треск поленьев в камине. Тепла огонь и в самом деле почти не давал, но с ним было так уютно.

— Я скакал целый месяц, — ответил Кориен, — правда, меня задержала непогода, но если бы не она, я никогда бы не познакомился с госпожой Миэной.

— Кто это — госпожа Миэна?

Юноша просиял улыбкой: должно быть, то были приятные воспоминания.

— Настоящая волшебница... В пути меня застал ужасный ливень. Он хлестал так, что я промок до нитки в одно мгновение и к тому же продрог. Стуча зубами, я искал хоть какое-то укрытие и наткнулся на домик, словно бы выросший вдруг из

под земли прямо у меня перед носом. Его хозяйка вышла мне навстречу — невысокая женщина в простом платье — и полог дождя раздвигался над ней, так что ни одна капля не упала на нее! Госпожа предложила мне свое гостеприимство и я принял его. В ее доме пахло весной, и было очень светло и тепло. Госпожа волшебница совершила у меня на глазах и второе чудо — разожгла огонь в печи щелчком пальцев... Дождь закончился только на следующий день, но я ни секунды не жалел о том, что задержался. Утром по просьбе госпожи Миэны я сдвинул с места камень, который придавил родник. Она зачерпнула ковшом из родника и попросила поставить камень на место. Вода в роднике была густой, как глина; волшебница стала мять ее, придавая форму и вылепила этот амулет, который подарила мне, пообещав, что он оградит меня от чар. Я поблагодарил ее, отправился в путь и скоро встретился с Драконом.

— С драконом?

— Нет, с Драконом, — поправил юноша так, что стало понятно — это и в самом деле был не просто дракон, — и он сказал мне, что я должен топиться.

— Дракон... сказал? — удивилась девушка. — Вы так вот просто беседовали друг с другом?

— Ну да! Все вышло как сказка. Словно кто-то сочинил нас такими, и другими мы быть не могли. — Юноша помолчал, словно не замечая, с каким нетерпением девушка ждет продолжения рассказа. — Человек встретился с драконом — а может дракон повстречал человека. Они многое могли бы сказать друг другу, если бы захотели, но у каждого был для другого один и тот же вопрос. И первым задал его дракон. «Почему, — спросил он, — люди так любят сказки о драконах?» «Это просто, — ответил человек с улыбкой. — Драконы прекрасны волшебной, яркой красотой, о какой люди могут только мечтать. Они парят в небесах — об этом мы и мечтать не смеем. Драконы владеют золотом — что ж, некоторые из нас мечтают и об этом. Так что дракон — воплощение мечты человека. Как же можно не любить сказки о драконах? Но вот что для меня загадка — и может быть, ты подскажешь мне ответ — почему драконы любят сказки о людях?» «По той же причине, — ответил дракон. — Люди слагают песни, которые прекраснее всего на свете. Люди превращают куски мертвого металла, дерева и камня в живую красоту. Люди, наконец, преобразуют все к чему прикасаются. Как же драконам не любить сказки о людях?» И человек улыбнулся в ответ на улыбку дракона.

Принц снова замолчал, но сказка его, казалась, продолжалась и в этом молчании.

— На прощанье Дракон назвал день, в который должны пасть чары, а все кто проклят Чародем без Имени — вернуться в замок. — Юноша посчитал и кивнул. — Теперь осталось всего пять дней.

Девушка тихо охнула.

— Не бойся возвращения Чародея! — поняв ее по-своему, воскликнул принц. — Я сумею защитить тебя!

Лианнат, которая думала совсем не об этом и не этого боялась, только качнула головой. Через пять дней Кориен узнает правду о том, что она вовсе не принцесса, а у нее нет сил сказать ему это прямо сейчас.

Посидев еще немного, они разошлись по своим комнатам, как будто больше им не о чем было говорить.

На следующий день принц не проснулся. Лианнат прождала его до полудня и лишь потом, войдя в его комнату, обнаружила юношу в горячем бреду. Царапина от шиполиста воспалилась, и на руке рядом с ней проступили странного вида желтые пятна. Хотя принц горел в лихорадке, пятна эти были холодны, как лед. Юноша метался на кровати, шепча бессвязное сухими потрескавшимися губами. Лианнат кое-как сумела напоить его, но это не помогло. К сожалению, девушка ничего не смыслила во врачевании. В замке был когда-то лекарь, была и лекарская, комната, заставленная полками с тщательно и очень разборчиво подписанными склянками, шкатулками и холщовыми мешочками всевозможных снадобий. Девушка могла отыскать склянку с нужной микстурой, если бы знала, что искать. Но она не знала.

До вечера Лианнат сидела с больным, надеясь, что ему станет лучше, но напрасно. Кориен так и не пришел в себя и продолжал бредить, порой порываясь вскочить с постели и куда-то идти. Девушке с большим трудом удавалось удержать его и она не могла оставить его и на минуту.

Ночь оказалась страшнее дня. Лианнат кое-как напоила больного жидким бульоном, он успокоился и наконец уснул. Девушка тоже задремала в кресле возле его постели. Проснувшись через несколько часов, она увидела, что постель пуста. Первой мыслью было, что юноше стало лучше и он тихо спустился вниз, не желая тревожить ее сон, но тут из коридора донесся звук падения, и Лианнат бросилась туда.

Принц Кориен неловко сидел у подножья длин-

Проза. Сказка

ной и крутой лестницы, ведущей в полуразрушенную башню, которая неведомо как еще держалась в вертикальном положении. Глаза Кориена были открыты, но, кажется, не видели ничего.

Она позвала его по имени, но принц словно и не слышал. Он ухватился за перила, подтянулся и встал. А потом кинулся вверх по лестнице, пересякая через ступеньку, и остановился только на верхней площадке у полуоткрытой покоруженной двери. Девушка бегом преодолела страшную лестницу, задыхаясь, обняла Кориена за плечи, стала уговаривать спуститься и лечь в постель. Он не слышал ее и не позволил никуда увести себя. Сев на пол, юноша трясся в лихорадке, остановившись взглядом глядя перед собой. За стенами башни бушевала гроза, и от каждого удара грома юноша вздрагивал, точно молния попадала в него.

Лианнат совсем упала духом. Ей так и не удалось уговорить Кориена спуститься, да и вряд ли она смогла бы удержать его от падения на длинной крутой лестнице со щербатыми ступенями. Кое-как она заставила юношу подняться на ноги. Полуидя, полувисая на руках Лианнат, он позволил отвести себя в пыльную маленькую комнатенку на этом этаже ветхой башни и уложить на кровать. Порывшись в шкафу, Лианнат нашла старое одеяло и укрыла им принца, а потом крепко-накрепко закрыла окно, за которым бушевала гроза, и со вздохом опустила на скамью.

Но отдохнуть не получилось. Принц Кориен вдруг соскочил с постели, сбросив на пол одеяло, и кинулся к двери, вскрикнув:

— Я должен идти!..

Лианнат схватила его за руки, но он вырвался, а потом обернулся к ней с горящими бешенством глазами... Новый порыв ветра настезь распахнул окно, ударив створкой о стену. Брызнули осколки стекла; Кориен закричал, оттолкнул Лианнат и бросился к двери, точно спасаясь бегством от какого-то ужаса... Но силы оставили его прямо на пороге комнаты. Юноша осел на пол, как оседает сброшенная деревом листва — медленно и беззвучно.

Возвращенный на кровать, принц затих. Желтые пятна на его коже расплывались, становясь больше, лихорадка утихала, но это почему-то совсем не радовало Лианнат. Девушка посидела с больным еще немного и, тщательно затворив дверь, бросилась в комнату королевского лекаря.

Утро застало Лианнат среди разбросанных тут и там древних томов. Девушка искала в них описание

болезни принца и подсказку, чем лечить ее. В конце концов усталость свалила ее, заставив задремать во время чтения очередного пыльного тома.

Через час тревожного, полного бреда сна, она резко проснулась и обнаружила, что новый день вошел в силу. Свеча давно сгорела, тут и там валялись раскрытые книги, и немало еще их стояло на полках. Усталость не прошла, она лишь притаилась где-то на самом дне, но вот жажда стала совершенно невыносимой. Лианнат напилась из большого кувшина, торопливо, делая большие глотки, и поспешила в комнату принца.

Юноша, к счастью или к несчастью, ослабел настолько, что не мог покинуть постель. Лианнат хотела напоить его остатками бульона, но не сумела заставить открыться спекшиеся от жара губы. Девушка положила смоченное водой полотенце на горячий лоб Кориена и вернулась в комнату лекаря, продолжать каторжный труд человека, ищущего маковое зерно на песчаном берегу.

Очередной толстый том, снятый с верхней полки, выскользнул из уставших рук Лианнат. Звучно упав на пол, книга раскрылась, и из нее выпал тоненький листочек, вложенный кем-то между страниц. Лианнат подняла этот листочек, исписанный мелким, неровным почерком, пробежала глазами по строчкам, не задумываясь над смыслом. Через мгновение она жадно впиалась взглядом в пляшущие по листу строчки. Это был незаконченный «Трактат о свойствах редких, а так же и необычных растений, как шиполист или оремник». Автор писал просто и ясно: самые старые деревья шиполиста несут на своих шипах яд, убивающий в три дня. Противоядие — сок шиполиста, который чрезвычайно трудно добыть: дерево неохотно делится своим соком, но откликается на громкие музыкальные звуки. К тому же, едва соприкоснувшись с воздухом, сок застывает и теряет целебные свойства. Но если успеть собрать его в плотно закрывающуюся склянку, можно исцелить отравленного.

Узнав, что нужно делать, Лианнат не медлила. Она отыскала пустую склянку, спустилась вниз, во двор, зашла в конюшню — покормить коня Кориена — и, вооружившись волшебным топориком принца, приблизилась к стене шиполиста.

Действуя топориком, который в руках Лианнат не выказывал никаких волшебных свойств, она сделала на черно-сером стволе с десятков зарубок, но так и не увидела ни капли сока. Она попыталась снова, и еще раз, но все было бесполезно. Как и предупреждал трактат, дерево не желало давать сок. Девушка задумалась. Откуда она мог-

ла извлечь громкие музыкальные звуки? В замке, конечно, были инструменты оставшиеся от придворного оркестра, но она не умела играть ни на одном из них. Лианнат решила воспользоваться единственным инструментом, которым владела — собственным голосом.

Резким движением вырвав топорик из дерева, она уронила его на землю и, набрав в грудь воздуха, запела. Вначале тихо, потом громче и громче. Через минуту она почти кричала, но древесная рана оставалась сухой. Напрягая горло, она запела еще громче: по-настоящему это уже не было пением. Несколько капель сока выступили с краев древесной раны и застыли крупными розоватыми каплями, прежде чем она успела собрать их в медную склянку с широким горлышком. Лианнат заставила себя петь еще громче; отчаяние медленно, но верно затапливало разум. В какой-то миг девушка не выдержала напряжения и изо всей силы ударила кулаком по стволу, а голос ее сорвался на беспомощный визг.

Короткая струйка сока выплеснулась из древесной раны и прокатилась по стволу, исчезнув в неровностях коры. Девушка на миг замолкла, а потом, зажмурившись и сжав кулаки, отчаянно завизжала...

Она сорвала голос почти сразу же, но раньше успела подхватить медным горлышком склянки щедрую порцию древесного сока из вновь открывшейся раны. Плотно закупорив скляницу, она кинулась назад, в замок.

Приготовление противоядия заняло лишь несколько минут: разбавить сок в склянке водой, десять капель этого добавить в кружку молока, остальное снова разбавить и согреть на медленном огне. Водой нужно было промыть рану, а молоком поить больного.

За то время, пока ее не было, Кориен так побледнел и осунулся, что девушка едва узнала его. Принц больше не сопротивлялся; он лежал неподвижно и тихо, желтые пятна добрались уже до шеи, а рана почернела. Лианнат зажгла лампу — где-то над стеной шиполиста садилась солнце, отмеряя последние минуты дня — и принялась за дело.

Всю ночь она сидела рядом с больным, каждый час заставляя его выпить глоток снадобья, до тех пор, пока не начали, наконец, исчезать ледяные желтые пятна. Ранним утром следующего дня, когда был выпит последний глоток противоядия, Лианнат устало опустилась в кресло, чувствуя, что остатки сил покидают ее, и мгновенно провалилась в забытие сна.

Когда она проснулась, все еще было утро. Золотисто-мягкий свет утреннего солнца лился в комнату через окно и Лианнат удивилась. Ей казалось, что она спала очень долго, да и усталости не было и в помине. Девушка была заботливо накрыта одеялом, а в соседнем кресле спал смешной растрепанный принц Кориен. Рядом с ее креслом на столике стоял кувшин и лежали горкой плоды в чашке. Увидав румяные сочные яблоки, Лианнат ощутила зверский голод.

Она торопливо схватила из чашки самое большое яблоко и жадно вгрызлась в сочную мякоть. Громкий хруст мгновенно разбудил юношу, прикорнувшего на страже ее покоя. Он смешно заморгал, точно не сразу вспомнил, где находится, и улыбнулся ей совершенно счастливо.

— Доброе утро!

— Доброе, — ответила девушка шепотом и тут же закашлялась и схватилась за саднящее немилосердно горло.

— Пожалуйста, не разговаривай! — попросил принц, он подошел, потрогал бок кувшина и с огорчением вздохнул: — Ну вот, молоко остыло. Ничего, сейчас подогрею.

— Не надо, — почти беззвучно сказала Лианнат.

Юноша подумал и согласился.

— Ты спасла мне жизнь, — сказал он, когда Лианнат наконец покончила с яблоком — глотать ей тоже было больно. — Вчера вечером я очнулся и увидел, что ты спишь. И я не стал будить, пока ты сама не проснулась.

Лианнат, уснувшая утром и проснувшаяся тоже утром, поняла, что спала целые сутки.

— Я нашел это, — он взял со стола тоненький листочек с незаконченным трактатом, потом робко приблизился, опустил на колени и взял ее за руку. — Я благодарю тебя. Конечно, это просто слова но... Клянусь беречь и защищать тебя, пока стучит мое сердце. Нет ничего, чего я не сделал бы для тебя, принцесса.

Это обращение ужалило ее, как ядовитый шип шиполиста. Сказать ему все! Прямо сейчас сказать, напрягая надорванное горло — ведь эта боль ничто по сравнению с болью, которая рвет ей сердце. Но Кориен смотрел на нее с такой благодарностью и с таким доверием... Как она могла развенчать так понравившуюся ему легенду о тринадцатой принцессе?

— Еще немного и вернутся твои родные, — зачем-то напомнил он — должно быть, для него это означало какую-то надежду, тогда как для нее — наоборот.

Проза. Сказка

Лианнат готова была заплакать от собственного бессилия. И она бы заплакала, если бы была сейчас одна... С трудом сдерживая подступившие к горлу слезы, девушка протянула руку и взлохматила, взъерошила и без того растрепанные волосы принца, отвечая без слов.

Весь день юноша не отходил от нее ни на шаг, стараясь угадывать малейшие ее желания, развлекая веселыми рассказами. Горло Лианнат на удивление быстро перестало болеть, вечером она уже могла говорить, хотя и совсем тихо. Но даже если бы оно не болело вовсе, она ни за что не призналась бы в этом — так приятно ей было внимание Кориена, так нравилось, что он рядом. И может быть, он также был рад не расставаться с нею...

Вечером девушка и принц вышли на балкон — подышать перед сном свежим вечерним воздухом. Так они и простояли почти до полной темноты, не разговаривая, но обмениваясь какими-то особенными удивительными взглядами, которые делали лишними все слова.

А когда мир накрыла темнота и взошла луна, оба услышали непривычный и страшный звук — где-то совсем близко выли звери.

— Что это? — вздрогнув, спросила Лианнат. — Волки? Откуда здесь волки? За все это время я не видела ни одной птицы, ни одной бабочки...

Ответ пришел тут же: из чащи шиполиста выступили черные тени, чернее самой чащи. Волков, если то были волки, было много. Заполнив замковый двор, они перебежали с места на место, а самый большой зверь немедленно взбежал по лестнице и начал с душераздирающим скрипом когтить входную дверь. Заржал и смолк конь в конюшне.

— Мой конь! — Кориен рванулся к двери и тут же остановился, понимая, наверное, что уже поздно. Когда он снова обернулся к Лианнат, у него было лицо человека, который только что предал друга.

— Они убили моего коня...

Лианнат не знала, чем утешить его; ее саму пугали до дрожи волки во дворе и особенно тот, огромный, что царапал дверь. Ей казалось почему-то, что оббитая металлом дверь продержится недолго.

Принц быстро понял, как ей страшно.

— Они не войдут сюда, — сказал он, — а если войдут, я защищу тебя.

— Я знаю, — ответила Лианнат. Страх вдруг отступил. — Спасибо тебе.

— Только мне нужно оружие. Копье или топорик подошли бы.

— В оружейной есть все, что нужно. Пойдем, я покажу тебе.

Они спустилась в оружейную, подобрали Кориену хорошую кольчугу и прочный шлем, из оружия юноша взял арбалет и топорик с двумя лезвиями. Волки продолжали выть до утра, но в замок так и не вошли и с рассветом вернулись в чашу. До самого обеда Кориен и Лианнат опасались покидать надежные стены замка. Наконец юноша, вооружившись до зубов, отворил входную дверь и выглянул. Двор был пуст. Он осторожно вышел и огляделся; никто не спешил нападать на него. Кориен пошел к конюшне, не выпуская из рук топорика. Лианнат вышла следом и застыла при виде того, что увидела на входной двери. Какими должны быть когти, чтобы оставить глубокие равные следы на гладком и твердом как камень дереве, разорвать, покорежить металлическую обшивку двери? Лианнат подумала со страхом, что наступит ночь и волки вернутся. А еще вернутся король королева, их дети, придворные и слуги, ведь этот день был последним днем их изгнания.

Кориен быстро возвратился из конюшни, и на безмолвный взгляд-вопрос девушки только покачал головой.

— Сегодня вечером нужно запереться в комнате, где есть крепкая дверь и надежный засов, — сказал он. — Может, волки и не ворвутся в замок, но лучше, если мы будем готовы к этому.

Лианнат вспомнила о маленькой и такой хлипкой двери непарадного входа и отправилась проверить ее. Эта дверь тоже пострадала от когтей, но, как ни удивительно, выстояла. Только вот это мало утешало: для когтей, способных разорвать металл, мягкое дерево не будет помехой.

День был мрачен, наполненный ожиданием прихода ночи и возвращения зверей. Перед наступлением темноты двое поднялись на самый верх главной башни, оставив между собой и волками три хорошо запиравшихся двери. Лианнат притащила с собой медвежью шкуру и положила ее в кресло. Предосторожности оказались не напрасными: на то, чтобы ворваться в замок, вернувшиеся вместе с темнотой хищники потратили не больше часа. Но в башню попасть не смогли.

Лианнат и Кориен слышали шум на нижних этажах; легко было представить, как по замку в темноте бродят звери, ища себе поживу... Спать обоим не давала тревога, а разговор не клеился.

— Значит, ты любишь стихи? — наконец спросила Лианнат.

— Люблю, — признал Кориен, вид у него был

серьезный, даже суровый, но совсем не испуганный. — А ты?

— Только некоторые. Мне нравятся сказки в стихах и еще песни. Голоса у меня нет, но прочитывать песню как стихотворение я могу.

Юноша просмотрел на нее чуть искоса — с лукавым выражением ребенка, который знает, что может просить чего угодно, и в самом деле попросил:

— Прочитай!

Лианнат скорчила забавную гримаску — «ну, ты сам напросился!» — и прочла:

— Я жду тебя, минута за минутой,
Как день за днем.
Пусть будет осень, пусть поет кому-то
Своим дождем.
Пускай весна грозою рвет и мечет,
Пусть лета зной —
Я жду тебя. Мне оправдаться нечем
За выбор мой.

Но где же ты? Не обретя, тебя я
Теряю вдруг.
Надеясь, но — до времени не зная —
Кто враг, кто друг
Тебе, идущий, чьи шаги, что кара
И словно дар.
Я верю — неразлучны мы, как пара —
Огонь и жар,

Как неразлучны вечность и мгновенье,
Покой и труд.
И не страшат усталость и забвенье
Тех, кого ждут,
Покуда, ждущие, мы вам, идущим, верим,
Забыв себя,
Покуда — сердце настезь, настезь двери —
Я жду тебя.

И опять она поймала удивительный и очень теплый взгляд принца и смутилась — впервые за все то время, когда она заставляла смущаться его...

— Скоро полночь, — вдруг сказал юноша.

Лианнат, не понимая, смотрела на него.

— Я думаю, твои родные вернутся в полночь, — пояснил он.

Успевшая забыть о возвращении, Лианнат промолчала — да и что она могла сказать теперь? Ничего уже нельзя было изменить. Или — все-таки можно?

Именно в этот миг Лианнат, наконец, решилась.

— Послушай, — сказала она и зажмурилась, отчаянно, до слез выступивших из под закрытых век, — я не...

Амулет на груди принца вспыхнул нестерпимым огнем, обжегшим глаза Лианнат даже сквозь опущенные веки. А потом она услышала, как отдаляется, гаснет волчий вой. Девушка открыла глаза, подождала, пока они привыкнут к неяркому после вспышки свету в комнате, встала и подошла к окну. Луна освещала замковый двор, бросая отблески на спины убегающих, удирающих поспешно волков. Волки бежали, точно предчувствуя появление хищника еще более ужасного, чем они сами.

Кориен и Лианнат переглянулись и, прихватив медвежью шкуру, вышли из своего убежища. Впрочем. Не прошло и минуты, как один за другим во дворе замка начали появляться люди.

Оборванные, грязные, с хмурыми постаревшими лицами; вернулись слуги, наверняка забывшие, что когда-то были слугами, знатные дамы, ставшие похожими на дикарок, и их кавалеры, выглядевшие настоящими оборванцами. И в этой толпе Кориен и Лианнат потерялись почти сразу.

Вернее, это она потерялась, потому что понимала, что сейчас случится. Откроется правда и... наверное, все закончится.

Но на самом деле, кажется, все только начиналось.

Раздался голос, громкий и властный; человек в оборванной, но бывшей когда-то богатой одежде — девушка не сразу узнала короля — поднялся на высокую лестницу замка и оттуда произнес звучавшие страшно слова:

— Мы вернулись... и мы отомстим тому, кто отправил нас во Тьму!

Толпа зашумела. Рядом с говорившим встала высокая статная женщина, королева, подождала, пока люди затихнут, и повторила:

— Мы отомстим. Никто из нас не виноват в том, за что пришлось заплатить. Виноват Чародей, лишивший нас дома. Что бы ни случилось, нужно сжечь медвежью шкуру!

Лианнат подумала, успеет ли Кориен спрятаться и спрятать шкуру — и захочет ли он... Но, кажется, принц, которого она уже не видела в толпе, успел привлечь внимание.

— Неси ее сюда, юноша, — приказала вдруг королева голосом, не терпящим возражений. — Неси эту проклятую шкуру.

Где-то впереди толпа подалась в стороны, оставляя на виду юношу с медвежьей шкурой в руках. Лианнат закусила губу. Как он поступит? Разве сможет отдать...

Проза. Сказка

— Не нужно этого делать, — сказал Кориен тихо, но очень четко. — Это неправильно. Вы теперь спасены... и я пришел сюда, чтобы спасти оставшуюся в замке тринадцатую принцессу, вашу дочь, которую пощадил Чародей-Без-Имени. Зачем же...

— Тринадцатую принцессу? — перебила королева. — Вот мои дети, шесть принцев и шесть принцесс, — она кивнула на группу юношей и девушек у самого подножья лестницы, — и все они были со мной в Бездне. У меня никогда не было седьмой дочери.

— Не было? Но кто же тогда Лианнат?

Девушка зажмурилась, словно это помогло бы не слышать. Вот теперь действительно все.

— Кто бы ни была, она обманула тебя, — зло бросил король. — А теперь дай сюда шкуру или я прикажу...

Яркая вспышка, которая ослепила открывшую глаза Лианнат, озарила замковый двор, шестиугольные каменные плиты его поднялись дыбом и оплавилась от жара. Маленький тщедушный человечек в одеждах чернее ночи шагнул из круга оплавленного камня. Девушка видела лишь сгорбленную спину, но когда Чародей-без-имени заговорил — а это, конечно, был он — сумела представить лицо, гневное и несчастное.

— Все здесь, — сказал карлик. В голосе звучали гнев и горькое удовлетворение. — Все до единого. Ни один не остался во Тьме. Можете не благодарить за это. Но просите милости и пощады, чтобы не отправится во Тьму еще на семь лет.

— Нам не нужна твоя милость, проклятый колдун! — вскрикнул король. — Это ты должен просить у нас прощения!

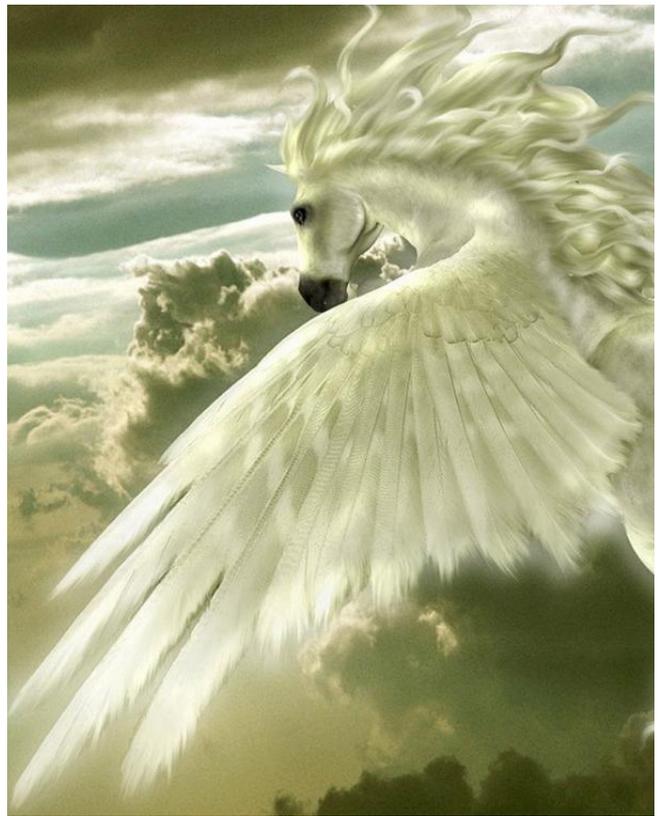
— Понятно, — вздохнул Чародей. — Значит, не о чем говорить. Возвращайтесь в Бездну и..

— Постой! — воскликнул принц Кориен. Толпа, которой больше не было до него дела, позволила юноше подойти к карлику. — Прошу, не делай этого! Они уже достаточно наказаны и не станут просить за себя, но не из-за страха или гордости, а потому, что не знают, как это делать. Пожалуйста, пойми.

— Почему я должен понять, если они не понимают? — спросил Чародей.

Теперь он стоял к Лианнат вполборота, и она видела, что взгляд карлика не отрывается от шкуры в руках юноши. Единственного, что осталось от сына Чародея...

Страх за Кориена толкнул ее вперед. Девушка прошла между испуганными и оторопевшими людьми и встала рядом с ним.

— Они не станут просить, — повторила она, но я... мы просим за них. Прости, если можешь, а если нет — позволь искупить свою вину не в Бездне.

— Они не заслужили прощения! — отрезал Чародей.

Юноша взглянувший на Лианнат с благодарностью, снова посмотрел на карлика.

— Прощение нельзя заслужить. Если тот, кто обижен тобой, готов простить тебя, ты и так получишь его. А если нет, и ты, и он — оба нуждаетесь в прощении.

— Слова пусты и бесполезны, — ответил карлик с горечью. — Какое мне дело до того, что они не умеют просить, если они и жалеть не умеют? Если никто не жалеет о сделанном?

— Если взялся научить их милосердию, то будь милосерден сам, — попросила Лианнат.

— И оставить все как есть? Оставить без наказания людей, которые убили моего сына?

Девушке захотелось закричать; горечь отчаяния была невыносимой.

— Они сделали это один раз, — сказала она тихо, — а ты делаешь снова и снова, памятью о сыне творя зло.

Чародей вскрикнул; яркая молния сорвалась с его пальцев — случайное то было заклятие, или он хотел поразить дерзкую, посмевающую так говорить с ним, но молния ударила в грудь Кориена, заслонившего Лианнат собой.

Юноша опрокинулся навзничь на мокрые от вечерней росы камни, выронив шкуру. Лианнат вскрикнула, подумав о самом ужасном, но Кориен был жив, только зеркальце-талисман, что висело на его груди, потемнело и треснуло. Девушка помогла принцу подняться на ноги; он выглядел удивленным, но не испуганным. И Лианнат почему-то больше не боялась.

Она взяла с земли шкуру и, подойдя к Чародею, положила ее к ногам карлика.

— Прости, — сказала она. — Прощение — это все, что нам нужно в конце концов.

И повернулась к Кориену.

— И ты меня прости за обман. Хотя я не говорила тебе, что я принцесса.

— Я знаю. Но это неважно, — улыбнулся он, подошел, взял Лианнат за руку. — Меня спасла ты, и тебе я дал клятву оберегать тебя, а не пышному титулу и не благородному происхождению. Только это и есть правда моего сердца.

— Сердце, — сказал вдруг Чародей совсем другим голосом — полным одной лишь боли, без гнева. По его щеке покатились слезы. — А если сердца уже не осталось?

Он наклонился — поднять шкуру, но не успел: шкура зашевелилась и встала с земли красивым молодым медведем, который через мгновение превратился в юношу с голубыми как небо глазами. Он непонимающе огляделся вокруг и спросил ясным, чистым голосом:

— Отец, что мы здесь делаем?

Чародей, к которому он обратился, вздрогнул от звука его голоса, и то ли вздох, то ли стон сорвался с его побледневших губ.

— Отец! — юноша взял его за руку, вглядываясь в родное лицо. — Почему ты плачешь?

— Так, просто, — Чародей улыбнулся сквозь слезы. — Что-то попало в глаз...

Он порывисто обнял сына, словно стараясь спрятать его на своей груди от всех бед мира, но голубоглазый паренек неловко вывернулся из его объятий и, кинув смущенный взгляд на стоявших вокруг людей, покраснел.

— Пойдем домой, отец!

— Пойдем. Нет, подожди, — Чародей обернулся к королю и придворным, — я знаю, что вам не

нужно мое прощение, но прощаю вас. И надеюсь, что хоть когда-нибудь вы сможете простить меня. А вы, дети... — он улыбнулся Лианнат и Кориену. — Спасибо вам. Власть всего лишь власть, но сердце — выше и больше любой власти. Что я могу подарить вам в награду? Богатство и счастье? Вы и без того уже бесконечно богаты и обязательно будете счастливы. Поэтому — вот...

Он поднял лицо к небу и произнес несколько слов, звучавших как просьба. Через мгновение крылатый золотогривый конь опустился посреди двора.

— Он отвезет вас туда, куда вы пожелаете. Будьте счастливы, дети, и сделайте счастливыми всех, кого сможете!

Чародей запахнулся в свои одежды, неожиданно заигравшие цветами неба, и, взяв за руку сына, исчез, словно и не был.

Юноша и девушка смотрели друг на друга, и так могло бы продолжаться вечно, если бы золотогривый конь не топнул копытом, нетерпеливо потопливая их.

— Пойдешь ли ты со мной? — спросил принц Кориен, беря ее за руку.

— Хоть на край света, хоть за край мира, — отозвалась Лианнат.

Крылатый конь поднялся в небо вместе с двумя всадниками, унося с собой свой свет, оставляя на земле людей вернувшихся из Тьмы и принесших тьму с собой. А ведь тот, кто не хочет видеть света, так и останется слепым...

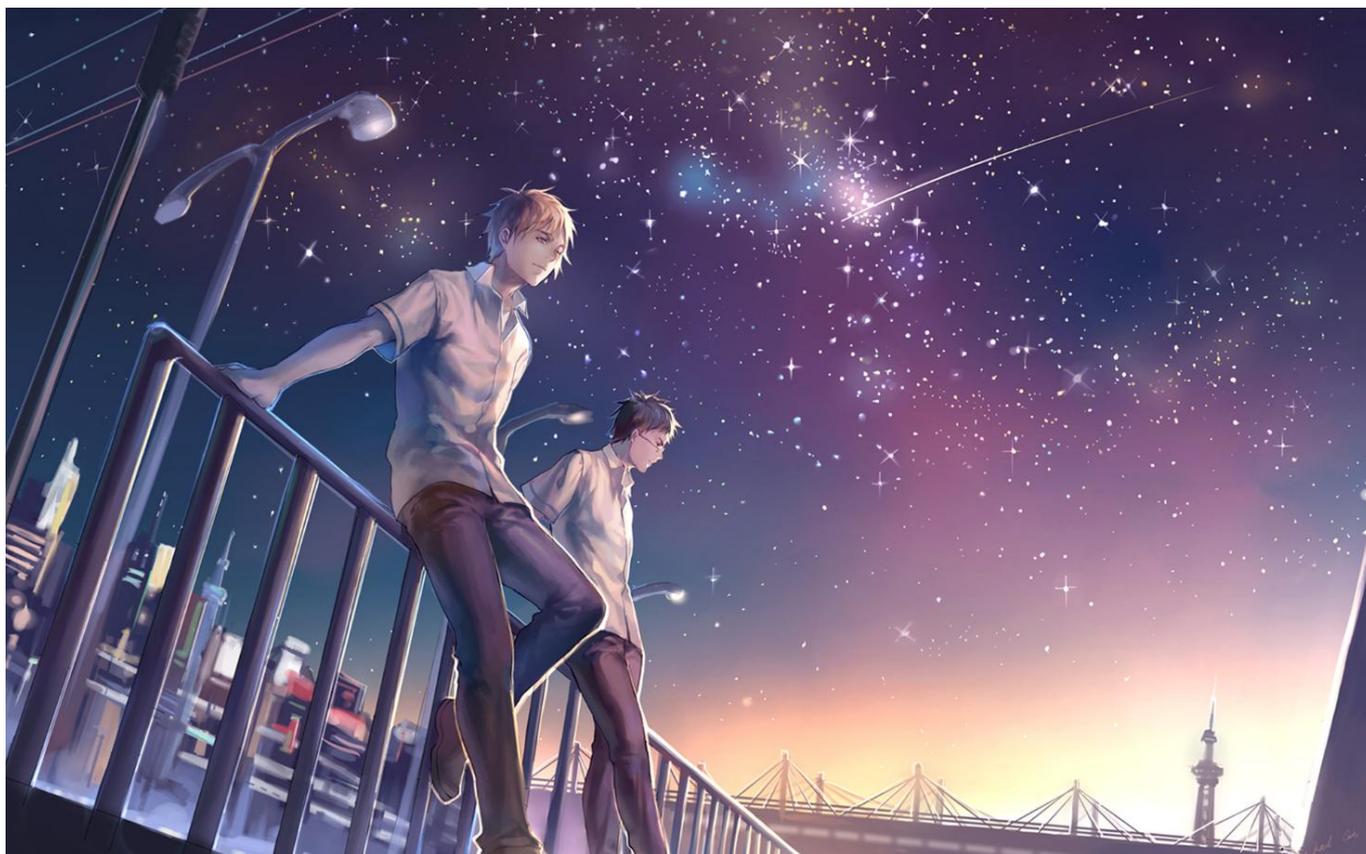
Полет чудесного скакуна был похож на танец, и звезды звенели, когда он случайно задевал их копытом. Ветер, поднявшийся от его крыльев, играл с облаками, превращая их в корабли и диковинные цветы, хорошеньких котят и улыбки, и во все, что только делает счастливыми людей, живущих на земле.

Армант, Илинар

Чары ночі

Лес не смог устоять перед чарами ночи,
Дал укутать себя в звёздный плед до рассвета,
Лишь порою во сне что-то тихо бормочет,
Отвечая на ласку бессонного ветра,
Да сверчок иногда себя скрипкою тешит,
На тяжёлой траве сотен лун отраженьё.
Тихий смех: «Подожди... вдруг, за деревом леший?
Может, лучше спросить у него разрешенья?..»
«Нам любовь разрешенье дала. На себя же.
Мы свою пишем сказку — в ней нет небылицы.
Что нам леший? Не ночь ли невидимым стражем
Охраняет любви безграничной границы?»
Ночь не выдаст — умеет хранить она тайны,
Любопытство луны пресекает умело —
Потемнело — лишь звёзды... видать, не случайно
Лунный взгляд оказался за облаком белым.
Спит трава, спят цветы, спрятав ясные очи
В лепестках. Дремлет пруд. Спят овраги и склоны.
Мы не спим — что нам чары волшебницы ночи?
Нас чарует любовь. Мы, как ветер — бессонны.

Армант, Илинар

Верь и ты

Всё в жизни важно. Счастлив тот,
Кто в ней и плачет, и смеётся,
И любит и луну, и солнце,
Бумажный помнит самолёт

Из детства. А само оно
Лишь на лицо одело маску:
«Я взрослое!»
— А хочешь сказку?
— Хочу!

Ну, разве не смешно?
Всё в жизни важно: первый гром,
И вишен снегопад весенний,
И дивный аромат сирени,

Мурчащий кот, уютный дом...
И радуга, и облака,
Сугроб пушистый под окошком,
И на двоих одна дорожка,

И тёплая в руке рука.
И сердца стук, и милый взгляд,
И первый поцелуй несмелый,
Любовь, что мир вмещает целый,

И память, что в сердцах хранят.
И крылья для души — мечты,
Звезда, что упадёт однажды —
И сбудется всё то, что важно.
Я верю в это. Верь и ты..

Армант, Илинар

Сон

Мне снился сон. Но будто и не сон.
Быть может, в нём проснулся ото сна я?
Иначе почему мне так знаком
Вот этот дом? Дорога ли лесная

Меня к нему вела? О, нет — душа,
Что помнит всё, забытое однажды.
Теперь за явь не дам я и гроша,
Что в яви той? Корабль... и то бумажный.

Ещё мечты, надежды лишь шипы,
О мире без названья ностальгия.
И поиск затерявшейся судьбы...
Я в яви спал, а думалось, что жил я.

В траве из светлячков живой ковёр
Плетёт луна. И верю, и... не смею,
Но светит маяком в ночи костёр,
Что разожжён тобой — судьбой моею!

И знаю, что проснусь когда-нибудь
Я в этом сне и мире без названья.
Ты только освети костром мне путь.
Мне снился сон. Не сон. Воспоминанье.

Рассказ занял первое место в конкурсе
«Зеркало мира»

Блиц

Разов Олег

Ухи, руки, костыли

Мы сидели под огромным развесистым дубом и ели жареный фундук.

— Странно, — сказал он нам, — сидим под дубом и жрём фундук.

— Чего ж тут странного? — вяло спросили мы.

— Ну, понимаете, под дубом ведь жёлуди, а мы фундук жрём.

— А что ж ты, свинья, что ли, чтоб жёлуди жрать? — спросили мы.

— Где вы тут свинью увидели? — не раздумывая, сказал он и, широко размахнувшись, ударил нас в ухо.

Вот и весь разговор. И молнии с искрами посыпались из наших глаз, и боль, и обида. Горбатые мы — что есть, то есть, хромоногие и скрюченные — тоже факт очевидный, но, отняв у нас то простое, что даётся каждому при рождении, Господь подарил нам другое: четыре руки — длинные, кряжистые, сильные. Наверное для того, чтоб удобнее было ходить на костылях. Ударивший нас не ожидал отпора, мы схватили его четырьмя своими руками, заломали, подмяли под себя; он барахтался, как муха под пауком, а потом затих...

Через полгода нам будут делать операцию и, если всё пройдёт нормально, человек со скальпелем и пилой исправит Божью ошибку. И наша мечта, рождённая одновременно с этой ошибкой, наконец сбудется. О нас напишут в газетах, покажут по телевизору, мы сможем спать в разных кроватях и, кроме того, будем ходить по отдельности в туалет.

Но у нас не будет больше четырёх рук и двух сердец, мы не будем больше одним целым, и любой сможет подойти к нам и ударить безнаказанно в ухо.

Мыши, груши, кипятки

Мышь в упор посмотрела смышлёными бусинами глаз и упёрлась лапками в прозрачный лист стеклопластика. Маленькие пальчики были тонкими, прозрачными, а ладошки казались почти человеческими. Владислав скатал из мякиша очередную колбаску и вставил в одну из просверленных дырочек. Мышь перетянула хлеб на свою сторону, отбежала в уголок амбразуры окошка и принялась есть.

— Сколько уже сегодня сожрала? — спросили соседи.

— Шестую валит, — ответил Владислав и снова улёгся. Соседи, похвалив мышку за аппетит, снова забубнили о хозяйстве, огороде и каких-то штапиках.

— А у меня ж яблоки сейчас — ой-ёй-ёй! Я ж, бляха, такие «бабки» теряю! Ща на базар старушкам отдай.... Да всё б с руками поотрывали б! Да сам бы встал, на хрена мне те старушки! Отторговал бы в полный рост! Такие «бабки»... Такие «бабки»... А груши! Ай-яй-яй! Ты ж помнишь мои груши! Гигантские! А ей чего? Ей всё до филаретовой звезды! Она за ними не смотрит. Дура. Всё погниёт теперь. Слышь, Владислав! Я говорю, груши у меня — с ребячьей головой! Во такие! — сосед растопырил руки, ребячья голова оказалась по размерам с хорошую хэллоуинскую тыкву.

Владислав не слушал соседей. Из-за их многочасовой трескотни он начал мечтать о таблетке парацетамола. И вообще — мечтать.

«Лягу на берегу возле самой воды и буду смотреть в небо. И солнце пусть будет. И самолёт обязательно пусть пролетит высоко-высоко и оставит в небе свой след. И то, что со мной сейчас происходит, пусть тоже оставит свой след. Не на теле, не в душе, а только в памяти. Память не подведёт: когда нужно — напомним, когда не нужно — скропит всё за тяжёлым засовом. А душа пусть останется как прежде. Нечего ей черстветь и злобиться, и так не всё слава Богу. Вот если б вернуть всё обратно, повернуть время вспять, отмотать назад, нажав на кнопку пульта, да только где ж найти такой пульт и кнопку такую, где? И кнопка эта какого цвета была бы? Чёрного? Белого? Сколько жизнь подавала своих маячков, предупреждала, советовала, — ничего не понимал, не видел, или говорил, что если пронесло, значит не судьба. А теперь, выходит, судьба. Вот и лежи теперь, и читай постылую газету, думу думай и слушай, как утекает время. И про груши и штапики слушай, и мечтай о таблетке. А лучше опусти ресницы, при-

Художник Колесова Ульяна

творись спящим, чтобы стало полегче... Зажмуришь глаза, сомкнёшь веки крепко-крепко, повернёшь голову направо — даль неоглядная, налево — сколько есть, всё леса да поля, и нету никого, ни единой души вокруг, слава Богу, не в Китае. И, кажется, полетишь сейчас — никто же не видит, а если не видят, так и полететь несложно, даже

разбегаться не надо. Главное — не заснуть, главное — держаться до последнего, потому что самое нестерпимое — просыпаться. Сны всё обычные, сны всё домашние, тёплые, а проснёшься — и ты снова тут, и лампочка тусклая круглые сутки, воздух дымный, да соседи со штапиками...»

— Я ему говорю: подлиннее штапик нарежь, а

Проза. Реализм

он, бляха, баран, всю нарезку сгубил. Слышь, Владислав! А вот, послушай, ещё один интересный случай...

— Дай ты поспать человеку!

— Да не спит он, я же вижу! Не спишь, Владислав?..

«На украинских деньгах, на крупной, пятисотгривенной купюре имеется портрет философа со смешной фамилией Скворода. Этот Скворода сказал однажды: «Мир ловил меня. А я убежал». Молодец Скворода. Красавчик. А мы не убежали. Мир поймал нас, раскинув руки на удачу, как в детских «жмурках», из многих выхватив некоторых. Меня, например, и этих вот, с грушами-яблоками...»

— Гляди, опять пришла. Владислав! Питомец твой за пайкой пришёл! Во, бляха, прожорливая! У меня в хате ризетку всю прогрызли! И не шибануло ж ведь...

Мышь спустилась в приямок окна, оперлась своими человеческими ладошками на стальной прут решётки и заглянула внутрь, за прозрачно-мутный лист стеклопластика. Что она увидела? И увидела ли? Она никогда не сидела в клетке зоомагазина, за неё не платили деньги, и кассирша не выбивала за неё чек. Но саму клетку она видела часто. В ней находились несколько человек, непрерывно курили и в тусклом свете одинокой лампочки до дыр зачитывали жалкую стопочку газет. Из дырочек в стеклопластиковом окошке тянуло дымком и еле уловимым казённым смрадом, пропитавшим собой бугристые серые стены.

Владислав скатал в пальцах новую хлебную колбаску и вытолкнул её наружу, прямо в мышинные лапки.

«А ещё моя девочка, — подумал он. — Вдалеке от этих стен, этой лампочки и зарешёченного окна, в неизмеримых расстояниях от меня, сидя на маленьком стульчике, рисует разноцветными карандашами яркие свои картинки. На картинках ходит по зелёной траве угловатый человечек и упирается головой в синее-синее небо. «А когда папа придет?» — спрашивает моя кроха. «Не скоро, милая. Папа у нас моряк», — отвечает её мама, и добавляет горько: «Моряк-морячок...» «Молятёк...» — повторяет девочка и начинает рисовать кораблик, а потом, улыбнувшись, вспоминает:

Сказал албуз капусте так:

Кто я, ты знаеc? Я моляк!

А у тебя, у бедняски

Нет полосатой лубаски...

Я прошу Тебя, будь с ней ласковой, спаси её и сохрани, пусть не потеряет она кротость и чистоту, и никогда, слышишь, никогда не дай ей того, что уготовил для меня! А если и суждено ей нечто подобное — Ты ведь знаешь это наверняка, — прибавь всё это мне, прямо сейчас, добавь на мою чашу, а уж я отбуду, отслужу, отработаю... И не дай ей в будущем такого вот «молячка», а пошли ей хорошего, любящего человека, пусть живёт, как нормальные люди...»

Мышь доела хлебную колбаску, по железным прутьям поднялась вверх и исчезла. Владислав слез со шконки, осторожно постучал в железную дверь. А когда «кормушка» в двери отворилась, он склонился к ней и с фальшивой бодростью сказал:

— Начальник, кипяточку сделай, лады?

Судьба, мольба, сто сорок три гроба

На фюзеляже серебрится лёд,

Ох, зря залез я в этот самолёт...

Сергей Николаевич всегда придумывал подобные стишки во время полёта. Он часто пользовался воздушным транспортом, имел все возможные скидки во всех возможных авиакомпаниях, но чем больше летал, тем больше боялся, чем больше боялся, тем больше разговаривал сам с собой, чем больше разговаривал сам с собой, тем больше, как ему казалось, сходил с ума.

— Бросить к чёрту эту работу, — говорил себе Сергей Николаевич.

— Как же я её брошу? — отвечал на это второй Сергей Николаевич, — достаток — выше среднего, в Европу, Азию — постоянно, всё оплачивается, и, кстати, скоро повышение, пересяду в другой кабинет, летать буду реже...

— Ты разобьёшься обязательно однажды,

А жизнь, дружище, не даётся дважды...

От такого выпада первого Сергея Николаевича, второй Сергей Николаевич надолго замолчал...

Быть всё время в прицеле своих страхов, помнить, что мысль материальна, и мечтать только о том, чтобы уцелеть — это трудно. Нет, надо бросать к чёрту такую работу!

В этот раз бортпроводница была стандартная, со стандартной внешностью, улыбкой и речью. Считается, что стюардессы красивые. В основном. Сергею Николаевичу красивые попадались редко — может, не везло, а может, просто не разбирался он в стюардессей красоте, кто его знает? Вообще не мог он во время полёта сосредоточиться на чём-то другом, кроме водки и мерзких своих стиш-

ков, сообща отгоняющих страх за собственную судьбу, а качество стюардессы оценивал по затраченному ею времени на принос очередного «мерзавчика».

— Это они славно придумали после одиннадцатого сентября не пускать в самолёт со своей «поддачей», — говорил себе Сергей Николаевич. — Ещё бы! Гораздо интересней продавать в воздухе стограммовый «мерзавчик» водки по цене земного литра.

Какая разница теперь, почём платить?

Предсмертной рюмки как цену определить?..

— Опять каркаешь? — спросил второй Сергей Николаевич у первого.

— А чего тут каркать? Вон левый двигатель уже не работает. Скоро правый накроется и — капец. Ты вот добавочки попросил, а тебе не несут. А чего не несут? Давно не несут! А потому не несут, что не до того уже. Стюардессы молятся, пилоты матерятся — всё идёт по плану. Прислушайся, дурачок! На одном двигателе летим. И, кстати, посмотри, какие актуальные строки получаются:

Бесплодна стюардессина молитва:

До Бога, вроде, близко, но не видно.

А до земли, казалось, далеко.

Но быстро, страшно, больно и легко.

— Иди ты в пень! Я тебя не слушаю!

— И не надо. Чего меня слушать? Ты тишину слушай. Какая изумительная тишина! Заметь, скоро она закончится. Все всё поймут, и начнётся кошмар. Ты же хотел кошмара? Ждал его, предчувствовал, стишки эти твои... Как там? «О, авиакатастрофа! Ты словно моя голгофа...» Или как ты там насочинял?

— Это не я! Это ты сочинял!

— Вот и накаркал...

— Это ты накаркал!

— Ничего, ничего. Сейчас всё начнётся. Соседка у окошка громким шёпотом затынет молитву, а потом ребёнок из передних рядов спросит: «Мама, почему стало так тихо?..» Эта фраза маленького ребёнка и станет сигналом. Самолёт свалится в крен, потом штопор, перегрузки.... Да ты сам всё знаешь, это ж твоя тема!

— Это не моя тема, это всё ты! Ты! Ты! — воскликнул Сергей Николаевич и вдруг услышал, как где-то впереди салона, в нависшей над всеми пронзительной тишине раздался робкий детский голос:

— Мама, а почему так тихо?

И вдруг, словно всё вспыхнуло внутри само-

лёт: крики взорвали тишину, посыпались вещи, люди, какие-то бумажки, ремни, коврики из проходов и почему-то множество пластиковых стаканчиков. Захлопали дверки вещевых ящиков, откидные столики и ужас, ужас в глазах кричащих, молящих, не смирившихся ещё людей.

Сергей Николаевич был надёжно пристёгнут, он никогда не отстёгивал ремни безопасности даже после взлёта. Он крепко сидел в падающем, вращающемся вместе с пространством кресле, был спокоен и собран. Он слишком часто думал об этом, ждал и готовился. Страх, который лишал его воли и разума в каждом полёте, сейчас испарился, как утренняя роса, лишь рубашка промокла от липкого, холодного пота, да уши заложило так, будто кто-то забил в них два здоровенных осиновых кола.

— Значку бабушка на похороны с пенсии кладёт.

А мне не надо. Мне оплатит счёт «Аэрофлот»,

— сказал себе Сергей Николаевич в последний раз, набрал в лёгкие побольше воздуха и громко, бездумно, обречённо, пересиливая удушливую тоску, заорал вместе со всеми.

Яйца, куры, процедуры

По телевизору показывали футбол. Экран был такой пыльный, что трава футбольного поля казалась жёлтой, выгоревшей, как степь где-нибудь под Каховкой. Васю это очень нервировало. И счёт в матче Васю тоже нервировал: «кони» не могли отыграться, Вася с детства болел за «коней» и даже потерял однажды в схватке двух фанатских толп, пытающихся доказать, у кого любовь к своему клубу сильнее, два передних своих зуба. Соседние с выбитыми подпилили, превратив их в острые, отвратительные пеньки, насадили на них металлокерамический мост, отшлифовали, отбелили, но это была неравнозначная замена двум родным, натуральным резцам, крупным, белым, квадратным. Если рассуждать с позиций юношеских идеалов, жертва, принесённая на алтарь фанатской любви, была, конечно, плёвая, копеечная, подумаешь, два зуба, но она долго болела и мешала откусывать продукты питания. А в герои Вася всё равно записан не был, и больше на фанатские тусовки с тех пор не ходил.

Всё это было очень давно, когда у Васи был ещё детский, жидкий мозг, но до сих пор проигрыш «коней» он переживал так остро, будто кто-то по новой норовил выбить ему все передние зубы.

Проза. Реализм

В телевизоре «кони» перехватили инициативу и начали наседать, Вася упёрся взглядом в пыльный экран, но думал о своём. Дело в том, что он находился в творческом кризисе, мучился и страдал, проедал последний мешок денег, заработанных в лучшие времена. Работа у Васи была необычная, редкая и, можно сказать даже, странная. Вася придумывал и конструировал игрушки для «Киндер-сюрпризов» и их аналогов. Таким образом, Вася был, в некотором роде, изобретатель. Были у него взлёты, великолепно сконструированные иллюзии, поразительные достижения мысли, и были, к сожалению, падения, которые преобладали. Это Вася придумал вставить в шоколадное яйцо надувную игрушку, которую на тестах не смог надуть ни один ребёнок. Это он создал серию «Ящерицы-пулемётчицы» на радость и злорадное веселье коллегам-конкурентам. Зато Вася придумал к чемпионату мира фаршировать киндер-яйца именными фигурками футболистов всех сборных, прошедших в финальную часть. И клипсы для девочек с бисерными вишюлинами — тоже его работа.

— Чтобы заниматься этим бизнесом, нужно залезть в голову и к малышу-потребителю, и к родителю-плательщику и, разумеется, залезть внутрь яйца! Целиком залезть, с головой! Стать, так сказать, и яйцом и курицей одновременно! Ну и конечно, мастерство компановки. Если подobaюще соблюсти все эти процедуры — тогда, может быть, что-нибудь получится! — самодовольно говорил Вася, когда карьера его была на подъёме.

С тех пор всё кардинально поменялось, подъём сменился уклоном, в команде работать не получилось, а собственные мысли иссякли, превратились в мелкие ручейки, а вскоре и окончательно исчезли, как аральские воды. Сначала Васю лишили фиксированной зарплаты, оставив лишь премиальные за непосредственно созданный продукт, потом лишили рабочего места, предложив трудиться удалённо, а сейчас и вовсе не хотят принимать его проекты к рассмотрению.

— Всё шеф, подлюка! Рожа толстозадая! — скалился Вася, но начальник тут был не виноват, и Вася отлично понимал это: пруха кончилась, настроения нет, кризис жанра. А деньги катастрофически тают, заначки худеют, карточки пустеют, хоть иди другую работу ищи. Или, может, интерьерами заняться?

Раньше Владик деньгами мог помочь, спасал в трудные времена, и по душам поговорить, водочки выпить. Такого шурина — дай Бог каждому иметь. А сейчас самому Владиду помогать в пору — поса-

дили хорошего человека ни за что, в клетку бросили, как зверька, даже под подписку не выпустили. Сестра почернела уже, глаза все выплакала, не знает, что дочке, племяншке моей, про папу говорить. И как жить без папы — тоже не знает. А я сижу тут и мечтаю, как денег «срубить». И ни одной мысли родить не могу — ни сестричке помочь, ни за Владика похлопотать.... А тут ещё какой-то «хрен» повадился мелом на двери писать: «Эх, Вася, Вася!» Не ругательство, вроде, а всё равно на душе беспокойно как-то, паршивенько, кто-то ущипнуть хочет, унижить, смеётся просто-напросто. Сосед, может? Не похоже. На хрена это соседу.... А может, эта коза валдайская с четвёртого этажа.... Ясно одно: кто угодно может такой херней заниматься, всем есть до меня дело.

«Кони» пропустили ещё один. Вася не мог этого более выносить, и вид жёлтого футбольного газона — тоже. Армейцам он помочь никак не мог, а протереть экран телевизора от пыли мысли не возникало, поэтому Вася переключил программу наугад. Попались новости. Теракт — двенадцать человек, наводнение — пять человек, крупная авария на МКАДе — четыре человека, крыша обвалилась — одиннадцать человек, самолёт разбился — сто сорок три человека....

— Ёлки-палки! А хорошие новости у нас есть? — пробормотал Вася, и дикторша в телевизоре, которой пыль на экране не мешала, а даже наоборот, придавала некоторый шарм, сказала Васе:

— Удачно прошла операция по разделению сиамских близнецов. Оба молодых человека чувствуют себя хорошо. Доктора заявляют, что уже через несколько недель пациенты смогут учиться ходить самостоятельно....

Вася прищурил глаза, подошёл к ноутбуку и загрузил свою программу.

— Это будет бомба! — сказал он дикторше в телевизоре, — серию назову «Весёлые близнецы»! Братья-трансформеры, сёстры-трансформеры. А потом развить тему....

Сердце Васино заколотилось, он схватил телефонную трубку, набрал номер и, еле сдерживая нетерпение, заговорил:

— Дашенька, приветик! Да... Василий беспокоит. Сергей Николаевич на месте? Можно его? У меня такая бомба! Атомная! Слышишь, Даша? Алё...

Дашенька молчала, а потом Вася услышал, как она разрыдалась. Ничего не понимая, он ждал, а когда Даша снова заговорила, растерянность и немота сковала Васю. Он вспомнил полное, улыб-

чивое лицо Сергея Николаевича, несуразные очки на маленьком, картофельном носу, смешные стишки, придуманные шефом на корпоративах, тёплые пивные посиделки после работы. И то вспомнил, как Сергей Николаевич прикрывал его перед вышестоящим начальством до последнего, до самого Васиного краха, тянул вверх просто потому, что не мог не тянуть, удивляя этим всех, включая самого Васю. Блестящие самолётные осколки обгоревшими рваными краями разрезали время на две части — прошлое и будущее. Будущее было неясным, пустым, в нём не осталось ни одного плеча, на которое можно было бы опереться, а прошлое неожиданно выпятилось, показало себя. И Сергей Николаевич остался в прошлом, исчез отовсюду, а в прошлом остался. Прозрел Вася. Отчётливо понял вдруг, что потерял из крохотного круга общения светлого, очень доброго человека, одного из немногих, с кем посчастливилось встретиться Васе в своей бесформенной, небогатой на хороших людей жизни.

— Я такую бомбу придумал, Сергей Николаевич. Вы были бы мной довольны... — сказал Вася, тупо глядя в пыльный экран.

А потом вдруг громко по-детски заплакал.

Гольдман, ссутулившись, сидел на диванчике в ординаторской.

Силы покинули Гольдмана, руки подрагивали, натёртая об очки переносица саднила. Он сидел в ступоре, пытаясь сфокусировать взгляд на папиллярных узорах своих ладоней. Со стороны казалось, что он молится мусульманскому Богу.

В коридоре царил праздничное оживление, гул разговоров, разноцветная аура радости. В дверь заглянула белая фигура в колпаке и халате и, увидев неподвижного Гольдмана, замерла на продолжительное время в надежде, что он очнётся, но Гольдман не видел белую фигуру. Он не видел даже своих дрожащих пальцев. Белый колпак нерешительно затворил дверь, но тут же вновь отворил и робко, ласково, словно пытаясь разбудить обожаемое чадо, почти прошептал:

— Александр Исаакович, там журналисты... ждут... Они тут давно, почти с самого начала... уже сутки почти.

Да-да, Лидочка, — сказал Гольдман, не отрывая воспаленных глаз от повернутых к небу ладоней. — Сейчас...

С благоговением, беззвучно, Лидочка прикрывала за собой дверь, но она тут же опять распахнулась:

— Что, Исаакыч, медитируешь?! Давай по-быстрому — за лаврами, и по домам! Только ты все лавры не собирай, мне немножко оставь, — вошедший широко улыбался.

— Саныч... — протянул Гольдман, — давай посидим маленько...

— Да мы сейчас посидим — не встанем, — устало заметил вошедший.

— А у тебя сладкое что-нибудь есть?

Саныч засмеялся и потянулся к шкафчику:

— Вот ты везунчик, Гольдман! Смотри: и прошло все удачно, и сиамцы — крепкие ребята оказались, и сладенькое тебе тут как тут! Во, гляди, внуку купил! Только уговор — игрушку верни, он их собирает!

— Да на кой мне твои игрушки...

Гольдман вывернул из цветной фольги протянутое Санычем киндер-яйцо и не спеша начал жевать разломанную шоколадную скорлупу. Саныч открыл пластиковую капсулу и достал из нее игрушку-сюрприз.

— Что там? — вяло спросил Гольдман.

— Месси, — ответил Саныч.

— Какая месси?

— Какой. Футболист.

— А, Месси... придумают же... разное.

Саныч откинулся на спинку дивана, и все его энергия и бодрость исчезли. Он покрутил в руках пластмассовую фигурку из яйца, сказал:

— Представляешь, я в детстве мечтал стать футболистом... Может, тоже сидел бы сейчас внутри шоколадного яйца. А ты?

— Что?

— О чём мечтал?

— А я мечтал быть сборщиком макулатуры: за макулатуру можно было книжки хорошие достать. А сейчас мечтаю только поспать.

— Да, поспать... — сказал Саныч, — мечтали о разном, а сидим на одном диване. И лавров никаких не нужно. Только спать.

— Да, спать... — вздохнул Гольдман и закрыл глаза.

Разов Олег

writercenter.ru/profile/ostrov22/whois/

Художник Ульяна Колесова

www.shannonassociates.com/artist/julianakolesova

Лялька

Гринь Ульяна

Не знаю, кто как, но я с детства мечтала о собаке. О маленьком плюшевом чуде, которое будет преданно смотреть на меня и лежать в ногах, пока я делаю уроки, а потом мы вместе побежим гулять...

Но мама не разрешала заводить щенка. Её аргументы казались мне глупыми и не выдерживающими никакой критики: я-де безответственная, заброшу несчастное животное через месяц, выгуливать и кормить собаку придётся маме, а ей и так некогда. Напрасно я клялась, что буду заботиться о щеночке сама и только сама. Мама была непреклонна. К тому же, она слишком высоко ценила нашу квартиру и сделанный недавно ремонт, чтобы позволить какому-то животному всё изгрызть и перепачкать. В общем, никаких шансов иметь четвероногого друга у меня не было.

Свою мечту я не похоронила, о нет! С подружкой, у которой была толстая такса, мы ходили на выставки собак, изучали породы и их особенности, подолгу гуляли в лесопарке рядом с домом. Дейзи радовалась мне, как лучшему другу, позволяла подолгу чесать её жирное брюшко и так умильно жмурилась при этом, что во мне зарождалась глухая тоска пополам с чувством безграничного счастья.

Такса подружки умерла, когда мы учились в выпускном классе. Варя плакала и торжественно клялась, что больше никогда, никогда в жизни, ни одной собаки... А я от горя чуть не завалила экзамены, но мне, если честно, повезло. Мы поступили в колледжи: я — в экономический, Варька — в ветеринарный. По этому случаю родители подарили

ей щенка дога, а мама разрешила мне завести попугайчика. Как раз то, что доктор прописал, а главное — вовремя, да! Очень скоро оказалось, что зелёному желтоголовому Петьке необходима подружка, потому что «попка скучает!» А потом сладкую парочку выпустили летать по квартире...

В общем, в тот момент, когда я начала встречаться с первым молодым человеком, мама окончательно потеряла голову от попугайчиков и жила исключительно ими, своими «тотошками», как она их называла ласково. В квартире летало и чирикало уже восемь поганцев: Петька с Чикой обзавелись потомством, и мама не решилась раздать, а тем более продать попугайчат. Когда я переехала к третьему по счёту парню, который вскорости стал моим мужем, попугайчики взяли контроль над квартирой. И мама каждого знала по имени, не говоря уже о генеалогическом древе тотосек...

С мужем мне повезло во всём. Кроме двух вещей: он терпеть не мог собак и слишком любил женское общество. Прожив с ним в относительном согласии три года, я не выдержала и ушла. К маме, конечно. Но места в родном доме мне не нашлось. Точнее, я не смогла разделить его с тотосками, которым, в отличие от меня, разрешалось всё на свете, в том числе, и гадить в мою тарелку. И им за это никогда ничего не бывало.

Я напряглась и взяла в банке кредит. И купила себе однушку. Крохотную, жутко неудобную и в ужасном состоянии. Пришлось вложить немало сил и валюты, чтобы привести квартиру в порядок. На дизайнерский ремонт меня не хватило, но

Художник Лев Елена

Проза. Реализм

у меня было чисто и свежо. Я была дома и сама себе хозяйка.

В общем, это всё предыстория.

Сама история началась, когда однажды после работы я сидела на форуме местного собачьего приюта и приставала к заведующей с вопросами, когда приехать почистить клетки и погулять с питомцами? Зазвонил телефон. Варька вкрадчиво загундосила в трубку:

— Морозова, тебе деньги нужны?

— Фигня вопрос, кому они не нужны, — рассеянно ответила я, допечатывая два последних слова и отправляя сообщение.

— О! Тогда у меня есть для тебя работка!

— Продавать ничего не буду!

Варька уже неоднократно пыталась меня завербовать в секты типа Эйвона и Орифлейма, была послана далеко и надолго, но попыток не оставляла. Это дело следовало пресекать на корню.

— Да ничего продавать и не надо! Тут на Арбате живёт бабушка, у бабушки собачка, бабушка едет в санаторий, а за собачкой некому смотреть!

— Чернышева, я ремонт только закончила! Никаких собак, по крайней мере, в ближайший год!

— Сейчас ты мне напомнила свою мать, — вздохнула подруга. — Дослушать можешь хотя бы?

— Могу. Но покороче, Склифосовский.

— Тэ Зэ. Пожить у бабушки месячишко. Кормить, гулять и чесать собачку. Гладить и обнимать, когда собачке станет одиноко. Вы уловили мою мысль, уважаемая?

— Варя, огласи прайс лист, пожалуйста!

— А теперь внимание, публика! Цены! За возможность провести месяц на Старом Арбате в роскошной квартире с одинокой псинкой бабушка платит симпатичную сумму в пятьдесят конвертируемых американских рублей!

— Да ну тебя! Рвать задницу за полтинник?

— В день, тупица! Калькулятор возьми! Вот тебе и кухня новенькая! Сама же ныла, что даже в интернете всё слишком дорого!

Прибалдев от неожиданности, я без машинки посчитала сумму за месяц и присвистнула от удивления. А в чём тут хитрость? Что хитрость есть, я не сомневалась ни секунды. Поэтому так же вкрадчиво спросила у телефона:

— Варь, мне непонятны два момента. Первый — откуда у бабули божьего одуванчика полторы тыщи баксов? Второй — а чего ты сама не клюнешь?

— Спокойно, Морозова! — засуетилась подружка. — Никакого обмана, бабуся подпишет договор. А денег у неё, как у Скруджа Макдака! Я в квар-

тирке была, там картинная галерея пополам с антикварной лавкой! А я не могу, ты же знаешь, мне Хауза не с кем оставить, а он собак не переносит!

Это было чистой правдой, Варькин мраморный дог не терпел присутствия своих сородичей в одном помещении больше трёх секунд.

— В общем так. Я тебе дам телефончик, бабуся уже срок припирает, позвони и пообщайся. У тебя как раз отпуск, заработаешь немножко денюжков на сыр к бутерброду!

— Варь, а что за собака хоть? — шаря по столу в поисках ручки, я с тоской задала контрольный вопрос, тот, что в голову.

— Ну-у-у... Собачка хорошая, но с шизой. Понимаешь же, у каждого свои тараканы! Но ты у нас со всеми пёсками ладишь, так что я уверена, вы полюбите друг друга!

Записав номер на огрызке газеты, я повесила трубку. Полторы тыщи зелёных то и дело дзынкали кассовым аппаратом в моём мозгу. В кухне ощущение острой денежной недостаточности резко усилилось. Шкафчики, оставшиеся от прежних хозяев, стыдливо выпячивали покорябанные бока, светили царапинами на дверцах и прикрученными по системе Д ручками. Когда в очередной раз перед глазами запрыгали мультяшные цифры озвученной Варькой суммы с изогнутым знаком доллара на конце, я не выдержала. Позвонила.

Приятный женский голос в телефоне церемонно спросил моё имя и фамилию, осведомился о наличии детей и собак, обрадовался их отсутствию и пригласил меня на собеседование завтра, то бишь в субботу, в два часа пополудни. Я легкомысленно согласилась. Бабуся мило поблагодарила и добавила, что Лялечка будет счастлива познакомиться со мной.

В назначенный час я с трепетом нажала на кнопку звонка у высокой филенчатой двери одного из самых старых арбатских домов. По квартире проструилась переливчатая трель чопорной мелодии, почти осязаемо оттолкнулась от стены и вернулась ко входу. За ней последовали шаркающие шаги. Я всегда отличалась хорошим воображением, поэтому жутко удивилась виду открывшей мне дверь старушки. Она должна была быть сгорбленной, с артритными крючками пальцев и с седым пучком редких волос. Но передо мной стояла вполне себе стройная для «бабушки» женщина с модной причёской и фигурой бывшей балерины. Как у молодящихся голливудских актрис лет пятидесяти.

Хорошо поставленным глубоким альтом она сказала, оглядев меня с ног до головы:

— Рада видеть подобную пунктуальность! Морозова Светлана Петровна? Прошу вас, проходите.

Квартира оказалась, согласно Варькиному описанию, помесью музея и лавки старьёвщика. Гнутые ножки старинных буфетиков и стульев с бархатными сиденьями выпячивали царапины на лаке совсем как мои шкафчики из ДСП, но гордо, с аристократическим пренебрежением к юным собратьям из двадцатого века. Плюшевые портьеры с кисточками хитро скрывали дверные проёмы и покорябанные филенки. Из многочисленных тусклых зеркал на меня глядело обалдевшее от обилия мелких деталей и всяких старинных прикамбасов лицо девушки с коротко стриженными светлыми волосами и круглыми голубыми глазами. Поначалу я приняла её за портреты хозяйки квартиры в молодости, потом додумала, что это я.

Но где же собачка? По моим представлениям это должна быть одышливая избалованная болонка с заколкой-бантиком на хвостике из заботливо расчёсанной шерсти на макушке. Но, украдкой оглядев клиентку ещё раз, я усомнилась в этой теории. Возможно, левретка, элегантная и изящная, как статуэтка. Или китайская хохлатая в одном из десятка вязаных крючком свитерков. А может, даже элитный йорк с шерстью в два раза длиннее собственного роста, замотанной в папильотки из чистого японского шёлка...

— Сюда, прошу вас!

Старушка, точнее, дама с собачкой, жестом пригласила меня сесть на стул. Я с опаской пригласилась на край плюшевого сиденья и усталилась на хозяйку. Ну чё, момент истины наступил!

— Лялочка — единственное существо, к которому я привязана в этом мире...

Болонка, да.

— Она позволяет мне забыть о моём возрасте, о болях, которые мучают меня...

Или левретка.

— Ляля необыкновенно умная собака. И очень чувствительная!

Французский бульдог, о! Говорят, они дико смывлённые!

— Но мне придётся лечь в больницу. Я не могу взять её с собой, к большому сожалению. И до сих пор не нашлось дог-ситтера, с которым Лялочка бы наладила доверительные отношения...

Или такса... Таксы проныры и капризули.

— Времени у меня совсем немного. Поэтому, прошу вас, умоляю, постарайтесь понравиться Ляле!

Всё-таки йорк. Нет, точно йорк. Стопроцентно!

— Сделаю всё, что в моих силах, — промямлила я, оглушённая возвышенной речью дамы. — Можно с ней познакомиться?

— Разумеется!

Хозяйка повернулась к бархатным шторам и пощмокала губами:

— Лялочка, солнышко, иди сюда, мой свет!

Занавеси шевельнулись, и между ними показалась узкая коричневая морда с кожистым трепетным носом. За мордой последовала голова — изящная, но крепкая, с ушами-лопушками и чёрными глазами газели. Элегантно цокая когтями по паркету, в салон вошёл доберман.

Сказать, что я удивилась, значит, ничего не сказать. Я чуть со стула не упала от неожиданности! Спортивная собака, в прошлом — полицейская порода, в руках утонченной дамы преклонных лет... Мой мир больше никогда не станет прежним!

Ляля между тем остановилась метрах в трёх от меня и замерла, настороженно нюхая воздух. Я ждала, что она подойдёт поближе, потом призывно похлопала ладонью по ляжке — обычно это срабатывало. Но собака осталась недвижима и только смотрела куда-то мимо непонятным, застывшим взглядом. Мне стало не по себе. Ляля даже не шевельнула обрубком хвостика, чтобы показать своё дружелюбие. Кусачая, что ли? Или слепая? Глухая?

Я вопросительно глянула на клиентку. Та горестно вздохнула:

— Уж очень чувствительна. Если связь не установится, она не пойдёт к вам, ничего не получится.

Да что за хрень? Чувствительная доберманша, которую надо уговаривать побыть нормальной собакой?! Никогда такого не видела! Может, у сучки шизофрения?

Захотелось чопорно откланяться. Но полторы тыщи зелёных снова дзынькнули перед внутренним взором. Я тяжело вздохнула. Может, пёска — аутист? Господи, ну и глупости приходят мне в голову... Ладно, попробуем по-другому.

Я осторожно, не спуская глаз с Ляли, соскользнула со стула на пол. Точнее, на весьма потёртый, местами пушистый ковёр с мягким пастельным рисунком. Погладила рукой ворс. Потеребила его пальцами. Кстати, очень приятное ощущение, давно забытое. С самого детства не сидела на ковре. Раньше дома это было моё место: спиной к торцу журнального столика, попой на ковре и — взгляд в телевизор. Мама смеялась: ведь есть же кресла! А мне нравилось...

Проза. Реализм

Дама молчала. Собака не двигалась. Я рисовала пальцем никому не видные арабески по ворсу ковра. Прошло несколько минут прежде, чем я услышала неровное цоканье когтей по полу. Ляля подошла совсем близко, беззвучно легла рядом, вытянув морду к моей руке, почти касаясь носом пальцев, и застыла, следя глазами за ребусом узора. Ещё десяток секунд — и я услышала облегчённый выдох клиентки:

— Я поражена! У вас получилось!

— Получилось? — прошептала я, поднимая голову. Что, это и был тест? Да ну, ерунда какая-то!

— Бесповоротно! Вы приняты на работу!

Чуть позже мы сидели на неудобном диванчике, обитом фиолетовой тканью с розовыми цветами, и разговаривали за чашкой зелёного чая.

— Лялечку привёз мой сын. Он у меня был военный, это по линии отца, знаете ли. Мой покойный супруг был также потомственным военным... А Димочка выбрал отряд специального назначения. Ему нравилось это — быть особенным, лучшим, всегда на линии огня, всегда лицом к опасности... Ну вот. Ему подарили щеночка на день рождения, боевые товарищи постарались. А через месяц... Его не стало.

Мне было неловко слушать откровения незнакомой женщины, тем более, такие скорбные. Никогда не любила горя и всех его проявлений, потому что не знала, что сказать и как вести себя. Кашлянула в чашку дорогого фарфора. Но хозяйка квартиры в ответах не особо нуждалась. Похоже, ей просто было необходимо выговориться.

— Лялечка осталась со мной... Как последнее напоминание о моём мальчике. Он говорил, что ей необходимо обрезать ушки, то есть, кури... Нет, рупи... Забыла, как называется...

— Купировать, — автоматически подсказала я, бросив взгляд на красивые, висящие бархатными треугольниками уши собаки. Ляля лежала на ковре, в том самом месте, где сидела я полчаса назад, не обращая на нас никакого внимания, но я готова была поклясться, что она ловила каждое слово хозяйки.

— Да, совершенно верно! — обрадовалась дама. — Какое специфическое слово! А я решила: пусть останется, как есть, мне кажется, ей очень идёт!

Я кивнула, тоже на полном автомате. Никогда не встречала доберманов с купированным хвостом и натуральными ушами. Непривычно. Но без разницы. Полторы тыщи баксов — и я скажу всё, что будет угодно клиентке!

— Я сразу поняла, что Лялечка особенная. Она признавала только меня, не шла больше ни к ко-

му. Не бегала, не грызла обувь, не портила мебель... Она никогда не любила играть с игрушками, а если я пыталась увлечь её мячиком или косточкой, забивалась в угол и тихо скулила или с ожесточением кусала задние лапы...

Чёрт, точно собака-аутист! У меня в подъезде живёт мальчишка с таким диагнозом, его мать рассказывала, что он ведёт себя точь-в-точь, как эта доберманша. Вот же попадалово! Похоже, этот месяц станет самым трудным в моей жизни!

Потом мы уладили последние формальности: клиентка вписала мои паспортные данные в договор об оказании услуг пет-ситтинга, я подмахнула его, внимательно прочитав пункт об оплате (наличными, в последний день работы), и мы договорились о встрече в понедельник в полдень. На том же месте в тот же час...

Оказавшись дома, я включила компьютер и залезла в интернет. Гугл долго хихикал над моими поисковыми запросами, отказываясь выдавать хоть какую-то информацию о животных-аутистах. Потом сжалился и показал парочку сайтов, где любители рассуждали о возможности этой болезни у кошек. От чтения постов на эту тему я очень скоро притомилась и решила положить на столь любимый нами, русскими, авось. И зависла на шкафчиках для кухни...

В полдень понедельника я снова позвонила в старую филенчатую дверь и была впущена уже одетой в пальто хозяйкой. Она торопливо прошаркала по квартире, показав мне удобства и приготовленную постель. Холодильник был заполнен продуктами первой необходимости, шкафчики тоже, стандартный набор еды без особых изысков. На кухне имелась кофеварка и микроволновка, а большего мне и не требовалось. Дама с собачкой протянула мне пухлый пакет документов и пояснила:

— Здесь родословная, паспорт Лялечки и ветеринарная книжка — на всякий случай.

Правильно, это необходимо иметь при себе. Или хотя бы знать, где лежит.

— А также подробная инструкция, как вести себя с собачкой в той или иной ситуации. Я написала про всё, что смогла предположить. Если что-то запомнила — возраст, знаете ли... — вам придётся импровизировать, Светлана Петровна! Но я уверена, что вы превосходно справитесь со всеми возможными трудностями!

Вдохнув, я кивнула. Импровизация — это моё второе имя. Ничего, прорвёмся! Всего месяца.

Потом хозяйка уехала на белом «Мерседесе» с шашечками, а я осталась одна в квартире-музее

девятнадцатого века с асоциальной собакой сорока кило весом.

Наше сожительство задалось с первого момента. В принципе, я примерно представляла, чего ожидать от Ляли, но пробежалась глазами по школьной тетрадке, купленной, вероятно, ещё при Советском Союзе до моего рождения, исписанной крупным округлым почерком с завитушками. Прогулки по дворам вдали от машин, детей и других собак. Обязательное вытирание лап специальной тряпочкой. Сухой корм одной и той же марки три раза в день, политый сверху жидкими витаминами, всё строго отмеренное на весах. Не играть. Не шуметь. Не пытаться погладить. Не смотреть в глаза. При первых признаках наступающего криза отвлечь лёгким шелестом пластикового пакета или любым повторяющимся движением пальцев. Ну да, как я тогда по ковру... Вот интересно, зачем хозяйка устраивала проверку, если могла просто-напросто всё рассказать заранее?

Примерно две недели мы жили с Лялей душа в душу. На прогулках я вертела головой, что та сова, на триста шестьдесят градусов, чтобы первой увидеть приближающуюся зверюшку или ребёнка. На машины наплевала, и Лялька, кстати, тоже. Однажды мы встретили кошку. Та шла по двору, подняв хвост трубой, и не обращала на нас ни малейшего внимания. С собакой же случился настоящий ступор. Ляля встала как вкопанная, с ужасом глядя на кошку, и дышала с таким трудом, что я запаниковала. Никакими усилиями не сдвинуть с места! Шуршание пакета не помогало. Движения пальцами в двадцати сантиметрах от собачьего носа — тоже. В отчаянии я бросила поводок и сказала тихо, но отчётливо: «Ты как хочешь, Ляля, а я иду домой кушать!» И отвернулась от собаки, медленно двинувшись к подъезду. Сердце стучало как ненормальное целых долгих шестьдесят секунд, пока я не услышала неуверенные шаги и скрип когтей по асфальту.

Я выиграла битву, но не войну. Поэтому постаралась оградить Ляльку от подобных встреч. Как мне это удавалось — не знаю, честно. Но факт. Вечерами я садилась с пледом на диван смотреть какой-нибудь сериал. Ляля приходила минут через десять, долго неподвижно сидела перед пустой половинкой дивана, потом неслышно вспрыгивала на него — я только чувствовала, как прогибаются пружины под её телом, — и ложилась в уголке. Неподальку, но не касаясь меня. Иногда мы даже засыпали так до утра.

В общем, всё оказалось не так страшно, как мне думалось вначале. До одного прекрасного солнечного дня.

Примерно в полдень — роковой час для этой квартиры — я услышала скрежет ключа в замке. Хозяйка вернулась? А чего так рано? Быстренько подсчитав, что за две недели мне положены семьсот пятьдесят баксов вместо полутора тысяч, я опечалилась, представив кухонные шкафчики гаммой ниже желанных, и вышла в коридор встречать отдохнувшую старушку.

Но в квартиру вошли двое мужчин. Один помоложе и попронырливей, второй постарше и поимпозантней. Костюмы, галстуки, до блеска начищенные узкие ботинки, у младшего — кейс, у старшего — сигарета в мундштуке. Что за... Кто они? Почему хозяйка не предупредила о возможных визитёрах?

Не зная, что сказать, я молча таращилась на них. А они на меня. Словно не ожидали увидеть кого-то в квартире. Потом старший опомнился и спросил грубо:

— А ты ещё кто?

Тыкает он мне, гляньте!

— Пет-ситтер, — вежливо ответила я, подавив желание ответить в рифму.

— Чего?

— За собакой присматриваю, — буркнула я. — Хозяйка меня не предупредила о том, что кто-то придёт...

— Неважно! — элегантно отмахнулся старший.

— Вон из квартиры!

— Что, простите?

Я подумала, что услышалась. Он меня выгоняет? По какому праву?

— У меня договор с хозяйкой квартиры! Мне ещё две недели с собакой быть! По какому праву... И вообще, откуда у вас ключи? Вы кто?

— Шура! — старший щёлкнул пальцами, и младший неприятно улыбнулся, растянув полные губы:

— Борис Викторович, наследник Татьяны Андреевны. А ваш контракт завершён в связи со смертью заказчицы! Прошу удостовериться — вот копия свидетельства о смерти, — он ловко, одной рукой вынул из кейса бумагу с печатями.

Я растерянно взяла её, пробежалась глазами по прыгающим строчкам. Всё верно. Татьяна Андреевна Загородская, моя дама с собачкой, скончалась в результате неизлечимой болезни в частном хосписе, название которого мне ни о чём не говорило. Так... Поехала бабуля в санаторий...

Проза. Реализм

Подлечилась... А мне что теперь делать?

— Прочла? — высокомерно осведомился старший.

— Давай, освобождай помещение! Некогда мне!

— А кто мне заплатит? — задала я глупый вопрос.

— Спрашивай у заказчицы! — хмыкнул наследник. Адвокат подхихикнул. Ну прямо Шерхан и Табаки! Вот наглость! Нет, так не пойдёт!

— Раз вы наследник, вы и платите! У меня и договор есть! — я бросилась в комнату, трясущими руками вытащила из сумки подписанный с хозяйкой контракт и, вернувшись, протянула его наследнику. Тот только пожал плечами, будто ничто мирское его не касалось. Адвокат быстро выхватил договор из моей руки и широкими эффектными движениями порвал его на несколько кусков. Я совсем обалдела от такой наглости и только рот раскрыла, не в силах выговорить ни слова. А наследник брезгливо потряс пальцами:

— Давай, выметайся уже! Или полицию звать?

Внутри у меня что-то оборвалось. Наверное, моя новенькая кухня упала в глубокое ущелье. Договор уничтожен, старушка померла, никто ничего не докажет... Осталось только собрать вещички и свалить домой, напиться и забыться. Но с достоинством!

Развернувшись, я увидела Лялю. Она стояла, не двигаясь, не мигая, в упор глядя на пришельцев. Блин, а что станет с собакой? Что они с ней сделают? Этот Борис Грозный не очень-то похож на любителя животных! Продаст, небось, или вообще на улицу выбросит... Бедная Лялька! Она просто умрёт, от паники и криза... Единственное существо, которое любила больная старушка. Память о сыне...

Не совсем соображая, что делаю, я собрала свои немногочисленные вещи, упаковала в сумку, запихнув на дно документы собаки, и вышла в коридор. С каменным спокойствием — сама себе поражалась потом — пристегнула к ошейнику Ляли поводок и двинулась мимо наследника и адвоката на выход. Борис Грозный преградил мне дорогу:

— Куда с собакой? Она не твоя!

— Она больная! Вам придётся или лечить её, или усыплять! И то и другое дорого стоит! — в упор уставилась ему в глаза. Внутри всё тряслось, но я постаралась не подавать виду.

Долгую-предолгую минуту мы играли в гляделки, кто кого переглядит. Первым не выдержал адвокат:

— Борис Викторович, пусть забирает. Хлопот с шавкой...

Наследник величественно махнул рукой, освобождая дорогу, и я беспрепятственно вывела Ляльку из квартиры. Звук захлопнувшейся двери прозвучал, как выстрел. Ноги ослабели, и я прислонилась к стене, чтобы не упасть. Что я надела? Я тройная идиотка! Что я буду делать с собакой-аутистом?

Холодный шершавый нос на мгновение коснулся моей руки. Я вздрогнула, не веря собственным ощущениям. Ляля не смотрела на меня, упорно глядя в угол лестничной клетки, но я могла поклясться, что весь её вид говорил: «Прорвёмся!»

Прорвёмся, Лялька. Как-нибудь... Не знаю, как именно, но прорвёмся.

Мы добрались до моей квартирки с большим трудом. Пришлось брать такси, долго убеждать узбека-водителя, что собака не кусается, долго убеждать собаку, что этот дядька совсем не опасен, что в салон можно вскарабкаться и без моей помощи, что всё будет хорошо, даже колыбельную из детства спеть дрожащим голосом. В конце концов, Ляля согласилась на мои условия. Будь у неё потовые железы, я бы сказала, что в такси она вошла взмокшей от паники. Но вошла. Ещё одна битва...

Дома мне пришлось целый час ползать перед ней, забившейся в угол, на коленях и шуршать пакетиком, рисовать невидимые узоры на линолеуме, шёпотом петь, отводя глаза. Лялька была в ужасе. Всё привычное ей исчезло, могу представить, как она страдала в этот момент. Потом до меня дошло. Я вытащила из сумки второпях украденный у хозяйки плед, тот самый, что грел меня вечерами перед телевизором, и постелила в угол моего дивана. Ушла на кухню выпить бокал вина и успокоиться. А когда вернулась в комнату, нашла Лялю лежащей на пледе.

Так началась для нас обеих новая жизнь. Не такая радужная, как у волшебных пони, но вполне сносная. Новой она оказалась не только в плане совместного проживания одинокой девушки и собаки-инвалида, но и в плане сюрприза, который я огребла от покойной Татьяны Андреевны. Через несколько дней после того, как меня выставил наследник, я получила по почте письмо, подписанное аккуратным круглым почерком. Прочитав своё имя и адрес на конверте, я ощутила мурашки на коже: они были написаны рукой женщины, которая вот уже неделю как была мертва... Внутри оказалось письмо и ещё один договор. Старушка явно не могла пожаловаться на отсутствие чувства юмора. В письме она очень сильно извиня-

лась за доставленные её смертью неудобства и надеялась, что я не держу зла. А также предлагала мне приобрести в законное владение собаку породы доберман по кличке Олялия Биг Вуд Монтс, иначе Ляля, за скромную сумму в... тысячу пятьсот долларов США. Договор купли-продажи был составлен по всем правилам, даже заверен у нотариуса, не хватало лишь моей подписи. Осуществилась детская мечта: я купила собаку! Посмеявшись над шуткой бойкой старушки, я подмахнула бумагу, вложила её в папку с ветпаспортом и родословной Ляльки и там забыла. У меня была другая головная боль. Отпуск заканчивался, а это означало, что мне придётся выйти на работу и оставлять мою собакевну одну на целый день. Следовало научить её оставаться в пустой квартире и не шалить.

От этих тренировок мы с Лялей издёргались обе. Когда я выходила за почтой, она безостановочно бегала кругами по квартире — так показала бесстрастная вебкамера, включенная для проверки. Полагаю, если я отлучусь на восемь часов, Ляля протопчет в линолеуме дорожку, как хороший цирковой конь. Когда я возвращалась, собака не выходила меня встречать. Просто ложилась на свой плед на диване и негромко, но надрывно вздыхала. Она не лаяла. По-моему, просто не умела, как и выть. Она тихо поскуливала, словно сама себе жаловалась, или вот так вздыхала. Мне сразу становилось стыдно перед ней. Не виновата Лялька в своей болезни. Никто не виноват. Но таскать её с собой в офис на работу я не могла. Приходилось потихоньку приучать.

Во время одного из таких занятий я стояла с чашкой чая на лестничной клетке подъезда и смотрела на мелкий весенний дождик за мутным, давно не мытым окном. Мобильник затрещал в кармане. Небось, опять Варька со своими охами и советами писать заявление в полицию. Об этом говорить не хотелось, и я достала телефон, намереваясь сбросить звонок, но остановилась с занесённым пальцем. Номер был незнакомый.

— Слушаю, — ответила я.

— Морозова Светлана Петровна? — осведомился приятный мужской голос.

— Это я.

— Завтра в четырнадцать ноль ноль вам будет удобно подъехать в нотариальную контору на улице Тверской?

— А... Зачем?

— Дело касается собаки по кличке Олялия Биг Вуд Монтс. Она находится у вас?

— Да. Но наследник мне разрешил... И потом... Хозяйка... Договор...

Я задыхалась от волнения, не успевая заканчивать фразы. Неужели Борис Грозный решил отобрать Ляльку? Нафига она ему?! Что за детские игрушки? А потом вдруг успокоилась. Ведь я купила Ляльку! И, если не ошибаюсь, а ошибаюсь я редко, заверивший договор нотариус был как раз с Тверской!

— Светлана Петровна, прошу вас не опаздывать и захватить с собой документы на собаку! — мягко перебил меня собеседник. — Ваше присутствие обязательно.

— Хорошо, я приду.

Голос продиктовал мне адрес и номер кабинета, я ещё раз уверила его в завтрашнем присутствии и отключила связь. Меня снова начало лихорадить. Этот жук Борис, по-видимому, достаточно богат и влиятелен, чтобы правдами и неправдами отобрать у меня собаку! Но на этот раз без боя я не сдамся!

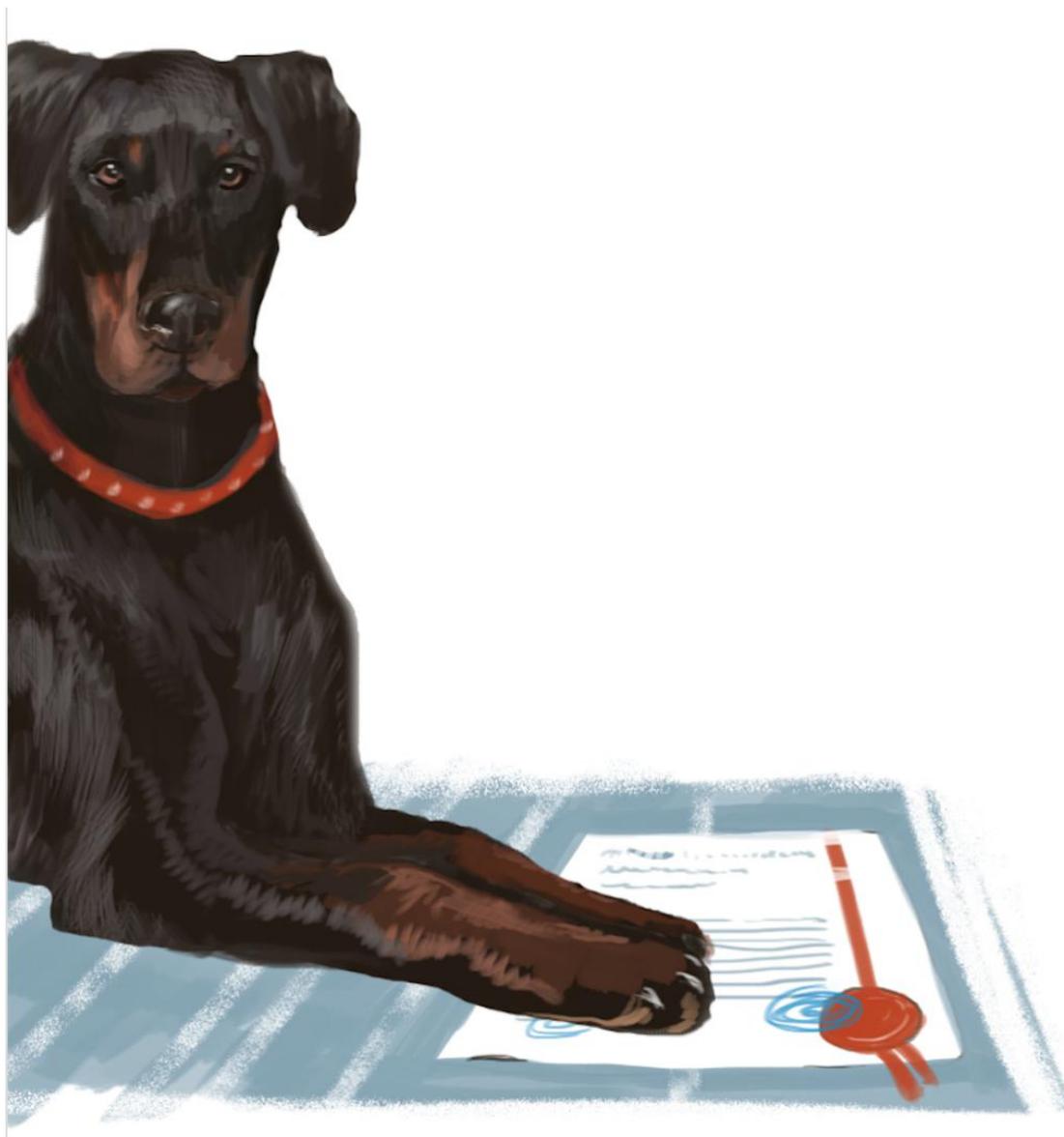
На всякий пожарный я связалась по Скайпу с бывшим молодым человеком под номером два, который закончил юрфак и теперь работал младшим клерком по приготовлению кофе в какой-то престижной адвокатской конторе. Женя прочитал отсканированный договор, посланный ему по майлу, и успокоил меня. Всё было законно, главное — никому не отдавать собаку добровольно. С таким настроением я и отправилась на следующий день к нотариусу на Тверскую.

В кабинете меня принял невразумительный мужчина без возраста — ему можно было дать и тридцать лет и пятьдесят. Говорил он тихо, на Ляльку, сидевшую каменной статуей у моей ноги, не смотрел, практически глаз не поднимал от бумаг. Но рассказать суть дела не успел. В кабинете появился Борис Великолепный собственной персоной со своим пронырой Табаки, то есть адвокатом. Увидев меня, наследник скривился, словно проглотил пол-лимона:

— Эта что тут делает, да ещё с шавкой?

— По желанию моей клиентки при вскрытии завещания должны присутствовать все указанные ею лица, — ровным голосом пробубнил нотариус. — Присаживайтесь, приступим.

Он принялся распаковывать взятый из сейфа большой конверт с печатями, попутно объясняя свои действия, но я его не слушала. Завещание? При чём тут я? Может быть, старушка извратилась и оставила какую-то денежку Ляльке на содержание? Было бы весьма и весьма неплохо... Ветери-

Художник Лев Елена

нар стоит дороговато, а мне не помешало бы показать собакевну специалисту по поведению или какому канипсихологу, чтобы знать, как быть дальше. Ляле всего три года, доберманы живут до десяти и больше...

Нотариус между тем зачитывал список завещаемого. Я слушала с нарастающим изумлением. Оказывается, бабуля была чуть ли не миллионершей! Единственная дочь каких-то удачливых партийных работников, помимо банковских счетов в рублях и валюте, она владела не только антикварной квартирой на Арбате, но и двумя трёшками в новостройках, сданными в аренду, и большим домом с участком в ближнем Подмоскowie. Кроме того, у бабули были пакеты акций, которые регулярно дорожали на бирже, и часть в совладении того самого хосписа, где она отдала богу душу! Фигасе старушка-веселушка!

Ну, мне лично всё это было по барабану, я ждала, когда мне скажут сумму, оставленную для Ляльки.

В конце всего перечня нотариус слегка тормознул, обвёл взглядом присутствующих и закончил:

— ... переходит в единоличное и бессрочное владение физического или юридического лица, которое на момент вскрытия завещания будет являться владельцем собаки по кличке Олялия Биг Вуд Монтс с номером чипа шесть-четыре-три... — и он назвал длинную цепочку цифр.

Борис Грозный вскочил:

— Как? Да вы что, сдурели?! Это я наследую всё! У бабки нет других родственников!

— Наследник указан в завещании, — всё тем же ровным голосом безо всяких эмоций ответил нотариус. — Можете вы подтвердить документами, что указанная собака находится в вашей собственности?

— Шура! — зыркнул Борис Великолепный на своего Табаки, но тот только руками развёл. Нотариус выжидательно глянул на меня. Спыхватившись, что у меня как раз есть документы, я достала конверт и положила его перед хозяином кабинета. Адвокат-проныра сделал было движение в сторону бумаг, но нотариус чуть повысил голос:

— Копии будут вам предоставлены позже.

Он развернул документы, внимательно пролистал их, убедился, что договор подписан мною, и сложил в стопочку:

— Светлана Петровна, если позволите, я немедленно сделаю для вас копии всех бумаг, а оригиналы положу в сейф на всякий случай. Вступление в наследство уже заранее оплачено завещательницей. Если мы всё оформим сегодня, вы получите право собственности через шесть месяцев от даты смерти завещательницы при условии, что упомянутая собака всё ещё будет находиться у вас...

— Это беспредел! Фальсификация! — выкрикнул Борис Великолепный, стукнув кулаком по столу. — Я подам на вас в суд!

— Ваше право оспорить завещание, — ответил нотариус, складывая бумаги в аккуратную стопочку. — Вы можете осуществить его в отделе районного суда по месту жительства. Я вас больше не задерживаю, спасибо, что смогли присутствовать.

Я сидела в полной прострации. Это что же, я действительно унаследовала все эти деньги, квартиры и акции только потому, что не бросила Лялю на произвол судьбы? Воистину, добрые дела наказуемы... Теперь Борис Грозный мне жизни не даст, это к гадалке не ходи! Ещё и пристукнет где в тёмном углу, чтобы самому всё захватить! Что же мне теперь — телохранителя нанимать?

Мокрый нос снова на миг коснулся моей руки, и я машинально почесала Ляльку за ухом, глядя, как злой Шерхан и подхалимский Табаки покидают кабинет. Потом отёрнула руку, осторожно скосив глаза на собаку. Она сидела всё так же, статуэткой, но в этот раз не дрожала от паники.

Прорвёмся, Лялька! Обязательно прорвёмся! Подлечим тебя, уладим все дела и поселимся в доме за МКАДом, чтобы ты смогла насладиться тишиной и покоем. Именно этого хотела дама с собачкой. Именно так всё и произойдёт. Мечты, они такие! Мечты — они сбываются!

Гринь Ульяна

writercenter.ru/profile/Jujuka/whois/

Художник Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Солнечный зайчик, брысь!

Mike The

Никакого будильника, никаких телефонных звонков... Впервые за много лет Александр Сёмчин проснулся просто от того, что выспался. Ощущение было до того непривычным, что само по себе казалось чем-то запретным. Внутренний хронометр по обыкновению продолжал торопливо отсчитывать минуты, но теперь можно было про него забыть. Навсегда.

Опасаясь спугнуть волшебные чувства, Александр словно ребенок зарылся с головой в одеяло, сочно зевнул и минут десять пролежал, осторожно прислушиваясь то ли к себе, то ли к мелодии нового мира.

Разумеется, вы можете возразить, что со вчерашнего вечера никаких разительных перемен в природе не произошло, да и не могло произойти... Но это только на первый взгляд. Достаточно посмотреть на происходящее глазами Сёмчина, глазами тридцатипятилетнего работяги, к чертям собачим уволившегося вчера со своего завода, и многое встанет на свои места.

С самого детства Сашку грела мечта накопить приличную сумму и беззаботно жить на проценты. Он сам иногда шутил, что начал экономить уже с пелёнок, но достичь заветной цели оказалось сложнее, чем ожидалось. Инфляция хватала за пятки, бесконечные кризисы вгрызались в сбережения по самые уши, но... От звонка до звонка, спотыкаясь о выходные и праздники, он терпеливо шёл вперёд в надежде, что когда-нибудь сможет назвать себя по-настоящему свободным. Теперь же его мечта осуществилась, и солнечное майское утро открывало новую долгожданную эру неизведанной вольницы.

— Понеслася! — рассмеялся Сёмчин, рывком вставая с кровати.

Кофе, завтрак, туалет... Орудя зубной щёткой, он подошёл к окну и вот так, пополам с мятной пастой, втянул полной грудью прохладный заспанный воздух. Сегодня, как и всегда, утро вошло горячей помойкой, но это его не смутило. В такой день даже смрад казался каким-то особенным.

Подмигнув суетящимся воробьям, Александр окинул взглядом пустующий двор и, радуясь одиночеству, приступил к составлению планов на ближайшее время. «Начинать новую жизнь надо с чего-то приятного», — стучалась в голове старинная мудрость, и недолго думая, он пихнул потрепанную магнитолу. «Но мы пройдем опасный путь...», — грянули динамики, и обалдевшая птичья стайка предпочла заткнуться.

«Теперь, когда с приятным покончено, самое время задуматься о чём-нибудь более глобальном», — размышлял Сёмчин, собирая разбросанную по углам одежду. Штаны, футболка, две пары носков — всё это уже давно требовало стирки, но затевать её с утра... У Александра попросту не было другой одежды, а проторчать целый день в четырёх стенах в его планы не входило.

К счастью, выход нашёлся довольно быстро. «Если нельзя привести в порядок себя, то всегда можно облагородить место своего обитания», — смекнул Сёмчин, придирчиво проводя пальцем по заплёванному подоконнику. Идея повернуть генеральную уборку показалась привлекательнее постирушек, и, натянув измятые джинсы, он принялся за дело.

Никогда ещё обычная уборка не доставляла такого удовольствия. Воспринимаемая как обременительная повинность, она всегда оставалась чем-то сродни наказанию. Но сейчас, подгоняемый пьянящей свободой, Сашка с упоением ползал по мокрому полу, соскабливая гуталиновые полосы от ботинок и оттирая прошлогодние пятна.

Более двух часов Александр провел на четвереньках, старательно выгребая жгуты свалывшейся пыли. Ещё час возился с заклинившим пылесосом и только во второй половине дня добрался до кухни с её горами грязной посуды.

Каждый вечер, без сил утыкаясь в подушку, Сёмчин воспринимал квартиру исключительно как место, где можно поспать. Теперь же под слоями грязи он открывал для себя нечто большее, чем просто ночлежку.

Обессиленный, но довольный, утирая пот тряпкой, он плюхнулся на старенькую табуретку и только сейчас осознал, что жутко проголодался. За долгие годы организм привык к заводским обедам по расписанию и сейчас буквально вопил о пощаде, требуя хоть кусочек съестного.

«А у ребят, наверно, котлетки», — подумал Александр, изучая содержимое холодильника. Сморщившаяся свёкла, пара яиц да кастрюля заплесневелых макарон — это всё, чем мог порадовать старенький рефрижератор. В ворохе пакетов под раковиной нашёлся огрызок батона и несколько луковиц... С голоду не умрёшь, но от похода в магазин было не отвертеться.

— Сашок, ты чего это в такой час? — удивилась скучающая продавщица. — Приболел, что ли? Или отгул взял?

— Зачем, тётъ Зой? — расплылся в счастливой улыбке Сёмчин. — Я просто вчера уволился. Представляете?!

— Ой! Да за что ж это тебя? — всплеснула руками женщина. — И вроде не пил никогда и у Федьки начальника на хорошем счету. Наверно, Банин, скотина, за тот случай наябедничал, да?

— Да не-е-е. Я сам, по собственному. Надоело всё, вот и решил...

— И как же ты теперь будешь? Или какое местечко себе подыскал? Только у нас ведь на целый город один завод и остался. Неужто в Москву?

— Да какая Москва, — отмахнулся мужчина. — Достало всё. Устал я от суеты. Поживу немного в своё удовольствие, отдышусь... Дай-ка мне пивка, вон того, бутылочку, пару батончиков и сосисок каких-нибудь. Только не слишком дорогих.

— Ну да, куда теперь дорогие-то... — пробормотала Зоя и на пару минут скрылась в подсобке. — Вот! Самые дешёвые. Как раз по твоей зарплате, — отрапортовала она, выкладывая на прилавок пачку с разноцветными китайскими иероглифами. — Дешевле не найдёшь. Кушай на здоровье.

Из магазина Александр вышел погрузившимся. Рассовывая по карманам сдачу, он никак не мог определить, что же его так задело, но виной тому были даже не сосиски. Когда за спиной добрая половина жизни, не всякому будет приятно выслушивать чужие сетования в свой адрес. А на удивление острый язычок продавщицы задел Сёмчина за живое. Ему внезапно захотелось с криком «да есть у меня деньги!» ворваться обратно и, не скупясь на оскорбления, купить чего-нибудь самого-самого... Но он сдержался.

«В конце концов это даже хорошо, что меня считают таким бедненьким, — рассуждал Александр, вышагивая по залитому солнцем асфальту. — Взаимы просить не будут, грабить не полезут, а

Проза. Реализм

то, что ерунду всякую думают, так это у каждого человека в крови. Людям всегда нравилось потрепаться о чужом горе. Даже если этого горя и в помине нет».

Глоток за глотком пиво приятным покалыванием ложилось на пустой желудок, и настроение стремительно пошло вверх. Как по мановению волшебной палочки мир всего за несколько минут снова стал мягким, тёплым, без заморочек и предрассудков.

Наслаждаясь новой волной умиротворения, Сёмчин присел на скамейку возле детской площадки. Возвращаться к грязным тарелкам уже не хотелось и, постелив пакетик вместо скатёрки, он решил отобедать прямо на улице. Слепив нечто напоминающее хот-дог, Александр уже было собирался приступить к трапезе, когда бесцеремонный хлопок по плечу вмешался в его планы.

— Привет, Сашок, — хохотнул незаметно подкравшийся Димка и, перемахнув через спинку, уселся рядом. — Зойка говорит, ты теперь один из наших?

Четыре года назад Дмитрия Ложкина с пневмонией комиссовали. Матушка до последнего бегала по инстанциям, но всё-таки выхлопотала сыну инвалидность. С тех пор парнишка перебивался случайными заработками, а в основном беспробудно пьянствовал на материну зарплату да мизерную пенсию.

— А ты больше её слушай, — поморщился Сёмчин, демонстративно допивая пиво. — Говори, чего хотел.

— Да брось. Наша хохлушка зря болтать не будет. За что попёрли-то?

Вместо ответа Александр покачал головой и принял за бутерброд.

— Не хочешь — не отвечай. Дело твоё. Но смотри... — Ложкин выдержал многозначительную паузу. — Вот ты здесь сидишь... И мы с ребятами здесь сидим. Каждый вечер на этом месте. Усёк? Захочешь присоединиться — проставляешься. Иначе никак. Тут наша точка. Мы её держим. Мы!

— А я думал, дети, — сквозь хлеб усмехнулся Сёмчин. — Или вы теперь детишек крышуете?

— Короче, ты понял, да? — от бывшего Димкиного благодущия не осталось и следа. — И если чего не так... не обессудь. Не мы такие... Ну, ты в курсе. А лучше деньгами, и сразу мне сдай.

Выразительный кукиш был красноречивее любого ответа.

— Ну как хочешь, — пожал плечами Ложкин и, воровато оглядевшись, поднялся с места. — Это я

тебе как другу... Потом не говори, что не предупреждал. Бывай, лоботряс.

С этими словами он зашагал прочь, оставив Александра дожевывать обед в одиночестве. Неказистая сутулая фигура, сыкающая слюной себе под ноги, ещё долго маячила в конце улицы... Сёмчину теперь было о чём поразмыслить.

*

Единственный строительный рынок располагался на окраине, в отдалении от жилых кварталов. На автобусе целый час, по прямой — не меньше десяти километров. Не найдись в подвале старый отцовский велик, Сёмчин бы вообще никогда туда не заглянул. А так, катаясь по окрестностям...

Дрели, пилы, молотки — руки сами собой потянулись к инструментам, а в соседнем вагончике нашлась вся необходимая литература. Видимо, не наигравшись в детстве, Александр мгновенно загорелся идеей чего-нибудь смастерить, и уже через месяц у него на кухне стояли две коренастые табуретки, а в прихожей — небольшая тумбочка.

Самопальная мебель, конечно, не могла соперничать с заводскими изысками, а некоторые огрехи буквально бросались в глаза, но Александра это не волновало. Главное, что в каждом творении присутствовала частичка его души, частичка радости от занятия любимым делом.

Раз в неделю с завидной регулярностью он отправлялся за новой порцией деревяшек и, едва вернувшись, сразу же приступал строгать очередной шедевр. «А вот и наш Папа Карло. Никак за новой Буратиной поехал», — перешёптывались дворовые бабки, провожая взглядами загорелую спину. Постепенно интерес нарастал, любопытствующих глаз становилось всё больше, и однажды в квартиру Сёмчина постучали.

— Здравствуйте, Вероника Семёновна, — удивился Александр, открывая дверь. — Какими судьбами?

— Да вот как-то так, — переминалась с ноги на ногу старушка. — Вот, проходила мимо и решила заглянуть... посмотреть, как ты живёшь.

Просто так проходить мимо последнего этажа пятиэтажки бабулька не могла. Сёмчин отлично это понимал, но вида не подал. Со дня увольнения в его доме не побывало ни одного настоящего гостя, и он ощутил острое желание хоть с кем-нибудь поделиться своими успехами.

— Тогда, может быть, чаю? — улыбнулся он, жестом приглашая Веронику Семёновну зайти.

— Ой, да я же на минуточку, — забеспокоилась бабушка, но порог переступила довольно решительно. — А то вот эти старые перечницы совсем своими сплетнями заморочили. Говорят, ты здесь вот искусственные эти выстругиваешь. Для девок наших. Да на чёрный рынок отвозишь. На велосипеде на своём. И всё по ночам, когда...

— Баб Вер, вы вообще о чём? — остановил её Сёмчин. — Чего по ночам? Чего выстругиваю?

— Ну, эти, как их... Пиписьки деревянные, прости господи.

— Какие пиписьки?

— Деревянные. А что, нет что ли?

— Да вы чё? — расхохотался Александр. — Со всем уже? На солнцепёке перегрелись? Я ж просто мебель делаю. Вот, — он ткнул пальцем себе под ноги, — скамеечка. Дубовая. По всем правилам. Век стоять будет. А там, — махнул рукой в дальний угол, — вешалка. Кстати, только закончил, ещё немного лаком пованивает.

— Ох, Сашка, не ври мне. Такую красоту, да своими руками?

— Так я ж это всё не сразу... Только со временем приноворился, — засмутился Александр.

— А нам в скверик таких же не состругаешь? — неожиданно оживилась бабка. — А то ведь старикам и посидеть с комфортом не на чем. Одни вот муниципальные деревяшки понатыканы. День сиднем — вся задница до синяков затекает.

К подобному вопросу Сёмчин оказался не готов и, видя его замешательство, Вероника Семёновна продолжила:

— А мы уж тут как тут, мы тебя не обидим. Пузырёк пятилитровый как раз для таких случаев завсегда припасён.

— Да я же не пью, — почесал затылок мужчина. — Давайте я лучше за так всё устрою, а вы только материалы оплатите.

— Ну, ежели за так... — многозначительно ухмыльнулась старушка. — И почём будут твои материалы?

— Если по всем правилам... Добротню, но без изысков... Не больше десяти тысяч, — подытожил Сёмчин и, ничего не подозревая, уточнил: — Но это за каждую.

В воздухе повисло неловкое молчание. Суетящиеся, немного озорные глаза бабы Веры замерли, сосредоточившись на переносице Александра, и тот буквально ощутил, как тяжелеет её взгляд. Чувствуя надвигающуюся беду, он невольно по-

дался назад и хотел было отшутиться, но Вероника Семёновна его опередила.

— Ты вот это вот чего говоришь-то такое?! — хрипло задёргалось морщинистое горло. — Родных соседей, что ли, обобрать удумал?! Такие деньжищи... Совсем за дурочку меня держишь? Это ж дороже покупного встанет. Совести у тебя нет. Липку со своих буржуев драть будешь. Почти всю пенсию на деревяшку... Да если б было за что, а то говно такое! — потыкав скамейку, она криво усмехнулась и продолжила: — Сам-то, погляжу, отъелся. Видать, неспроста. Видать, и вправду изпод полы приторговываешь, а? Совести у тебя нет, спекулянт!

— Да не торгую я ничем, — растерянно пробормотал Сёмчин. — Я ж только...

— А жрёшь-то на что? — продолжала напирать старуха. — Уж который месяц без работы торчишь, а вроде не голодаешь. А? Или думал, что мы тут ничего не знаем?

— Да я на свои сбережения живу. На проценты. Понимаете, скопил денег, открыл счёт в банке, мне проценты капаят, вот на них и...

— Это там, что ли, где мой Витька кредиты брал?

— Ну да, — облегчённо вздохнул Александр, радуясь, что бабулька немного в теме.

— Так значит вот оно что! — пуще прежнего оскалилась Вероника Семёновна. — А я-то всё думаю... Ну, ты, братец, и жу-у-ук. Мой Витька уже второй год с кредитом расплатиться не может — всю зарплату туда отдаёт, а ты здесь, значит, жируешь да отсыпаешься... Теперь-то понятно, куда наши денежки уходят. Пригрелся, значит, на чужой беде? Каков зверёныш! Знать тебя не хочу, капиталист проклятый!

С этими словами она развернулась и, неловко хлопнув дверью, заковыляла вниз по лестнице. Обалдевший Сёмчин, выслушавший последнюю тираду затаив дыхание, отрешённо прислонился к стене. Его слегка мутило и, скрипя мокрой футболкой по обоям, он медленно сполз на пол. «Каков зверёныш!» — беззубый, брызжащий слюною рот ещё долго стоял у него перед глазами.

*

Похоже, людскую свободу ограничивает только отсутствие жандармов: участковый пришёл уже на следующий день. Сдержанно представившись, он минут десять мучил Сёмчина расспросами о нетрудовых доходах и, порекомендовав завязывать с

Проза. Реализм

тунеядством, нехотя откланялся. «Будьте осторожнее, а то закончите, как Обломов», — обронил он уже в дверях, и эта последняя фраза зацепила Александра сильнее, чем вся предшествующая ей лекция.

Ну, конечно же — литература! Как можно было забыть?! Уж на что, а на неё в рабочие будни никогда не оставалось времени, так почему же теперь он не вспомнил о книгах, которые хотел, но не успевал прочесть?..

В туалете под потолком располагалась небольшая антресоль, куда Александр ещё не заглядывал. Уже сколько лет она была под завязку забита традиционной классикой вперемешку с порножурналами. Ни то ни другое не интересовало Сёмчина со школьной доски: баб он любил настоящих, а чтению предпочитал сон. Теперь же этот ворох макулатуры пробудил в нём давно забытый детский азарт и, разгоняя пауков, Александр вывалил на пол гору затхлой бумаги.

Отсортировывая голых тёток в отдельную стопку, он без проблем разыскал небольшой спрессованный временем томик Гончарова. В школьную библиотеку Сёмчин его так и не вернул. Несколько дней потаскал на уроки, а когда училка отстала, забросил подальше, так ни разу и не открыв.

Растрескавшийся потёртый переплёт, пожелтевшие, засранные тараканами страницы — при иных обстоятельствах Александр, не задумываясь, отправил бы книгу в мусорное ведро. От необратимого шага удержало лишь то, что в его представлении именно так и должен был выглядеть кладёзь всемирной мудрости.

Смекнув, что для начала и одной книжки будет за глаза, Сёмчин тщательно протёр находку и отнёс в комнату. Быстренько пробежавшись тряпкой по остальным книжкам, он начал водворять литературу на место, и в этот момент произошло непоправимое.

Старенький туалет советской планировки не мог похвастать габаритами, и все свои манипуляции Александр производил, стоя на унитазе. Скользкие шлёпки, разболтанный стульчак — мир без предупреждения крутанулся вокруг своей оси и внезапно исчез.

С трудом открыв глаза, Сёмчин обнаружил себя сваленным в угол. «Какое странное утро», — подумал он, пытаясь сфокусировать картинку, но период неведения оказался скоротечен — тугая головная боль быстро воскресила растерявшиеся воспоминания.

Тихо выругавшись, Александр осторожно сел и

огляделся. Вопреки ожиданиям, крови оказалось совсем немного — всего несколько маленьких пятен на кафеле да на футболке. А вот постоянно накатывающие приступы тошноты говорили о вероятном сотрясении мозга.

Медикаментов в квартире почти не было: аспирина, зелёнка, что-то от кашля... Но и до тех ещё предстояло добратся. Судорожно вспоминая, где же аптечка, Сёмчин попробовал встать, но с криком повалился обратно: при попытке опереться на правую ногу всё его тело словно прошло электрическим разрядом.

— Твою мать! — проревел Александр, хватаясь за лодыжку, а в уголках глаз блеснули слезинки.

Но боль, показавшаяся нестерпимой, отпустила так же внезапно, как и пришла. Отгоняя мысли о переломе, Сёмчин кое-как протиснулся в коридор и, стараясь не задействовать травмированную конечность, пополз к телефону. Разряженный мобильник валялся чёрт знает где, и сейчас все надежды были связаны со стареньким стационарным аппаратом. «Только бы не отключили. Только бы не отключили», — стучалось в голове Александра, когда он тянулся за трубкой. Затёкшее тело была неприятная крупная дрожь, пальцы не слушались, скользили по пластмассовому корпусу, но старенький картавый динамик всё-таки ответил ядовитым затяжным гудком.

— Что же вы, Александр Эдуардович, так себя не любите? — разглагольствовал врач скорой помощи, заполняя бумаги. — Осторожнее надо быть, а то следующий раз простым растяжением не отделаетесь.

Сёмчин не отвечал. Он сидел на кровати, молча потирая стянутую бинтами ногу.

— Но и радоваться я бы на вашем месте не стал: две недели постельного режима всё равно обеспечены, — продолжал гнусавить белый халатик. — А поскольку вы живёте один, я бы рекомендовал провести их в больнице. У нас и носилки с собой. Поедьте?

— А разве так можно? Всегда думал, что для больницы нужен как минимум перелом, — попробовал пошутить Александр.

— Это вы зря. Сейчас не военное время, так что больницы для больных. А в данный момент вы и есть больной. Заодно и снимочек сделаем: вдруг всё-таки перелом.

— Тогда поехали. Только вещи...

— Собрать? Это я помогу, — остановил его доктор. — Закончу с формальностями и помогу. А пока позвольте ваш полис.

«Вот это я влип!» — Сёмчин только сейчас осознал, что его медицинская страховка была от завода и закончилась вместе с работой. Требовалось срочно что-нибудь придумать... Но что?

— Знаете, я его потерял, — соврал Александр, ещё не понимая, зачем это делает.

— Потеряли? — врач оторвался от бумаг и пристально посмотрел в глаза мужчине. — Ничего страшного, мы свяжемся с вашим начальством...

— Начальства тоже нет. Я не работаю, — обрвал его Сёмчин и отвернулся, предчувствуя неприятности.

— Как не работаете? — растерялся доктор. — Со всем? А с виду вроде приличный человек. Зачем же вы без полиса скорую помощь вызываете? Мы иждивенцев общества не обслуживаем. Скажите спасибо, что вообще приехали. Если бы сразу знали...

— Но вы же врач!

— Я врач для граждан. А безработный, да ещё без уважительной причины гражданином быть не может.

— И даже за деньги?

— За деньги договаривайтесь с частными клиниками, а у нас с этим строго. Что ж вы... Теперь из-за вас ложный вызов оформлять. Честь имею.

*

Дождь... Тихий, шуршащий, подкрадывающийся. Его ещё нет, но твои мысли уже изрядно подмокли. Дождь... дерзкий, настойчивый, звонкий. Свистит, улюлюкает, бьёт себя в грудь. Игрушечный озорник с большущим фингалом. Приходит без спроса, пылит, колобродит. Уходит под утро: ручьями, туманом... душистым похмельем.

«И это хорошо, что сегодня идёт дождь», — подумал Сёмчин, прислушиваясь к перестуку капель. Прикованный к кровати, он не слишком переживал из-за своей травмы: когда абсолютно все вынуждены сидеть по домам, то на душе становится как-то спокойнее. В такие минуты под силу изобрести вечный двигатель или отыскать смысл жизни... Но можно не заниматься ерундой, а просто пофилософствовать в своё удовольствие.

И распоясавшаяся шпана, и напыщенные бабки, и даже врач на пару с участковым — никто не упустил возможности поддеть Александра. Охаять, оплевывать... забрызгать грязной пеной городских ручьёв с пухом поздних одуванчиков. Вот только для чего? Попытка образумить? Вернуть назад к станкам? К засаленной спецовке, небритому мату и жизни по бесконечным графикам? Пустая злоба,

шаловная зависть... И капли лупят по стеклу, расплёскиваясь, словно сытые маслянистые мухи. Как людям нравится чужое горе и ненавистна радость. Похоже, что неприятие у них в крови — практически на физическом, на инстинктивном уровне. Сразу и без обоснований.

Размышляя подобным образом, Сёмчин поправил подушку и открыл томик Гончарова на заложённой странице.

«Опять же всё крутится вокруг отрицания, — рассуждал он, по третьему разу перечитывая один и тот же абзац. — Казалось бы, живёт себе человек, никого не трогает. Не вор, не убийца... Безвредное существо. Так почему же всем вокруг непременно хочется влезть к нему в душу и подправить его — не свою, а именно его — жизнь?»

Уроки забыты, теоремы доказаны — от школьной программы почти не осталось воспоминаний, но громогласную русичку Александр всё-таки вспомнил: «Ребята, вы только задумайтесь, какой интересной может стать ваша жизнь, если прожить её с пользой. Какие подвиги и свершения нас ждут на пути. Какую радость и какое неподдельное счастье можно обрести в труде». А дальше было сочинение, за которое Сёмчин схлопотал единицу и вызов родителей. Но он так и не понял, о какой радости толковала учительница.

— И где сейчас твои счастливые ученики? — попробовал рассмеяться Александр. В пустой квартире смех прозвучал с надрывом, с неприязнью, какой-то сухой и уж точно безрадостный. Спросить было не с кого. В бессильной злобе он скрипнул зубами и что было сил через всю комнату усандалил Обломова в стену.

Ночь выдалась душной и совсем не снотворной. До утра провалявшись в странном забытии, перемежающемся беспокойными видениями, Сёмчин очнулся уже с первыми лучами восходящего солнца. Ковыляя словно подстреленный гусь, он кое-как привёл себя в порядок и, машинально поставив чайник, уселся в ожидании.

Есть не хотелось, зато черепушка гудела не хуже растревоженного осинового гнезда. Наглотавшись вчера обезболивающих, Александр на время забыл о сотрясении, но теперь, когда действие препаратов заканчивалось, головная боль вновь напомнила о себе.

Неожиданно со стороны окна донеслось лёгкое поцокивание. Массируя виски, Сёмчин повернулся на звук и увидел какую-то трясогузку, простукивающую деревянную раму. Птичка совсем не боя-

Проза. Реализм

лась человека и деловито суетилась в поисках насекомых.

«Это к покойнику», — смутно подумалось ему, и сам же усмехнулся спокойствию, сопровождавшему бредовую догадку. В свете нового дня вчерашние переживания смотрелись совсем по-другому. Сейчас они казались чем-то нелепым, чем-то надуманным и настолько мелочными, что попросту не могли иметь отношения к действительности.

В комнату Александр вернулся с большущей кружкой чая и пакетом печенья. Плюхнувшись в кресло, он на всякий случай проглотил несколько таблеток анальгина и только теперь, похрустывая крекером, вспомнил о злосчастной книжонке — виновнице недавней хандры.

Несчастный Гончаров с вывихнутым переплётом и помятыми боками валялся, где и должен был быть — в дальнем углу. Но внимание Сёмчина привлек не он, а обрывок тетрадной страницы, лежащий рядом с романом, — по-видимому, он выпал из книги во время вчерашнего полёта. Даже отсюда было видно, что бумажка сплошь изрисована детскими каракулями и не имеет никакого отношения к творчеству классика.

Во второй раз заставить себя подняться оказалось намного сложнее, но любопытство всё-таки взяло верх. Небольшое усилие воли — и вот уже Александр вертит в руках разноцветный исцёрканный фломастерами листок. Какие-то цветочки-звёздочки, а по центру аккуратная надпись: «Сашка, я тебя люблю. Твоя Венера. Позвони мне» — и телефон.

Просто так увидеть своё имя ещё ничего не значило — мало ли сколько на этом свете «Сашек». Тут дело было в другом: Сёмчин действительно помнил некую Венеру, учившуюся с ним в одном классе и даже вроде бы... посматривавшую в его сторону.

Девочка как девочка — бантики, оборочки... Могла ли она вообще написать ему любовную записку? А незаметно подложить в книгу? И это в надежде, что хулиганистый оболтус её хотя бы пролистает? Тут было о чём подумать.

Так получилось, что Александр никогда не интересовался судьбой школьных товарищей. Одни поступили в институт, другие уехали. Среди тех, кто, так же как он, устроился на завод, не было даже мимолётных приятелей. Понятное дело, что о девчонках вообще говорить не приходилось, а тут, спустя столько лет, письмо из прошлого. Да ещё какое!

Допив чай и смахнув со штанов вездесущие

крошки, Сёмчин ещё раз проглядел записку. Каким бы глупым ни было перечитывание единственного предложения, Александр словно замороженный возвращался к его началу, к немного подрагивающим «Сашка, я тебя...» и до конца. Ещё и ещё, бесконечное количество раз, словно надеясь разглядеть в неряшливых чернильных завитках какую-то тайну.

Конечно, всегда была возможность одним махом получить ответы на все вопросы, но... Проявись целых полдня, Сёмчин только ближе к вечеру решился позвонить по указанному номеру.

Всего четыре цифры — телефон был местный. Возможно, его уже и нет вовсе, но аппарат схватывает, и длинные гудки заставляют сердце колотиться быстрее. Шесть, семь... А может, попросту никого не будет дома?

— Алё, я слушаю, — чуть запыхавшийся женский голос, и сердце мгновенно срывается в штопор.

Но надо удержаться. Теперь главное — не положить трубку...

*

— ... Я-то всегда думала, ну огурец и огурец — сколько я их на грядках видела. А это, оказывается, животное такое, типа моллюска. Только без ракушки. Как медуза. И на пивяку похож. Но не как червяк, а как такая пупырчатая рыбка типа карасика. Правда, сам он не плавает, а в основном на дне лежит. Его ещё трепангом называют, но это я потом прочитала. Так вот, приносят нам этого зверя...

Поначалу Сёмчин пытался быть внимательным, но быстро осознал безнадежность своего положения. Сбивчивый рассказ Венеры стрекотал всё быстрее, и уже не отдельные слова, а целые образы начинали проскакивать мимо. Вместо этого, махнув рукой на историю, Александр с неподдельным любопытством изучал черты её лица. Частичка за частичкой — сравнивал сегодняшнюю одноклассницу с образом той девочки из далёкого детства.

— ... А я же палочками так и не научилась пользоваться. Сижу и думаю: вот как это чудо разделять? И тут наша японочка-экскурсовод приносит вилки. Я её аж расцеловать хотела за такой подарок. Никогда бы не подумала, что смогу так радоваться обычной вилке...

«Никаких тебе бантиков, никаких оборочек... Но голос и улыбка серых глаз всё те же. Зачем я пригласил? Зачем она пришла?» — Сёмчин от-

резал ещё кусок торта и улыбнулся в ответ на очередную реплику.

— ... А тебе японочки нравятся?

— Мне?

— Или китайночки? — она хихикнула. — Их часто путают, но это только поначалу. Когда привыкаешь, то они вовсе не на одно лицо. Трудно описать, если сам не почувствовал. А вот миниатюрные мужчины как-то не очень. Теперь я понимаю, почему они своих толстячков обожают. А ты сумоистов видел?

— Я?

— Здоровенные, как гора. И это не просто спорт, а целая философия...

«Слегка потолстела, чуток поумнела, но так и осталась той самой. Вот интересно, что бы случилось, найди я тогда записку, как и было запланировано? Кольца-то нет... Спросить? Или лучше не надо?»

— ... Если захочешь экзотики, я тебя с одним человеком познакомлю — он всю Азию исколесил. Причём, половину на велосипеде. Представляешь, все, что нужно — позади в небольшом прицепе, и пошёл педали крутить. Где устанет, там и ночует. У тебя есть велосипед?

— Так стоит же в коридоре. Или ты...

— Я бы, пожалуй, не смогла целый день педали крутить. Правда, и не пробовала, но это, наверно, так утомительно. И каждую ночь в палатке, да ещё без душа. А комары, змеи? Ты знаешь, какие там змеи...

«Эх, жаль, вина нет. Как дураки, сидим на сухую. Сходить — нога не пускает, а Венеру просить как-то глупо. Тортик вон купила, а к тортику? Постеснялась или не захотела?»

— ... Но на зарплату педагога особо не покатаешься. Просто чудо, что в этом году получилось вырваться. Да и вообще, это только кажется, что учителя всё лето балду гоняют. Пока программу скорректируешь да учебный план утвердишь, семь потов сойдёт. Я же почему так долго трубку не брала: только с работы вернулась. Стою — ключом в замке ворочаю, а там телефон трезвонит... Но чего это я всё о себе да о себе. Сам-то ты как, нашёл свою мечту? Кем работаешь?

*

Идти на службу к шести утра было невыносимо, но Сёмчин взял себя в руки и осторожно, стараясь не разбудить Венеру, вылез из-под одеяла. Последнее время он научился просыпаться без будильника и не тревожить жену раньше времени. Нащупав тапочки, Александр тихо прошаркал на кухню и, прислушиваясь к завыванию ветра, склонился над раковиной.

«Мы пройдем опасный путь...» — нащёптывала магнитола, теперь живущая рядом с умывальником и напевающая по утрам исключительно вполголоса.

А за окнами бесилась вьюга. Прожорливая, колючая, она словно разминалась в ожидании первых жертв. Орудя зубной щёткой, Сёмчин на мгновение представил, как ему придётся по колено в снегу пробираться сквозь скрипучую декабрьскую черноту, и невольно поёжился. Хотелось вернуться обратно в кровать, послать работу подальше и прижавшись к любимому тёплому телу...

Но нет. Он сам принял это решение, и теперь уже было поздно поворачивать вспять. Вот только один вопрос никак не хотел его отпустить: чем бы закончилась их встреча с Венерой, не испугайся он и скажи в тот вечер правду?

Mike The

writercenter.ru/profile/MikeThe/whois/

Магура Цукерман

Ловцы облаков

*По мосту на казённой машине
еду,
Из окошка высунув руки,
ловлю
Снизшедшие к нам с небес
облака.*

Туман садится, значит, время ехать.
На мост уже ложатся облака.
Проверив снасти и паучьи сети,
Сажусь на верного железного жука.
Он не спешит... получит, видно, плети
Да с двух сторон стального каблука.
Почуял, хитрый, замерцали медью
Его покатые и скользкие бока.
Добрались быстро, но уже коснулся
О горб моста седеющий туман.
И вдруг затрясся жук, перевернулся,
С него слетел я, как девчонка, как профан.
Но замер сам, когда в полсотне метров
Скрежаще жутко старой чешуёй,
Железным брюхом смяв сухие ветки,
Змея ползла, пересекая холм сырой.
Но вот затихли звуки мерзкой твари,
И жук стоит, очнувшись, предо мной.
Хоть снасти при паденьи не сломали,
А то пришлось бы голяком идти домой.
Я плащ надел, жуку экран поставил.
Помедлив чуть, мы двинулись на мост.
Клубы тумана ноздри щекотали,
Как если перья распушил бы лирохвост.
Окутал нас кудрявой ваты ворох,
И чудится, что мы на небесах.
Который раз ловлю туманов полог,
Но слёзы радости опять в моих глазах.
Наполнив сети, путь обратный держим.
Сейчас мой жук похож на дирижабль,
Но только тот, что очень любит землю,
Что ловит лапками траву, гневно жужжа.

Девочка

Девочка летит. Девочка несётся. На велосипеде вниз с горы.
А за ней, ныряя на незримой нити, вьётся змей в небесные миры.
Развязались ленты. Распустились косы. Разве эти мелочи важны?
Девочка летит. Девочка несётся. Покидая тесные дворы.

Девочка поёт. Девочка смеётся. А в глазах играют огоньки.
Спуск почти закончен. Змей земли коснётся и уснёт на берегу реки.
Сброшены сандалии. Загнуты штанины. Над рекой кружатся мотыльки.
Девочка поёт. Девочка смеётся. Брызги под ногами так легки.

Девочка танцует. Девочка кружится. Чертит палкой что-то на песке.
Лепятся миры — замки и жар-птицы вырастают у неё в руке.
Пусть потом разрушится. Пусть потом всё смоем. Солнце село вдалеке.
Девочка танцует. Девочка кружится, камушки сжимая в кулачке.

«Саша, возвращайся! Саша, уже поздно!» — слышен голос мамы на горе.
Камушки в карман. Змея на багажник. Вышло время нынешней игре.
Завтра будет день. Завтра ты примчишься вновь сюда по утренней поре.
«Саша, возвращайся! Саша, уже поздно!» Девочка уже в своём дворе.

Магура Цукерман

writercenter.ru/profile/Mari/whois/

На десерт

Художник Rhads

Что такое чудо?

Это не драконы, принцы, эльфы и волшебники. И не полтергейсты с русалками. Чудо — это жизнь. Это улыбнувшийся Вам в ответ прохожий, это ветерок в жаркий день, это искренний комплимент от подруги, это тихое мамино «держись»... Мы все куда-то спешим, стремимся к чему-то на самом деле совсем не нужному, а чудеса проходят мимо. Их не ценят, не вспоминают, не благодарят за них Вселенную. А ведь без маленьких чудес не случатся и большие.

Вам не скажут, что кошмарный диагноз был просто ошибкой. Не предложат работу вашей мечты. Не вылечат ребенка от смертельной болезни молитвой. Не приведут в то место, где Вы можете помочь, и где могут помочь Вам. Не простят. Не попросят прощения. Не благословят. И не полюбят...

Цените жизнь, оберегайте Свое чудо. У вас есть все, что нужно. Любите себя, любите окружающих, живите так, чтобы каждый день делать свою жизнь хоть чуть-чуть, но лучше, и хоть иногда делайте чудеса для других. Не нужно себе во всем отказывать в надежде на то, что в будущем это воздастся. Завтра и Вчера сейчас не существует.

Наслаждайтесь Сегодня. Побольше Вам чудес и чудесных людей на вашем пути!

Меллори Елена ©

Меллори Елена
writercenter.ru/profile/Mellory/whois/

Художник Rhads
rhads.deviantart.com

В ПЛЕНУ ИГРЫ

В следующем номере:

Художник Лев Елена

Лирика - Реализм - Мистика - Фэнтези - Фантастика